

К - 1482472

**ФОЛЬКЛОР
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ**

**Сказки
Анастасии Петровны Дербиной**

Хрестоматия

ВОЛОГДА
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Центр традиционной народной культуры

ФОЛЬКЛОР ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Сказки Анастасии Петровны Дербиной

Хрестоматия

ВОЛОГДА
2016

УДК 398.21(470.12)(07)
ББК 82.3(2Рос-Вол)я7
Ф 74

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор
Вологодского государственного университета Л. Ю. Зорина,

кандидат педагогических наук, доцент
Вологодского государственного университета В. Л. Сигова,

методист БОУ ДО ВО «Школа традиционной народной культуры»,
почетный работник общего образования РФ В. Е. Павлова

Ф 74 Фольклор Вологодского края. Ч.1. Сказки Анастасии Петровны Дербиной : хрестоматия / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; [сост. С. В. Балуюевская]. – Вологда : ВоГУ, 2016. – 94 с., нот.
ISBN 978–5–87851–695–2

Первый выпуск хрестоматии «Фольклор Вологодского края» представляет сказки, записанные от Анастасии Петровны Дербиной (1911–1998), уроженки деревни Смольянка Кичменгско-Городецкого района Вологодской области, по материалам архивных коллекций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета и личной коллекции звукозаписей Т. В. Кореньковой.

Издание предназначено для преподавателей и обучающихся высших и средних учебных заведений, учреждений дополнительного образования в качестве источника новых сведений по фольклору Вологодского края. Хрестоматия рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся русской народной художественной культурой.

Утверждено редакционно-издательским советом ВоГУ

УДК 398.21(470.12)(07)
ББК 82.3(2Рос-Вол)я7

ISBN 978–5–87851–695–2

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2016
© Балуюевская С. В., составление, 2016

Содержание

От составителя	4
Чурина Т. И. Воспоминания о бабушке	5
Список сокращений	9
Нотографические обозначения	9
Список справочной литературы	9
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ.....	11
1. «Ива́нушко и по́тоцька»	11
2. «Сивко-Бурко».....	25
3. «Гле́бушко и Егибашна»	38
4. «Де́воцька-ду́доцька»	46
5. «Сне́гурка и старице́к-коро́стенице́к»	51
6. «Морозко»	52
7. «Марья-цярёвна и бра́тець Ива́нушко».....	56
8. «Парнеце́к-голубо́чик»	59
9. «Как Егибашна молодых догоняла» (фрагмент).....	62
10. «Как парнеце́к родителей искал» (фрагмент).....	64
11. «О кузнеце и золотых дел ма́стёре».....	65
НЕБЫЛИЦЫ.....	68
12. «Про ле́сново цяря́»	68
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ	75
13. «Лиси́ця-мытни́ця»	75
14. «Лиси́ця и старик»	76
15. «Как кошка на ложке ездилa в Усо́льё по́ соль».....	78
16. «Как лиси́ця за́еца омману́ла»	79
17. «Про волка»	80
18. «Медви́дь – липовая нога» (фрагмент).....	87
БЫТОВЫЕ СКАЗКИ	87
19. «Братья, це́рт и поп»	87
Примечания	90

От составителя

Хрестоматия «Фольклор Вологодского края» открывает серию изданий фольклорно-этнографических материалов из архивных коллекций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (ранее – Лаборатории народного музыкального творчества Вологодского государственного педагогического института). Первый выпуск хрестоматии презентует сказки талантливой народной исполнительницы Анастасии Петровны Дербиной (1911–1998), уроженки деревни Смольянка Еловинского поселения Кичменгско-Городецкого района Вологодской области.

Публикуемые фольклорные и этнографические данные зафиксированы сотрудниками, преподавателями и студентами вуза в ходе полевых исследований 1994–1995 годов (научный руководитель экспедиции – Г. П. Парадовская). Материалы дополнены экспедиционными сведениями 1995 и 1998 годов из личной коллекции звукозаписей Т. В. Кореньковой (Гудыменко), состоящей на хранении в архиве Областного научно-методического центра культуры г. Вологды.

В хрестоматию включены 19 сказочных сюжетов, записанных от Анастасии Петровны Дербиной, в их числе: 11 – волшебных сказок (2 сюжета зафиксированы фрагментарно), 1 – небылица, 6 сказок о животных, 1 – бытовая сказка. Отдельные сказочные сюжеты исполнялись А. П. Дербиной неоднократно. В настоящем издании последовательно излагаются все текстовые варианты этих сюжетов: сказки «Иванушко и по́тоцька», «Глебушко и Еги́башна», «Про лесного цяр́я» представлены в 4 вариантах; «Сивко-Бурко» – в 3 вариантах; «Де́воцька-дудоцька», «Парнеце́к-голубо́чик», «Про волка» – в 2 вариантах. Подобное вариантное расположение текстов позволяет отобразить специфику художественных форм устной сказительской традиции, дает возможность проводить их сравнительный и структурно-типологический анализ с целью выявления типических и вариативных компонентов.

Все тексты сказок представлены с учетом диалектных особенностей речи исполнительницы, в числе которых: «цёканье», особое полумягкое произношение согласного звука «л» («л'»), краткое «у»-неслоговое («ў») на месте согласных звуков «в», «г», «л» («коўда́», «деўка́», «паўка́»), йотирование гласных в начале («йим», «йих», «йили») и середине слова («окиан»), «ёканье» («бежа́ть», «бу́дет», «мо́ре»), выпадение согласного звука («на[д]э», «ес[т]ь», «го[в]оря́т») или его замена («омма́нывай»), и другие.

Отдельные сюжеты, такие как «Морозко», «Де́воцька-дудоцька», «Глебушко и Еги́башна», «Парнеце́к-голубо́чик», «Про волка», «Медвídь – липовая нога», содержат «песенки» главных сказочных персонажей. Музыкальный текст припевок основан на повторе кратких мелодических фраз, интонационный контур которых являет собой непесенную форму интонирования, приближенную к речевой манере исполнения. Настоящее издание включает отдельные нотографические образцы, позволяющие составить целостное представление о сказочной традиции.

Для исполнительского стиля А. П. Дербиной характерны яркий тембр, активная подача текста с разнообразными динамическими оттенками, интонационное богатство сказительской речи, красочное образно-художественное наполнение сказок, солидный репертуарный багаж. Все это свидетельствует о мастерстве народной исполнительницы, ее сказительском таланте.

Хрестоматия содержит статью Татьяны Ивановны Чуриной, внучки А. П. Дербиной. Устами близкого человека описываются воспоминания о бабушке Настасье, представляются ее биографические сведения, цитируются личные высказывания народной исполнительницы.

Раздел «Примечания» включает данные о собирателях, времени записи информации, номере единицы архивного хранения фольклорно-этнографических материалов, а также сопроводительные комментарии.

Издание представляет новые сведения по сказочной прозе Вологодской области, может служить источниковой базой для научной, учебной и творческой деятельности студентов вузов, учащихся средних профессиональных заведений, общеобразовательных школ, учреждений дополнительного образования детей, изучающих фольклорные традиции родного края.

Хрестоматия составлена при непосредственном участии Е. А. Коньковой, студентки 4 курса направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», профиля «Дополнительное образование (музыкальный фольклор)», темой выпускной квалификационной работы которой является «Сказочная проза А. П. Дербиной в современной исполнительской практике».

Благодарим Областной научно-методический центр г. Вологды и лично Татьяну Валентиновну Коренькову за предоставленные фольклорно-этнографические материалы, существенно дополнившие коллекцию сказок Анастасии Петровны Дербиной из Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета.

Т. И. Чурина

Воспоминания о бабушке

В 33 километрах от Кичменгского Городка на высоком пригорке стоит красивая деревня Смольянка. Там прошло мое детство и юность, там родилась и всю свою жизнь прожила моя бабушка – Дербина Анастасия Петровна.

Родилась бабушка 21 марта 1911 года в семье Ципилёвых Петра Кузьмича и Александры Ильиничны. Настасья была единственной дочерью и воспитывалась среди братьев: Пашутка (1908 г.р.), Папило (1913 г.р.) и Миша (1918 г.р.).

Ципилёв Петр Кузьмич, бабушкин отец, был крепким сильным мужчиной, работал кузнецом и слыл в округе бесстрашным охотником. Рассказывают, что однажды он, будучи безоружным, в одиночку завалил медведя. По натуре он был человеком очень спокойным и добрым. И так же спокойно ушел из жизни в возрасте 86 лет.

А. П. Дербина с внучкой Татьяной

Моя бабушка вспоминала свою беседу с отцом, которая состоялась за день до его смерти:

«– Сегодня, Настя, Господь мне небо открыл.

– Как это, тятя?

– Вышел я на улицу, сел на пережитницу¹, поднял глаза к небу. А небо распахнулось и вышел Господь в ризе. Всё вокруг так и засияло...».

На следующий день Петр Кузьмич умер, сидя на том самом месте, где ему «Господь небо открыл».

Мама бабушки, Александра Ильинична, умерла рано, в возрасте 40 лет, когда Настасье исполнилось лишь 8. Бабушка всю жизнь тосковала по родной матери. А про ее смерть рассказывала следующее: «Умерла ведь от незнания. Вену на ногу рассадил, кровь-то и пошла. Она корыто взяла, да всю кровь-то вычидила, да и поросенку скормила».

В доме без хозяйки с маленькими детьми нелегко обжиться, и Петр Кузьмич привел в семью другую женщину. Всего после смерти Александры у него было три жены:

¹ «Пережитница» – деревянный настил (наподобие крылечка) перед амбаром.

Клавдия, Ульяна и еще одна Ульяна. В связи с этим бабушка вспоминала про отца такую историю: «Тятя, когда молодой был, в святки гадал, кто у него суженая будет. Перед сном снял пояс да и положил под подушку. Видит во сне: стоит Александра, да за пояс-то и тянет. А за ней еще три женщины стоят. Проснулся, ума приложить не может: ну, ладно Александра стоит, а эти-то что там делают?! Вот и было у него кроме мамы еще три жены».

Оставшись рано без матери, Анастасия всему училась у людей. Она рассказывала: «Надо было учиться всему. Я побегу в деревню, женщины прядут или половики ткут, я стою рядом, наблюдаю. А потом приду домой и пробую сама делать. Я была черной (смуглой), бегала бойко, так меня в деревне все цыганкой звали. Пешком-то не ходила. Тороплюсь, запнусь, упаду. Мне кричат: “Настя, убьешься!” Я только рассмеюсь, поднимусь, да дальше бежать».

Бабушка в молодости ловко ставила силки на птиц, ловила медоткой² и сеткой рыбу. Говорила: «Рыбу я шибко любила. Словлю моляву³, так сразу кишки уберу, прополощу да и съем». Помню, в детстве мы с бабушкой пошли ловить рыбу медоткой. Мелкая рыба, молявы, стояла на переборе. Бабушка расставила медотку и говорит: «Держи, я буду палкой рыбу тебе загонять». А я и удержаться не могу, меня вместе с медоткой течением сносит. Поменялись местами. Теперь я стала палкой рыбу загонять: силы не хватает, палка поверху воды ходит, а рыба внизу. Мучились мы долго, но пришли с уловом. Азарт к ловле рыбы у бабушки сохранялся всю жизнь. Часто она собирала маленьких ребят и подростков, водила их на реку рыбу ловить. Будучи в возрасте 75 лет она сговорила дочку, зятя и внучек пойти сеткой ловить рыбу. Все бродились по шею в воде, замерзли и запросились домой, а бабушке хоть бы что, она всех только подгоняла.

Анастасия Петровна хорошо делала всю женскую работу. Обработывала шерсть: чесала, прядла, при этом нитка получалась у нее очень тонкой и ровной; вязала шерстяные носки и рукавицы, плела коврики из ниток; ткала половики. Косила, загробала сено, метала зароды. Пекла вкусные пироги, праженики, картофельные шаньги, печенье. В доме всегда было много грибов и ягод. По грибы бабушка любила ходить одна, у нее были свои тайные места. Если в лесу она видела другого грибника, тихонько обходила его стороной, чтобы он не заметил ее присутствия.

А. П. Дербина с внучками Татьянами

Когда дедушка, муж Анастасии Петровны, заболел, она научилась выполнять и мужскую работу (резать скот, выделывать шкурки). Наверное, не было такой работы, которой она не умела бы делать.

За моего дедушку, Дербина Константина Алексеевича, бабушка вышла замуж 28 января 1933 года. Прожили они вместе 56 лет. В семье было четверо детей: Александра, Валентина, Михаил и маленькая Валентина, которая умерла в возрасте 1 года от воспаления легких. Бабушка всю жизнь плакала по ней и говорила, что Валя была самой лучшей и самой красивой, росла крепкой, веселой девочкой, вспоминала: «Бывало, так зыбку раскачает, что боюсь, что вывалится».

Много пришлось пережить моей бабушке: голодные детские годы, война, болезнь мужа, смерть маленькой дочки, смерть взрослого сына (Михаил умер в 42 года). В войну ее муж, мой дедушка, не был призван на фронт по болезни. Он работал в Москве на заводе

² «Медотка» – устройство для ловли мелкой рыбы, которое состоит из двух бадогов (палок) и мешковины (мешка) между ними. «Рыболовная снасть, небольшой бредень, изготовленный из холста» [9, с. 78].

³ «Молявы» – мелкая рыба.

им. И. А. Лихачева. После войны он остался там еще на 6 лет. Все это время бабушка работала в колхозе и одна воспитывала детей.

В колхозе Анастасия Петровна считалась лучшей работницей. Выкашивала по гектару травы в день. Вспоминала: «Надо уже рожать, а я за плугом хожу. К вечеру живот и разболелся, около ночи родила. Лежу на печи, приходит бригадир на работу звать, а я с робёнком».

Бабушка была очень сильной и бесстрашной женщиной. Только она могла справиться с колхозными быками: она кормила и ухаживала за ними. Однажды бык напал на нее и чуть не задал до смерти. После этого случая она все равно продолжала кормить быков, поскольку другие женщины боялись. Проработала бабушка в колхозе почти до 80 лет. А в 82 года она в одиночку выставила весь сенокос для своей домашней коровы.

По характеру бабушка Настя была очень веселой, доброй, приятной в общении. Для нас она была примером честности. К ней часто приходили за советом по любому вопросу. Она не боялась сказать правду в глаза, будь то простой селянин или председатель колхоза. Не терпела обмана и безответственного отношения к делу. Осуждала лентяев и пьяниц, шатающихся без дела людей. А еще бабушка слыла очень гостеприимной, у нее часто бывали гости. Я помню, как она их встречала: пекла пироги, выносила грибы, ставила на стол самовар. Намакавши горячим пирогом солёных еловиков⁴, гости наливали горячий чай на блюдце, клали кусочек сахара за щеку и с наслаждением пили по несколько чашек чая, размеренно ведя беседу.

В молодости в деревне не было равной Анастасии Дербиной по силе в борьбе. Никто из мужчин не мог ее побороть, кроме брата Папила. Бабушка говорила: «Станем бороться, мужики побороть не могут. Рассердятся, возьмут меня, носят-носят... А только я земли коснусь ногами – всё! – я уж мужика перевернула, поборола».

Смекалки ей было тоже не занимать. Вспоминаю ее рассказ: «Раньше на сенокосы-то далёко ходили. Домой-то охота выбежать. Бегу, тороплюсь. А тут на лошаде бригадир едет. Говорит: “Настя, встанешь берёзкой, так подвезу”. А раньше ведь безо штанов ходили, в одном платье. Я говорю: “Встану!” Взяла, платье меж ног обкрутила да берёзкой-то и встала. Пришлось ему меня везти».

К работе бабушка приучала меня с самого детства. Я не знала выходных и праздников, редко играла с другими детьми, летом и зимой у меня всегда находилась работа по хозяйству. После уроков я сразу бежала домой, чтобы помочь бабушке. Я старалась выполнять любую работу хорошо не потому, что боялась упрека или ругани, а потому, что было стыдно сделать плохо. Бабушка же всегда меня хвалила: и дома, и перед чужими людьми, говорила: «Танька-то у меня – сто сот да и ружье».

А.П. Дербина с детьми и внуками на сенокосе

В праздничные дни (Крещение, Масленицу, Вербное воскресенье, Пасху и другие) бабушка работать запрещала. Помню, как на «баскую ужну»⁵ накрывали стол и «звали ужинать Морозка». В Масленицу она давала мне яркую красивую шаль и отправляла

⁴ «Еловики» – грибы, растущие в ельнике (иначе – еловый рыжик).

⁵ «Баская ужна» – поминальный ужин в Васильев вечер (13 января), канун Старого Нового года.

гулять, кататься с девочками на санках. В Благовещение бабушка в саднике⁶ вешала качели (перекидывала ужище⁷ через бревно, прикрепляла ужище к двум концам доски, получалась качель), усаживала нас, раскачивала, при этом пела нам частушки. В Вербное воскресенье мы рано утром отправлялись за вербочками. На Пасху красили яйца. В Троицу украшали берёзками огород (забор) у входа в дом. В Егорьев день выпускали обязательно скот на улицу. У каждого праздника была своя традиция, которую мы неукоснительно соблюдали.

В будни, чем бы мы вместе с бабушкой ни занимались (ходили по грибы, собирали ягоды, сено косили, обрабатывали шерсть или крутили нитки для половиков, мешали сметану на масло), она всегда рассказывала мне что-то интересное или пела. Я сейчас понимаю, что все мое воспитание происходило посредством сказок, песен, былич, бывальщин, историй. Мне никогда не грозили, что если я сделаю что-то не так, то меня накажут. Бабушка на все находила какую-либо историю, чтобы научить меня. К колодцу я не подходила, потому что «там жила бабка с клюкой, и она могла меня утянуть в колодец». В нежилой дом не смела ходить – там жили «нечистые», которые сначала казались красивыми юношами, но потом могли «превратиться в крыс и загрызть» и т.п.

Сказок, песен, былич бабушка знала огромное количество. Много знала и песен. Она пела весь свадебный причет наизусть. Слыла лучшей причитальщицей на похоронах. Хорошо знала все правила похоронного обряда (как нужно помыть умершего, похоронить его).

Я часто спрашивала бабушку: как она могла столько запомнить, как училась? Она отвечала, что просто слушала и запоминала, а память у нее была отличная.

С бабушкой я жила с 4-летнего возраста. Сначала после пожара, когда сгорел дом и все хозяйство с ним, бабушка забрала меня с сестрами жить к себе. Затем после переезда родителей так случилось, что я снова оказалась у бабушки, как планировалось – до школы, однако осталась с ней навсегда. Она и вырастила меня как свою дочь.

Все это время я боялась потерять бабушку, не могла представить себе, что жизнь может продолжаться без этого дорогого мне человека. Но это случилось: она ушла навсегда 19 октября 1998 года после продолжительной болезни. Умирая, между приступами сильной боли, она давала нам наказы: во что ее одеть, где похоронить, кого позвать на поминки, что поставить на поминальный стол.

В нашей округе всех умерших хоронят на кладбище у деревни Еловино, что за 3 километра от нашей деревни Смольянки. Машину или трактор для перевозки покойного, как правило, подгоняют к самому дому, затем везут его до угора – это то место, где заканчивается деревня и где все прощаются с усопшим. Мою бабушку Анастасию Петровну до этого угора через всю деревню несли на руках. Это была огромная дань уважения от жителей деревни!

Прошло уже 17 лет. В этом году моей бабушке исполнилось бы 105 лет. Она оставила неизгладимый свет в памяти многих людей. До сих пор я чувствую рядом ее присутствие. Где бы я ни была и что бы ни делала, я всегда мысленно советуюсь с ней, думая при этом: «А что на мой поступок сказала бы моя бабушка?» И поступаю так, как она меня учила.

Каждый вечер перед сном я вспоминаю ее, повторяя те слова, которые раньше произносила моя дорогая бабушка, молясь за тех, кого уже рядом нет: «Поддай, Господи, царства небесного рабе божьей Настасье Петровне, раю прекрасного, теплого местечка, со святыми упокой!»

⁶ «Садник – пристройка к боковой или задней стене дома для различных хозяйственных принадлежностей, а также для содержания домашнего скота в летнее время» [2, с. 243].

⁷ «Ужище» – веревка.

Список сокращений

ЦТНК ВоГУ – Центр традиционной народной культуры Вологодского государственного университета

ОНМЦК – областной научно-методический центр культуры г. Вологды

ЭВФ – экспедиционный видефонд

ЭАФ – экспедиционный аудиофонд

АФ – аудиофонд

Комм. – комментарии

СУС – сравнительный указатель сюжетов

Условные нотографические обозначения

	– звучит на октаву ниже
	– незначительное (около ¼ тона) повышение или понижение ступени
	– символ (одинарный апостроф), обозначающий границу композиционного построения, равного стиховой строке (мелостроке)
	– звук речевого характера, в котором звуковысотный контур неустойчив, отражена приблизительная высота звучания
	– звук речевого характера без чётко выраженного звукового контура, но имеющий ритмическую организацию
	– интонационный сброс / подъём без фиксации звуковысотной позиции конечного / начального тона, исполняется как скольжение голоса
	– микроферматы, указывающие на незначительное сверхнормативное удлинение или сокращение длительности

Список справочной литературы

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне [Электронный ресурс] / гос. рус. геогр. о-во. Отд-ние этнографии. Сказоч. комис. – Ленинград: Гос. рус. геогр. о-во, 1929. – 118, [2] с. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/>, http://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-2340/002_R/index.html
2. Вологодское словечко: школьный словарь диалектной лексики / отв. ред. Л. Ю. Зорина; Вологод. гос. пед. ун-т. – Изд. 2-е, исправл. и доп. – Вологда: ВГПУ, 2011. – 344 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: Рус. яз., 1998. – Т.1: А-З. – 1998 – 699 с., 1 портр.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: Рус. яз., 1998. – Т.2: И–О. – 1998. – 779 с., 1 портр.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Москва: Рус. яз., 1997. – Т.3. – 1998. – 555с., 1 портр.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: Рус. яз., 1998. – Т.4: Р–V. – 19998. – 688 с., 1 портр.
7. Древо жизни / сост. Е. Ю. Мельникова. – Вып. 3: Сборник по традиционной народной культуре Кичменгско-Городецкого района. – Вологда: Книжное наследие, 2005. – 184 с.: ил.
8. Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина; Мин-во образ. и науки РФ; Вологод. госуд. пед. ун-т. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.
9. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская и др. – Вып.: А-Г. – Вологда: Русь, 1983. – 143 с.
10. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вып.: Д-З. – Вологда: Русь, 1985. – 182 с.
11. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вып.: И-К. – Вологда: Русь, 1987. – 128 с.
12. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вып.: К-М. – Вологда: Русь, 1989. – 92 с.
13. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вып.: М.-О. – Вологда: Русь, 1990. – 128 с.
14. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вып.: О-П. – Вологда: Русь, 1993. – 122 с.
15. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Л. Ю. Зорина. – Вып. 7: П. – Вологда: Русь, 1997. – 168 с.
16. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Л. Ю. Зорина. – Вып. 8: Посад-Пятра. – Вологда: Русь, 1999. – 120 с.
17. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Л. Ю. Зорина. – Вып. 9: Р - С. – Вологда: Русь, 2002. – 130 с.
18. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Л. Ю. Зорина. – Вып. 10: С. – Вологда: Русь, 2005. – 182 с.
19. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. Л. Ю. Зорина. – Вып. 11: Т-Х. – Вологда: Русь, 2005. – 218 с.
20. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии / ред. и сост. Л. Ю. Зорина. – Вып. 12: Ц-Я. – Вологда: Русь, 2007. – 145 с.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1.1. «Иванушко и по́тоцька⁸»

«Вот жил'а жёншина. У её быў парнецёк, ну, один. Она посыл'аэт ёво дрóвця рубить. Он ушэў дрова рубить. Пришэў, тюкнуў о берёзку, вдруг прилетёл'а по́тоцька, всяким разным гол'осам поёт. Он давай её хватать. Она близко не подпушшаёт и далёко не улётаёт, близко не подпушшаёт и далёко не улётаёт. Он хватаў да хватаў, весь день прохватаў – поймать не мог. Пришэў, мама спрашиваэт, матка:

– Как сынок, каково порубиў дрóвецъ?

– Нескóль, ма[ма], не порубиў. По́тоцька прилетёл'а, всяким разным гол'осам поёт.

Я эк хватаў весь день и поймать не мог.

– Не хватай, дитятко, этые по́тоцьки. Этая по́тоцька большоё безгол'овье приведёт.

– Ну, мама, не буду.

Назавтрё⁹ опеть пошэў дрова рубить. Пришэў, тюкнуў¹⁰ о берёзку, опеть по́тоцька прилетёл'а. Хватаў да хватаў, весь день прохватаў, её поймать не мог. Она опеть ёму (пришэў домой), матка:

– Каково, дитятко, дрóвецъ-то порубиў?

– Да нескóль не порубиў. По́тоцька пролетёл'а, весь день, мама, прохватаў.

– Ой, дитятко, не хватай ты. Этая по́тоцька бол[ь]шоё безгол'овье приведёт.

Л'адно, хорошо. Ушэў на трётэй денёк. Вот только тюкнуў о берёзку, опеть по́тоцька прилетёл'а. Хватаў да хватаў, да поймаў. Поймаў, принёс домой эту по́тоцьку.

– Ох, ты, моё дитятко серьешноё, ты большоё своё безгол'овье привёў.

Вот. Прожили денёк. И вдруг от цяря записка пришл'а, штё пус[т]ь бы ко цярю он яв'ився. Вот он пришэў ко цярю. <...> Цярь спросиў:

– Ты поймаў по́тоцьку?

– Поймаў.

Вот ёму он и даёт заданье, вот этова:

– Найди: вот не был'о Со[л]нця на земле три дня, три цяса, три минутоцьки, дак вот узнай, где оно был'о.

Пришэў домой, пл'ацёт:

– Мама, цярь мне такое заданье даў: вот не был'о Со[л]нця на земле три дня, три цяса, три минутоцьки, ак где вот оно был'о?!

Вот. Л'адно, хорошо. И пошэў он... Она и говорит:

– Ох, серьешноё дитятко, это не заданье. Это эшшо заданье тебе будёт всё впередё. Да. Вот иди в кузницу и скуй три подпиры и три просьвиры, три золёзных¹¹ шляпы, и пойдёшь ты... Вот... Я те[б]е дам кл'убоцик и ты и пойдёшь искать Соўнышко.

Вот он и пошэў искать Соўнышко. Подпиру исподпираў, просьвиру изгл'одаў, золёзную шляпу дожжём исхлестал'о. Дошэў до избушки. Избушка стоит, на курицьей голёшке¹² вертитця.

– Избушка, избушка,

К лесу задом,

Ко мне сперёдом,

Встань черёдом¹³.

Зашэў в эту избушку, лёжит Егибашна на пецё:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють. Съем да заём!

⁸ «По́тоцька» – птичка.

⁹ «Назавтрё – на следующий день» [8, с. 293].

¹⁰ «Тюкать – рассекать, расщеплять на части ударами, колоть» [8, с. 292].

¹¹ «Золёзных» – железных.

¹² «Голёшка – голень ноги» [2, с. 54].

¹³ «Черёдом – как следует, правильно» [8, с. 299].

– Ой, бабушка, не ешь. Напой, накорми, на дорожку надели, всё росспроси, тоўда и ешь.

Да.

– Далёко ли, дитятко, катаёцца?

– Вот так и так. Вот царь даў заданье: не был'о Со[л]нця на земле три дня, три цясá, три минутоцьки, дак вот велёў узнать, где-ка оно был'о.

– Ой, Со[л]нцё-то м[н]е – брат, ко мне придёт нацёвать, дак вот, буди, спрощу, – гыт, – дак скажёт, дак вот скажу.

Оборотил'а Иванушка цигашком¹⁴, опустил'а во шшиўку¹⁵. Вдруг Соўнышко катитця:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють. Съем да заём!

– Ой, братець, по земле-то покатаўся, русы-то нахватаўся, дак то тебе и цють. Садися-ко цяю пить да, этова, ўжнать.

Соўнышко осерьдил'ося да и укатил'ося. Наўтро Иванушка, оборотил'а цигашка Иванушком.

– Осерьдил'ось Соўнышко да и укатил'ося. Вот иди, впередё сёстра, дак ей, буде, и скажёт.

Вот, л'адно, хорошо. Пошёў опеть Иванушко. Шёў-шёў-шёў, подпиру исподпираў, просьвиру изгл'одаў, золёзную шляпу дожжём исхлестал'о. Стоит избушка, на курицьей голёшке вертитця.

– Избушка, избушка,

К лесу задом,

Ко мне перёдом,

Встань чередом.

Зашёў в эту избушку, Егибашна на пецё лёжит:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють. Съем да заём!

– Не ешь, бабушка. Напой, накорми, на дорожку надели, тоўда и ешь.

– Далёко ли, дитятко, катаёцца?

– Вот, бабушка, не был'о Со[л]нця на земле три дня, три цясá, три минутоцьки, дак вот охота узнать, где оно был'о?

– А Соўнышко-то – брат, ко мне придёт нацёвать, дак вот спрощу, буди¹⁶.

Оборотил'а ёво она бул'авоцькой и во стенку заткнул'а. Вдруг Соўнышко идёт:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють. Съем да заём!

Она и гыт:

– Ох, ты, братець! По Русё-то покатаўся, русы-то нахватаўся, то тебе и цють. Л'адно. Давай, садися-ко ўжнать.

Он сеў ўжнать. Сеў ўжнать.

– Вот я те[б]я спрощу, братець, те[б]я не был'о на земле три дня, три цясá, три минутоцьки, а где ты, скажи, быў?

Соўнышко осерьдил'ося, от её укатил'ося. Оборотил'а Иванушка... эту бул'авоцьку Иванушком. Опеть Иванушку сказал'а:

– Осерьдил'ось Соўнышко. Есть впередё сёстра, дак иди к той.

Л'адно, хорошо. Опеть пошёў Иванушка. Подпиру исподпираў, просьвиру изгл'одаў, золёзную шляпу дожжём исхлестал'о. Стоит избушка на курицьей голёшке.

– Избушка, избушка,

К лесу задом,

К нам перёдом,

Встань чередом.

Зашёў в эту избушку, Егибашна на пецё лёжит:

¹⁴ «Цигашик – таракашик» [2, с. 317], «таракашик – заколка для волос» [2, с. 277].

¹⁵ «Шшиўка» – щель.

¹⁶ «Буди – если – союз условн.» [2, с. 26].

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сьским ду́хом цю́ть. Съем да заем!

– Не ешь, бабушка. Напой, накорми, на дорожку надели, всё росспроси, тоўда и ешь. А вот не был'о, – гыт, – Соўнышка на земле, бабушка, – гыт, – три дни, три цяса, три минутоцьки. Скажи, где-ка был'о?

– А вот Соўнышко – брат, ко мне прйдёт нацёвать, дак спрощу. Оборотил'а Иванушка прикол'оцькой¹⁷, воткнул'а во стенку.

Л'адно, хорошо. Пришл'о Соўнышко нацёвать опеть жо. Ступил'о за порог:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сьским ду́хом цю́ть.

– Ну, братец, по Русе-то покатаўся, русы нахватавсья, то тебе и цють. Садисья-ко ўжнать.

Вот. Ужнать посадил'а, поцьял'а¹⁸ вином поить, за ворот к ёму лить. И стал'а Иванушка спрашвать, ну это, Соўнышка. Соўнышко и говорит:

– Вот ме[н]я не был'о на земле три дня... Я, – гыт, – там, – гыт, – ес[т]ь этово... (Как назватъ-то? Дёвиця-та?) Ес[т]ь на море, пл'аваэт дёвиця, а такая красота, – гыт, – неоценимая. (Не знаю тут, вот как сказать это? Неправильно говорю.) Вот я, – гыт, – её хотёу сохватать да в морё оступиўся, дак на окияньськой горе, – гыт, – три дня, три цяса, три минутоцьки сушиўся.

Да. Л'адно, хорошо. Он росказаў. Потом наўтро Иванушко встаёт, оборотил'а она Иванушком и росказал'а ёму. Вот Иванушко и пошёу домой. Пришёу домой ко царю. Царю сказаў. Царь и говорит:

– Ну, л'адно. Ты цяс эту м[н]е дёвоцьку, дёвицю достань. Там на море пл'аваэт, ну, пл'аваэт царёвна, царёвна на море.

Ой, домой идёт и ревет! Матке говорит:

– Штё вот эдак и эдак м[н]е [царь] сказаў, штё, – гыт, – м[н]е на[д]э эту царёвну достать.

Она и гыт:

– Ой, – гыт, – дитяtko, это не сл'ужба, эшшо сл'ужбоцька вся те[б]е впередё будёт, – говорит. – Иди-ко к кузнецам, – гыт, – скуй-ко тележки-самобежки, гусельци-самоигральци. Дак вот ты и пойдёшь по-за этой дёвоцькой.

Л'адно, хорошо. Ушёу Иван-царёвиць в кузницу, сковаў тележки-самобежки, гусельци-самоигральци. Вот и б[л]а[г]ословил'а она ёво. Он сеу и поехаў:

– Тележки-самобежки, бёжитё, как вам надэ,
Гусельци-самоигральци, играйтё, как вам надэ.

Вот эти тележки и побёжали. Добёжали до этова, до этова моря. Он вклюциў это гусеньци эти. Она пл'авал'а да пл'авал'а, да пл'авал'а, да пл'авал'а эта царёвна, да к ёму подкатил'ась. Он сохватаў её да и домой, и ко царю привёз. А царь сказаў:

– Ну, л'адно. Всё – ты м[н]е сл'ужбу услужиў, цяс ты на ей будёшь жёнитьця.

А она ёму сказал'а, говорит:

– У меня ес[т]ь в море, там, – гыт, – зол'отоё кольцо. Коўда он это кольцо достанёт, тожно¹⁹, – гыт, – и будёшь жёнитьця.

Л'адно, хорошо. Идёт домой, ревет:

– Ой, мамушка, царь опеть сл'ужбу задаў.

– А какую?

– А вот эдак и эдак. Велёу зол'отоё кольцо достать из моря. Мне-ка, – говорит, – предлагаэт жёнитьця, а, – гыт, – она просит кольцо, – говорит.

Ну, л'адно, хорошо. Как это цяс сдел'ать?! Она гыт:

– Я теперь уж, дитяtko, не знаю, как ты хошь, сам иди.

¹⁷ «Приколоцька – приколка» [16, с. 51].

¹⁸ «Поцять – начать, приступить к какому-либо действию» [16, с. 25].

¹⁹ «Тожно» – тогда.

Вот и пошѣу Иванушко искать её, это на море, эту царевну. Шѣу-попошѣу, шѣу-попошѣу. О-ой, какой витѣр! А уж у ёво и фуфаецьку всю исхлѣстал'о. Витѣр, дож[дь] льѣт! А вдруг ушѣу, уцѣу – ципнѣноцьки рѣвут, этово, под этой, под сухой ѣл'оцькой. Он взяу, эту свою фуфаецьку сняу, да йих и закрыу. А вдруг летит птиця такая бол[ь]шая:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским дѣхом цютъ! Съем да заем!

А эти ципнѣноцьки еѣнные заревели:

– Ой, мамушка, не ешь! Он нас спас!

Да. Вот она сѣл'а и гыт, ну:

– Уж далѣко ли ты ходишь, – гыт, – ты, Иванушко? (Иванушком ёво зовут. Да.)

Далѣко ли ты ходишь?

– А вот так и так, – гыт. – Вот царь такой такоѣ заданье дау, – гыт. – На море, – гыт, – там, – гыт, – девиця... ну, этова... В море, – гыт, – ес[т]ь, – гыт, – там, – гыт, – церьква. В этой церькве ес[т]ь зол'отой пристѣу. За этим пристѣлом, – гыт, – ес[т]ь зол'отѣ кольцо. М[н]е велеу, – гыт, – достать ёво.

Хорошо.

– Иди-ко, – гыт, – на л'угу убей быка. Вот. Да скл'ади во тшан²⁰.

Л'адно. Ушѣу Иван, там на л'угу убиу быка, скл'ау во тшан, скл'ау ёво. Подлетѣл'а эта поцоцька, он закатиу этот тшан на её и полетили:

– А я, – гыт, – как оглянусь, ты м[н]е сразу цес[т]ь²¹ вали, – говорит.

Вот он как оглѣнѣтця онаныця²² раз – сюды цес[т]ь, как оглѣнѣтця два – туды цес[т]ь. Всѣво уж быка свалиу. Да. У ёво уж нецѣво ей бросить. Она оглянул'ася, он – хл'оп! – свою эту икру отрѣзау да – хл'оп! – ей. И вторую отрѣзау да и – хл'оп! – ей.

Вот сици. Уж тутѣка увидеу, этово, у моря где-ка она был'а, эта девиця пл'авал'а. Ну, л'адно, хорошо. Она и гыт:

– Штѣ послѣдние-ти цѣсти укѣсны, – гыт, – бросау?

А он гыт:

– Я икры, – гыт, – от ног отрѣзау.

Она только туды спышкал'а²³, икры приросли. Л'адно, хорошо.

– Вот, – гыт, – надлецю, – гыт, – я сяс над морѣ да махну, – гыт, – крыльям, дак ты не робий, – гыт, – скаци туда в морѣ.

Она как надлетѣл'а над этова морѣ, морѣ всѣ розлил'ося, и он туды скоциу, скорѣе в церькву, кольцо взяу. Она второй раз как надлетѣл'а, он этова, опѣт скоциу, это, выскоциу уж туды к ей. Выскоциу, она гыт:

– Ну, садись сяс на мои крыльця и полетили.

Он сеу на её крыльця и полетили. Долетили до гнѣзда:

– Цяс, – гыт, – уйдѣшь домой?

Гыт:

– Уйду.

Пришѣу ко царю. Царь гыт:

– Ну, цяс ты будѣшь жѣнитця и эту царевну брать. Сл'ужбу сослужиу.

Вот и стау... Навариу пива на весь мир. Пива мно-о-го! А вокурат тут и меня позвали. Да. Я и пиво пил'а. Пиво-то тѣпл'о, по усам тѣкл'о, в рот не попал'о, всѣ так и пропал'о. И сказке конѣц».

1.2. «Иванушко и поцоцька»

«Вот живал'о-бывал'о. Жил'а жѣншина одна со своим сыном. Вот посл'ал'а она сына дрова рубить. Он ушѣу дрова рубить. Только тѣкнуу о берѣзку, прилетѣл'а поцоцька и всяким разным гол'осам поѣт. Он давай её хватать. Хватау да хватау. Она далѣко не

²⁰ «Тшан» – чан.

²¹ «Цѣсть» – часть.

²² «Онам – там, туда» [4, с. 674].

²³ «Спышкать – сделать вздох, вздохнуть» [2, с. 265], здесь в значении «выдохнуть».

улѣтаѣт и близко не подпушшаѣт. Весь день прохватаѣ. Пришѣѣ домой, матка и спрашиваѣт:

– Каково, сынок, дров порубиѣ?

– Ой, мама, прилетѣл'а потоцька, всяким разным гол'осам поѣт. Я весь день прохватаѣ да и сохватать не мог – близко не подпушшаѣт и далѣко не улѣтаѣт.

– Ой, дитятко, эта потоцька те[б]ѣ большоѣ безгол'овьѣ приведет.

– Ну, л'адно, мама, не буду боле эдакиѣ потоцьки хватать.

Ушѣѣ назавтрѣѣ, опѣть посла'л'а дрова рубить. Пришѣѣ, тѣкнуѣ о берѣзку, опѣть потоцька прилетѣл'а. Опѣть всяким разным гол'осам поѣт. Он давай хватать. Потоцька далѣко не улѣтаѣт и близко не допушшаѣт. Весь день прохватаѣ, опѣть сохватать не мог.

Ну, л'адно, хорошо. Пришѣѣ домой. Матка и гыт:

– Каково, сынок, дров порубиѣ-тя?

– Мама, несколько не порубиѣ. Тѣкнуѣ о берѣзку, опѣть та потоцька прилетѣл'а.

– О-ой, дитятко, не хватай этой потоцьки, большоѣ те[б]ѣ безгол'овьѣ приведет.

– Ну, мама, не буду.

Ушѣѣ он на трѣтѣй денѣк. Опѣть тѣкнуѣ о берѣзку, опѣть потоцька прилетѣл'а. Поѣт разным гол'осоцькам. Он хватаѣ да хватаѣ, да и сохватаѣ. Принѣс домой потоцьку. Матка и гыт:

– Ну, дитятко, эта те[б]ѣ потоцька бол[ь]шоѣ безгол'овьѣ приведет.

И вдруг от царя пришл'а бумага²⁴ к ѣму евѣтьця. Вот он приходит ко царю. Царь спросиѣ:

– Ты поймаѣ потоцьку?

– Я.

– Ну я тебе задам сл'ужбу.

– А какую сл'ужбу ты задашь?

– Вот не был'о Со[л]нця на земле три дня, три цясá, три минутоцьки, дак вот узнай, где оно был'о.

Вот он пришѣѣ домой, матке сказаѣ, пришѣѣ с рѣвом.

– Штѣ, дитятко, я ли те[б]ѣ не говорѣл'а, штѣ эта потоцька те[б]ѣ большоѣ безгол'овьѣ приведет?! Ну, л'адно. Иди в кузницу, скуй три подпиры, три просьвиры и три золѣзных шляпы. Вот и отвáливай, вот этова, ишши.

Росказал'а:

– Вот тебе клубоцьик, иди за этим клубоцьком.

Вот он и пошѣѣ. Он шѣѣ-шѣѣ-шѣѣ. Подпирѣ исподпирáѣ, просьвиру изгл'одаѣ, золѣзную шляпу дожжѣм исхлѣстал'о. Стоит избушка на курѣцьѣй ножке.

– Избушка, избушка,

К лесу задом,

Ко мне перѣдом,

Встань церѣдом.

Зашѣѣ в эту избушку, лѣжит Егибаба на пѣцѣ:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русським дѣухом цѣють! Съем да заем!

– Бабушка, не ешь. Напой, накорми да на дорожку надели, всё росспроси, тоѣда и ешь.

– Росказывай.

Он и стаѣ росказывать:

– Вот не был'о, бабушка, Со[л]нця на земле три дня, три цясá, три минутоцьки, дак вот м[н]ѣ охота узнать, где оно был'о.

А он гыт:

– Соўнышко-то м[н]ѣ – брат, ко мне приѣдет нацѣвáть, дак вот спрошу, дак тожно, бѣди, скажѣт, дак и скажу.

²⁴ «Гумага – бумага» [2, с. 61].

Оборотил'а ёво цига́шком, пёхнул'а во шши́ўку. Вот вдруг Соўнышко идёт. За порог только ступаёт:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цю́ть!

– О-ох, ты, братец, поката́ўся по миру-ту, русы-то нахвата́ўся, то тебе и цю́ть.

Брат осерди́ўся да и укати́ўся. Вот она оборотил'а опётъ ёво Иванушком. Вот она и гыт:

– Э́дак и э́дак, – он[а] и гыт. – Иди, вон там вдале́ эшшо́ моя сёстра ес[т]ь.

Вот он опётъ эт кл'убо́чик опусти́ў, опётъ поше́ў. Ше́ў-попоше́ў, подпи́ру исподпи́раў, просьви́ру изгл'ода́ў, золёзную шляпу дожжём исхлёстал'о. Да. Идёт. И стоит избушка.

– Избушка, избушка,
К лесу задом,
К нам перёдом,
Встань церёдом.

Заше́ў в эту избушку, Егибаба на пеце́ лёжит:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цю́ть. Съем да заём!

– Не ешь, бабушка. Напой, накорми, всё росспроси́, на дорожку надели́, тожно́ и ешь.

– Далёко ли, дитятко, ката́ёшься?

– А вот, не был'о Соўнышка на земле три дня, три цяса́, три мину́тоцьки, ак вот ишшу́, узнать охота, где оно был'о?

– А Соўнышко – брат, ко мне при́дёт нацёва́ть, вот спрошу, дак не осерьдитця, дак скажу.

Вдруг брат идёт:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цю́ть!

– О-ой, братец, по Русе-то поката́ўся, русы-то нахвата́ўся, то тебе и цю́ть!

Соўнышко осердил'ось да и укатил'ось.

Ну, л'адно, хорошо. Розворотил'а Иванушко опётъ. Поше́ў Иванушко... Это опётъ это дал'а кл'убо́чик – поше́ў, там впередэ́ эшшо́ сёстра ес[т]ь.

Вот он опётъ поше́ў. Ше́ў-попоше́ў, подпи́ру исподпи́раў, просьви́ру изгл'ода́ў, золёзную шляпу дожжём исхлёстал'о. Стоит избушка, на ку́рецьей голёшке вертитця:

– Избушка, избушка,
К лесу задом,
К нам перёдом,
Встань церёдом!

Заше́ў в эту избушку, Егибашна на пеце́ лёжит:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цю́ть. Съем да заём!

– Не ешь, бабушка. Напой, накорми, на дорожку надели́, всё росспроси́, тоўда́ и ешь.

– Далёко ли, дитятко, ката́ёшься?

– А вот, не был'о Соўнышка на земле три дня, три цяса́, три мину́тоцьки, ак вот охота узнать, где оно был'о?

Она оборотил'а ёво иго́л'оцькой, во стенку воткну́л'а. Вот приходит бра́тець:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цю́ть!

– Ой, братец, по Русе-то поката́ўся, русы-то похвата́ўся, нахвата́ўся, то тебе и [цю́ть]. Садися-ко давай у́жнать, да давай-ко выпьём.

Он се́ў у́жнать, она ёво напоил'а и за даже кабл'у́к²⁵ налил'а вина. Вот и стаў росказывать:

– Вот, – гыт, – быў, – гыт, – я на окіяньской горе. А тут, – гыт, – в окіяне-море, – гыт, – пл'авает де́вица, – гыт, – о́чень она, – гыт, – красивая. А я, – гыт, – её хоте́ў

²⁵ «Кабл'у́к» – вóрот мужской рубахи. «Каблучек – воротник» [7, с. 162].

сохватать, да в окияньськоё морё оступиўся, да оммоциўся, и три дня, три цяса, три минутоцьки на окияньської горе сушиўся.

Л'адно, хорошо. Перенацёвали. Она Иванушком оборотил'а, Иванушко и пошёу домой. Пришёу ко царю, уж росказаў. Царь и говорит:

– Это не сл'ужба, а это сл'у[жбоцька]...

Л'адно. Царь сказаў штё:

– Эту девоцьку м[н]е достань.

Вот, л'адно, хорошо. Задаў заданьё. Он пришёу домой, заревёу. Матка и говорит:

– Ну-ко, дитятко, я ли тебе не говорел'а, штё не хватай этой потоцьки?! Тебе, – гыт, – потоцька большоё безгол'овьё приведёт! Иди, – гыт, – в кузнецю, скуй тележки-самобежки, гусельци-самоигральци. И вот потом за ёй и поёжжай.

Ну вот, л'адно, хорошо. Он сковаў тележки-самобежки, гусельци-самоигральци. Вот тожно и приговорёу:

– Гусельци-самоигральци, играйтё, как вам надэ,

Тележки-самобежки, бёжитё, как вам надэ.

Вот эти тележки и добёжали до моря. Девушка пл'авает на этом море. Вот он и гыт:

– Гусельци-самоигральци, играйтё, как вам надэ.

Сам сидит на берёжку. Оне играли. Она пл'авал'а да пл'авал'а, припл'ыл'а к ёму. Он сохватаў да и привёз ко царю. Привёз ко царю, царь и сказаў:

– Ну, теперь я тебя жёнить буду на ёй.

Да. А она гыт:

– Я не пойду, – говорит. – Вот у меня, – гыт, – ес[т]ь на окияне-море ес[т]ь цёркьва, в этой цёркьве ес[т]ь зол'отой пристоў, за этим пристол'ом у меня, – гыт, – как кольцё виньяльнойё. Вот достанёт, дак я тожно и замуж пойду.

Царь ёму приказаў:

– Давай это доставай!

Вот он идёт с рёвом домой, матке и гыт:

– Мама, – гыт, – вот, – гыт, – мне опеть царь сл'ужбу задаў.

Она и гыт:

– Ну-ко, дитятко, я ли те[б]ё не говорел'а, штё эта те[б]ё потоцька большоё безгол'овьё приведёт?! Я цяс уж не знаю, как хошь, сам пошёу.

Накинуў он фуфаецьку да и пошёу. Шёу-попошёу. О-о-ой! Какой до-о-ожж[ь], какой витёр! А вырубок быў, так и валят эти же ёўки-ти да л'ом-от. А тут два потоцята²⁶ рёвут под этой, под суковатой ёўкой. Он взяў эту фуфаецьку да сняў, да на йих и бросиў. Да. Бросиў на йих. Вдруг потка летит, как вершину заденёт, так вершина и спадёт, так и спадёт. И кричит:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють! Цё[в]о хоть съем да заём!

Потоцята заревили и говорят:

– Мамушка, не ешь, – го[во]рят, – он нас спас!

Да. Вот она опеть, этово, и говорит:

– Далёко ли ты, – гыт, – катаёсса?

Вот он и гыт:

– Так и так, вот мне эдакоё заданьё дано.

– Иди, – гыт, – на л'угу убей быка да склади во тшан, изруби ёво.

Л'адно. Он ушёу на л'уг и убиў быка, склаў во тшан, на её закатиў, она и понёсл'ась:

– Как я жо оглянусь, так мне цес[т]ь и вали туда.

Вот он, как она огленетца, так и валит, так и валит. Уж стали долётать. Он... У ёво, она оглянул'асе – нет. Он – хл'оп! – эти отрзаў обе икры да и бросиў ёй в рот. Ну. Си́ли на место и гыт:

²⁶ «Потоцята» – птенцы «пётки» (птицы).

– Штё, – гыт, – последны-ти куски шибко ўкусны?

Он и гыт:

– Я икры вырёзаў от ног.

Она харкнёт – и приросл'а, харкнёт – и приросл'а. Он[а] и говорит:

– Вот надлецю как над морё, не робий, скаци в морё!

Она надлетел'а над морё, как махнул'а крыльям, морё розлил'ося. Он скоциў да и в церкву заскоциў. Заскоциў, там кольцо взяў. Она опять как надлетел'а над это морё, опять это розлил'ося, он опять выскоциў. Выскоциў. Потом и кольцо, и платье эшшо виньяльной был'о тутока – и привёз всё ей.

Привёз, царь и стаў их жёнить тожно уж. Вот тожно царь и жёниў йих. Дак тожно он и жить стаў у царя.

Вот и всё. Сказка вся! Я там был'а. На весь пир пива наварёно был'о, дак я пиво-то пил'а. А пиво-то потёпл'о, дак по усам тёл'о, да всё так и пропал'о. И сказке конець».

1.3. «Иванушко и по́тоцька»

«Жиў-быў старик да старуха. У старика да у старухи быў парнецёк. А старик умёр, остал[и]ся старуха да парнецёк. Она стал'а посыла́ть в лес за дровами ёво, рубить. Он ушёў рубить, тюкнуў о берёзку, прилетел'а по́тоцька, давай разным гол'оскам пить. Он давай её хватать. Она близко не подпушшаёт и далёко не улётаёт, близко не подпушшаёт и далёко не отлётаёт.

Да. Л'адно, хорошо. Пришёў домой, ма́тка и спра́шивает:

– Каково́, дитя́тко, порубиў дровець-то?

– Ой, мама, такая по́тоцька прилетел'а и всяким разным гол'осам поёт. Я хватаў да хватаў, да весь день прохватаў и дров не порубиў.

– Ой, дитя́тко, бол[ь]шоё тебе безгол'овьё приведёт эта де́воцька... вишь, по́тоцька... (Вишь, вот как говорю...)

Да. Вот. Назавтрё опять ёво посыла́ет. Он пришёў, тюкнуў о берёзку, опять по́тоцька прилетел'а. Ну. Он давай её хватать. [Она] далёко не улётаёт и близко не подпушшаёт. Вот. Хватаў да хватаў, весь день прохватаў. И опять не порубиў дров. Пришёў, сказаў матке. Матка гыт:

– Ой, дитя́тко, не хватай этой по́тоцьки. Эта по́тоцька те[б]е́ бол[ь]шоё безгол'овьё приведёт.

Л'адно, хорошо. Он назавтрё ушёў да и поймаў её. Поймаў эту по́тоцьку, день про́жили без бед, два ли. Вдруг от царя записка, штёб к царю́ евиўся он. Он пришёў ко царю́. <...> Да. Пришёў ко царю́, и царь и говорит:

– Ты попосохватаў по́тоцьку?

– Да, – гыт, – сохватаў.

– Вот я те[б]е́ сл'ужбу задам, – говорит. – Не́ был'о на земле, – гыт, – Со[л]нця три дня, три цясá, три мину́тоцьки, узнай, вот где оно был'о.

Вот он идёт домой к матке, ревет:

– Мама, так и так.

– Ну-ко, дитя́тко, я ли те[б]е́ не говорел'а, не хватай этой по́тоцьки, эта по́тоцька те[бе] бол[ь]шоё безгол'овьё приведёт?! Иди в ку́зницу... Это не сл'ужба, а сл'ужбоцька. Иди в ку́зницу, скуй три просьвиры́, три подпиры́ и три золёзных шляпы. Я те[б]е́ дам клубо́чик и пойдёшь.

Вот он ушёў в ку́зницу, сковаў три подпиры́, три просьвиры́ и три золёзных шляпы, и пошёў. Шёў-шёў-шёў, дошёў до избушки. Избушка на ку́рицьей голёшке вёртитце.

– Избушка, избушка,
К лесу задом,
К нам перёдом,
Встань церёдом.

Избушка встал'а. Заходит в избушку, Егібабашна на пеце лёжит:
– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським духом цють. Съем да заем!
– Ой, бабушка, не ешь. Напой, накорми, на дорожку надели, потом и ешь.
– Далёко ли, дитятко, катаёшься?
– А вот, – гыт, – не был'о Со́[л]ньця на земле три дня, три цяса, три мину́тоцьки, дак вот мне охота узнать, где оно был'о.

Он и гыт:

– Соўнышко-то м[н]е – брат, он ко мне придёт ноцёва́ть, дак спрощу, если не осерьдитця.

Оборотил'а ёво цига́шком, заткнүл'а во шши́ўку. Вот вдруг Соўнышко идёт:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським духом цють. Съем да заем!

Да. Он и гыт:

– Ой, бра́тець, по Русе́-то поката́ўся, русы́-то нахвата́ўся, то тебе и цють.

Да. Л'адно, хорошо.

– Садися-ко ужнать.

Он сеў ужнать, она и гыт:

– Вот я те[б]я, бра́тець, спрощу: те[б]я не был'о на земле три дни, три цяса́, три мину́тоцьки, а где ты был'о?

Он осерьди́ўсе и укаті́ўся. Вот она это дал'а опеть ёму́ клубо́чик.

– Вот иди, там у меня эшшо́ ес[т]ь серёдная сёстра.

Вот к этой он, к мал'ой пришёў. К серёдной эдак жо шёў всё дитятко: подпиру́ исподпира́ў, просьвиру́ изгл'ода́ў, золезную шляпу дожжём исхлестал'о. Дошёў, избушка на курицьей голёшке вертитця:

– Избушка, избушка,

К лесу задом,

К нам перёдом,

Встань церёдом.

Заходит в избушку:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським духом цють. Съем да заем!

– Ой, бабушка, не ешь. Напой, накорми, на дорогу надели, всё росспроси́, потом и ешь.

Вот.

– Штё тебе, дитятко, на́дэ? Далёко ли катаёшься?

А вот гыт:

– Не было Со́[л]ньця за земле, – гыт, – три дня, три цяса́, три мину́тоцьки, дак вот узнать, где оно был'о.

– А Со́[л]ньце́ мне – брат, придёт ко мне нацёва́ть, вот спрощу, – говорит.

Вот. Вдруг Соўнышко катитця. А она оборотил'а ёво игоўкой, воткнул'а во стенку.

– Фу-фу-ру́, [фу-фу-ру́,] фу-фу-ру́сським духом цють. Съем да заем!

Он и гыт:

– Ой, бра́тець, ты по Русе́-то поката́ўся, русы́-то нахвата́ўся, то тебе и цють. Давай-ко садися (розбол'окайся²⁷) ужнать.

Он розбол'о́кса, стаў ужнать. Она стал'а спрашивать, он осерьди́ўся да и укаті́ўся. Вот. Она клубо́чик дал'а, он пошёў к последней сестре. Ну, туда вот прошёў всё это. (Опеть мне на[д]о сказа́ть дак...) Подпиру́ исподпира́ў, просьвиру́ изгл'ода́ў, золезную шляпу дожжём исхлестал'о. Стоит избушка, на курицьей голёшке вертитця. Зашёў в эту избушку. Егібабашна на пеце лёжит:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським духом цють. Съем да заем!

– Бабушка, не ешь. Напой, накорми, на дорогу надели́ и всё росспроси́, тоўда́ и ешь.

– Далёко ли, дитятко, катаёшься?

²⁷ «Разбол'ока́тьця – снимать с себя одежду» [2, с. 232].

– А вот не́ был'о Со́[л]нця на земле три дня, три цяса́, три мину́тоцьки, дак вот узнать на́дэ, где оно́ был'о.

– А Со́[л]нце-то м[н]е – брат, придёт ко мне нацёва́ть, вот спрошу.

Вот оборотил'а она прикол'оцькой, ёво́ во стенку воткнул'а, Иванушка. Вот идёт Соўнышко:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським духом цю́ть.

– Ох, ты, братець, по Русе́ ты поката́ўся, русы-то нахвата́ўся, то тебе и цю́ть. Давай-ко поужнаём.

Вот она тутока́ накормил'а да ёво́ упоил'а, даже и за гаўстук налил'а вина ёму́. Спросил'а п'янова-то, он и сказа́ў:

– А вот, – гыт, – ес[т]ь морё-окия́н. Я, – гыт... – В этом мо́рѣ ли окия́не, – гыт, – пл'ава́т на ло́тоцьке де́воцька, а такой красоты – бо́л[ь]ше негде э́дакой нет. Я, – гыт, – её хоте́ў сохвата́ть да в мо́рѣ-то, – гыт, – оступи́вся, да на окия́ньськой горе́ три дня, три цяса́ тут суши́ўся. Вот.

Вот он уше́ў, она оборотил'а Иванушком, ёму́ рассказа́л'а, он и поше́ў домой. Домой пришёў, ма́тке расска́заў. Ма́тка и го[в]орит:

– Ну-ко, дитятко серье́шноё, ведь это не сл'ужба, а сл'ужбоцька эшшо́ вся впередé.

Он пришёў и цярю́ сказа́ў. Цярь и говорит:

– А цяс, – гыт, – ты мне эту девоцьку доста́нь.

Вот. Вот он и идёт домой-то, опéть с рёвом идёт. А матка-та и говорит:

– А вот, – гыт, – дитятко серье́шноё, – гыт, – эшшо́ не сл'ужба это, будéт эшшо́ тебе сл'ужба. Иди в ку́зницу, скуй теле́жки-самобе́жки, гусельци-самоигра́льци.

Он сходи́ў в ку́зницу, скова́ў теле́жки-самобе́жки, гусельци-самоигра́льци:

– Теле́жки-самобе́жки, бежитё, как вам на́дэ.

Гусельци-самоигра́льци, играйтё, как вам на́дэ.

Вот оне́ и довели ёво́ до де́воцьки. Он и давай:

– Гусельци-самоигра́льци, играйтё, как вам на́дэ.

А оне́ как заиграли, она пл'авал'а да пл'авал'а, близко-то к бере́жку подпл'ыл'а – он ссади́ў да и... и опéть гыт:

– Гусельци-самоигра́льци, бежитё, как вам на́дэ.

И привёз ко цярю́ де́воцьку эту. Цярь и говорит:

– Ну, тепе́рь я тебя же́нить буду на ёй.

Он йим... э́това... А она и говорит:

– Нет, м[н]е доста́нь ты, – гыт, – из моря коле́цько да пла́тьѣ винця́льной, тожно́ и пойду́ взамуж. Тепе́рь не пойду́.

Вот он и поше́ў опéть домой с рёвом. Прише́ў домой с рёвом, а уж ехать – ведь на́дэ это доста́ть. Прише́ў, матка-та:

– Ну-ко, дитятко, серье́шноё, я ли те[б]е́ не говорéла, штё эта те[б]е́ по́тоцька бол[ь]шоё безгол'овье́ приведёт?! Я тепе́рь неце́во не знаю. Вот накидай фуфаецьку да и отваливай на́ все цёты́ре стороны.

Вот он и поше́ў. Ше́ў да ше́ў, наше́ў вырубок такой – сосны да ёўки в не́бо ввили́ся. А дождж[ь] подня́ўся, погода нехорошая. А тут ципнёноцьки ре́вут под ёл'оцькой-то. Он взя́ў-то, эту фуфаецьку с се[б]я сня́ў да и броси́ў на йих, штёбы тут йих спасти. Вдруг по́тка и летит: как вершину задéнет, дак так и трешши́т обл'омок. Это и кричит, штё:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським духом [цю́ть]. Съем. Это, съем.

Да. Он и говорит, гыт... А ципнёноцьки:

– Ой, ма́мушка, не ешь! Он нас спас!

Да. А он и сказа́ў:

– Куда́ ты, дитятко, – гов[о]ри́т, – катаёшься?

– А вот так и так, – гов[о]ри́т, – э́това... В море ес[т]ь, – гыт, – це́рква, в этой це́ркви ес[т]ь присто́ў, за этим присто́лом сидит, – гыт, – Бохородиця, тут пла́тьѣ да коле́цько, на[д]о мне ёво́ доста́ть как-то.

– Иди, – гыт, – на л'уг, убей быка. Да во тшан, – гыт, – изруб'и, скл'ади. Дак полетим, – гов[о]р'ит.

Вот он уш'еў на луг, изруб'иў быка, она подл'етел'а, он закат'иў тшан на е'е и полетили. А он:

– Я как оглян'усь-то, так и цес[т]ь вали.

Он всёво быка ёй вывалиў. Вывалиў всёво быка. Ну. Прилет'или к этому месту, она и гов[о]р'ит:

– Вот, – гыт, – я как я надлецо́ над мо́р'е, да розмахну́ крыльям, дак ты не робий, – гыт, – скаци туда.

Вот она как розмахну́л'а крыльям, мо́р'е всё разлил'ося, он туды скоциў. Тамока заскоциў... Эшшо́ камень быў тут – л'адан. Камень-от откатиў, заскоциў туда, пл'атьё взяў, колецько. Потом она как надлетел'а, он той порой и вылез, и выскоциў. Выскоциў, она обратно посуху ёво́ домой до гнёзда́ довёзл'а и сказа́л'а:

– Сцяс иди куда хошь.

Да. Вот он приш'еў домой ко царю́. Вот царь и сказаў:

– Ну, теперь ж'ёнися, бери эту невесту.

Вот наварили пива мно-о-го! Пиво хоро́-о-шоё был'о – на весь мир! Я тут был'а и пиво пил'а. А пиво-то тёпл'о, по усам т'екл'о да всё так и пропал'о – и не узнал'а».

1.4. «Иванушко и потоцька»

«Вот жили-были старик да старуха. Старик умёр. Остаўся сын один. Пош'еў дрова рубить, послал'а matka. Вот прилетел'а потоцька, всяким разным гол'осам поёт. Вот он е'е стаў хватать. Она близко не подпушшаёт и далёко не ул'етает. Хватаў-хватаў, весь день прохватаў и не мог поймать. Приш'еў к матке. Matka:

– Каково, сыно́чик, ты дров порубиў?

– Мама, прилетел'а потоцька, такая красивая. А близко не подпушшаёт и далёко не ул'етает. Весь день прохватаў, – говорит.

– Ой, ты, дитятко сер'дешноё, эта тебе потоцька бол[ь]шоё безгол'овьё приведет.

Ну, л'адно. Нац'евали но́цьку. Наза́втр'е пош'еў оп'еть – снова дрова рубить. Приш'еў, т'юкнуў о берёзку, прилетел'а потоцька, оп'еть всяким разным гол'осам поёт. Он давай хватать. Хватаёт-хватаёт – близко не подпушшаёт, далёко не ул'етает. Весь день прохватаў. Приш'еў и дров неско́ль не попорубиў. Приш'еў, матке сказаў. Matka говорит:

– Ой, ты, дитятко сер'дешноё, тебе бол[ь]шоё безгол'овьё эта потоцька принесёт.

Вот пош'еў на трет'ей денёк. Приш'еў, т'юкнуў о берёзку, оп'еть эта потоцька прилетел'а. Хватаў-хватаў и сохватаў. Принёс эту потоцьку домой. Matka и гыт:

– Ох, ты, сер'дешноё дитятко, тебе эта потоцька бол[ь]шоё безгол'овьё приведет.

Л'адно, хорошо. Но́цьку нац'евали. Наза́втр'е вдруг гумага к ёму́ приходит, шт'е ко царю́ евиться. Вот он приш'еў ко царю́. Царь ёво́ спросиў, шт'е:

– Ты сохватаў таку потоцьку?

– Сохватаў.

– Ну вот теперь я тебе дам заданиё.

Вот гыт:

– Не́ был'о на земле Со́[л]нця три дня, три цясá, три мину́тоцьки. Узнай, где это Со́[л]нцё́ был'о.

Приш'еў, матке сказаў. Matka и говорит:

– Ну-ко, дитятко сер'дешноё, я тебе ли не говорел'а, шт'е эта потоцька те[б]е́ бол[ь]шоё безгол'овьё приведет?! Иди к кузнецо́, – гыт, – скуй три подпир'ы, три просьвиры́, три зол'езных шляпы, – говорит. – И иди, – говорит, – вот я те[б]е́ дам кл'убо́чик, иди за этим кл'убо́чком.

Вот он, она дал'а ёму́ кл'убо́чик, он и пош'еў за кл'убо́чком. Ш'еў-попош'еў, просьвиру́ изгл'одаў, этова́, подпир'у исподпир'аў, зол'езную шляпу дожжём исхл'естал'о. Стоит избушка на курицьей гол'ёшке:

– Избушка, избушка,
К лесу задом,
К нам перёдом,
Встань чередом.

Избушка встал'а чередом. Заходит он в эту избушку, лёжит Егйбаба на пеце:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють. Съем да заём!

– Ой, бабушка, напой, накорми, на дорожку надели, всё росспроси, тоўда и ешь.

– Далёко ли, дитятко, катаёцца?

– Вот, – гыт, – был'о: Со[л]нця не был'о на земле три дни, три цяса, три минутоцьки, вот мне охота узнать, где оно был'о.

– Да вот Со[л]нцё-то мне-ка – брат, дак вот оно ко мне придёт нацёвать, ак вот спрощу, – говорит, – если не осерьдитця, не укатитця, дак тебе и скажу.

Оборотил'а она ёво цигашком, пёхнул'а она ёво во шшиўку. И вдруг Соўнышко заходит:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють.

Она и гыт:

– Ой, братец, по Русе-то покатаўся да русы-то нахватаўся, дак то тебе и цють.

Давай-ко, – гыт, – поужнаём.

Сили узнать. Она и спросил'а:

– Вот штё те[б]ё, братец, спрощу: не был'о те[б]я на земле три дня, три цяса, три минутоцьки – где ты быў?

Братец осерьдился, укатився. Оборотил'а она опеть Иванушком. Он опеть пошёу. Опеть шёу-попошёу. Подпиру исподпираў, просьвиру изгл'одаў, золёзную шляпу дожжём исхлестал'о.

Дошёу – опеть избушка стоит. (Она кл'убоцик тоже ёму дал'а был'о). Да. Зашёу в эту избушку:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють. Съем да заём!

– Ой, бабушка, не ешь. Напой, накорми, на дорожку надели, всё росспроси, тоўда и ешь.

– Далёко ли, дитятко, катаёцца?

– А вот, – гыт, – не был'о Соўнышка на земле три дня, три цяса, три минутоцьки.

Вот ишшу ёво, – гыт, – где оно был'о, – гыт, – охота узнать?

Она гыт:

– Да ведь Соўнышко-то м[н]е – брат, придёт ко мне нацёвать. Вот штё он мне отвитит.

Л'адно, хорошо. Только остановились, она оборотил'а ёво прикол'оцькой, воткнул'а во шшиўку. Заходит Со[л]нцё:

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским духом цють.

– Ох ты, братец, по Русе-то покатаўся, русы-то нахватаўся, то тебе и цють. Давай-ко, – гыт, – поужнаём.

Сили узнать:

– Вот штё я те[б]я, братец, спрощу: вот тебя не был'о на земле три дня, три цяса, три минутоцьки. Ты росскажи м[н]е, где ты быў?

Осерьдился, укатився Соўнышко. Оборотил'а прикол'оцьку опеть Иванушком:

– Вот, Иванушко, тебе кл'убоцик. Пошёу вот ко старшой сестре, тамока вот она – буди, не скажёт ли ей.

Вот он опеть пошёу (ёму кл'убоцик дал'а). Кл'убоцик катитця – Иван идёт. Подпиру исподпираў, просьвиру изгл'одаў, золёзную шляпу дожжём исхлестал'о. Дошёу до избушки:

– Избушка, избушка,
К лесу задом,

Ко мне перёдóm,
Встань чередóm!

Заходит в эту избушку:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру, фу-фу-ру́сським д́ухом цють. Съем да заем!

– Ой, бабушка, не ешь. Напой, накорми, на дорожку надели, всё росспроси́, тоўда́ и ешь. А вот, – гыт, – не́ был'о Со́[л]ньця, – гыт, – на земле, – гыт, – три дни, три цяса, три минутоцьки. Расскажи́, где, – гыт, – оно́ был'о?

– Вот при́дёт бра́тець ко мне, – гыт, – наце́вать, – гыт, – спрoшу, – говорит, – не осерьдитця дак.

Оборотил'а игоўкой, воткну́л'а во стенку Иванушка. Вот, л'адно. Соўнышко заходит и говорит:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цють.

– Ой, бра́тець, по Русе-то поката́вся, русы-то нахвата́вся, то тебе и цють. Садися-ко, поедим да попьём.

Вот сестра́ та взяла́ ёво́ и винце́м угости́л'а, подпойл'а и за гал'стук пополил'а. Ну. Он... И ста́л'а спра́швать:

– Расскажи́-ко, бра́тець: вот не́ был'о те[б]я́ на земле-то три дня, три цяса́, три минутоцьки – где ты быў?

Он и сказаў сестре:

– Быў... – гыт. – На море ес[т]ь, пл'ава́т деви́ця, – говорит. – Я, – гыт, – её хоте́ў сохвата́ть, – гыт, – да оступився, на окия́н... в окия́н... Ес[т]ь в море-окия́не. А да на окия́ньской горе, – гыт, – три дня, три цяса́, три минутоцьки суши́ўся.

Вот, л'адно, хорошо. Ну, перенаце́вали. Назавтрё Со́[л]ньце́ ушл'о́. Она оборотил'а Иванушка, Иванушко и поше́й домой. Прише́й ко цярю́, всё рассказаў. Вот цярь и говорит:

– Ну, л'адно. Цяс вот эту, эту, – гыт, – ты м[н]е-ка, – гыт, – девоцьку, – гыт, – достань, где она ес[т]ь.

Он приходит домой со слеза́м:

– Мама, опе́ть мне цярь...

– Это, – говорит, – ште́? Это не сл'ужба, – matka [говарит], – не сл'ужбоцька. Эшшо́ сл'ужба те[б]е́ бу́дет, сынок, впередé. Иди в ку́зницу, скуй гу́сеньци-самоигра́льци, теле́жки-самобе́жки, гу́сельци-самоигра́льци.

Вот он уше́й в ку́зницу. Это ёму́ всё сковали. Вот это сеў Иванушко:

– Теле́жки-самобе́жки, бе́житё, как вам надэ,

Гу́сельци-самоигра́льци, играйтё, как вам надэ.

Тележки побéжали. О-о-ой, Иванушка, погода так забрал'а: витёр, дожж[ь] – лес так и л'омаёт! А ципнята ре́вут – по́тоцьки ма́ленькиё. А на ём был'а фуфаецька. Он сняў эту фуфаецьку, да этих ципнёноцьков взяў и закрыў. Закрыў туто́ка. Вдруг по́тка летит – так лес и трешшит:

– Фу-фу-ру́, фу-фу-ру́, фу-фу-ру́сським д́ухом цють. Цеця́с съем да заём!

А ёй дити отвецею́т:

– Мамушка, не ешь! Он нас спас!

Вот она и говорит:

– Куда ты, – гыт, – продоўжа́ешь?

А он говорит:

– Вот там ес[т]ь на́ море, – гыт, – деви́ця, – гыт, – пл'ава́ёт. А м[н]е, – гыт, – её на́[д]о вот достать, – гыт, – как-то.

– Иди, – гыт, – на л'уг, убей быка, во в тшан изрубí, скл'ади́ и полетим.

Вот он уше́й на л'уг, изрубíў (быка убиў) цестя́м. Вот он на её закатиў, на эту по́тку – и полетили. Она как огленётця, он и цес[т]ь ёй валит, как огленётця, так и цес[т]ь валит. А перед этим уж ста́л'о, впереди, перед местом, ну уж где на́[д]о ёму́ садитьця – уж нет цестей. Он взяў, икру отрезаў от ног да бросиў ёй.

Вот остановилися. Она ста́л'а и говорит, гыт:

– Последные-ти, – гыт, – цести штё у те[б]я ўкўсны были?

– А это, – и гыт, – икры, – гыт, – я, – гыт, – отрезаў.

Она вот к ноге прихаркнул'а – приросл'а, ко другой прихаркнул'а – приросл'а.

– Ну, я цецяс, – говорит, – этова, катайся на этом, на гусельцах-та-самоигральцах.

Он и гыт:

– Гўсельци-самоигральци, играйтё, как вам надэ,

Тележки-самобежки, бёжитё, как вам надэ.

Гўсельци...

Он тут играў да играў, играў да играў – он её и сохватаў. Сохватаў эту девицу и привёз. Привёз тутока... Вот надэ цяс жёнитьця...

(А как бы выключить бы да переговорить? Это надэ последней куплет был'о, надэ это говорить-то: «А он на гусеньцах-то приехаў, её забраў, только увёз. На однех гўсельцах приехаў, тут сохватаў да увёз». А это-ту: последная-та цес[т]ь-та уж у её был'а... Дак как вот цяс? Я здесь вот перепутал'а... Ак как завернутьця: с краю с самово, думаешь али как? Аль от этово краю завернутьця – тут бы нам сделать-то? Не тот куплет рассказал'а. Это последней, а на[д]о был'о – на гусеньцах).

И он её сбрий²⁸, и привёз ко царю. Привёз ко царю. И царь сказаў:

– Ты цяс будёшь, – гыт, – жёнитьця. Да. Её брать.

А она и говорит:

– У меня, – гыт, – там виньяльное пл'атьё. Там, – гыт, – в море, – гыт, – ес[т]ь стоит церьква. В этой церькве ес[т]ь золотой пристоў, за этим пристол'ом сидит Божья мать Бохородиця. У м[ен]я тамока ведь ес[т]ь пл'атьё, – говорит, – и виньяльное кольцё.

Вот он гусеньци-ти тожно и поехаў. <...>

Вот он и пришёў, матке-то и сказаў. Вот пришла, [он и] гыт:

– Мама, – гыт, – царь, – гыт, – мне эшшо, – гыт, – сл'ужбу задаў.

– Ну-ко, дитятко, я ли те[б]ё не говорел'а, штё не надэ, – гыт, – этыё потоцьки хватать – бол[ь]шоё безгол'овьё те[б]ё потоцька приведёт?!

Вот. Л'адно, хорошо. Он потом сы-сам и пошёў пешком в одной фуфаецьке, искать по бел'ому свету. Вот он шёў-попошёў. Матка ёму и заданье не дал'а. Вот он шёў-попошёў. Вот дожж[ь] пошёў, погода поднял'ася сильная. Он потом этова... Ципнёноцьки рёвут у потки. Рёвут. Он сняў фуфаецьку да и закрыў. А потом: потка-та летит да бол[ь]шая – только лес трешшит, все вершины-та в церед²⁹ валяться.

Вот. Л'адно, хорошо.

– Фу-фу-ру, фу-фу-ру, фу-фу-русьским дўхом цють. Съем да заём!

Да. А потом он и сказаў:

– Не ешь, напой, накорми.

А потоцьки, ципнята, и закрицили:

– Мамушка, не ешь, нас он сохраниў!

Она и говорит:

– Ну, сходи, на л'угу убей быка. Убей, – гыт, – быка, – говорит, – скл'ади во тшан.

Вот потом оне и прилетили туда. Скл'ал'а... Он срубий, быка убий, во тшан скл'али.

Сили, полетили. Он, как она огленётця, а он цес[т]ь валит, как огленётця, так цес[т]ь валит. Он съеў. Потом и икры-ти тожно он отрезаў. Он и гыт:

– Зацем ты, – гыт, – м[н]е, – гыт, – какие-то ўкўсныё цести завалиў?

А гыт:

– У ме[н]я икры отрезаў.

Она харкнул'а – приросл'а, потом другую харкнул'а – приросл'а.

– Вот, – гыт, – Иван, – говорит, – сецяс, – говорит, – я, – гыт, – надлецю, – гыт, – над морё. Морё розольётця, ты, – гыт, – хватай, скаци в морё.

²⁸ «Сбрить – схватить» [17, с. 98].

²⁹ «В церед – по порядку, последовательно» [2, с. 320].

Вот она надлетел'а, крыльям как махнул'а, и сразу морё разлил'ося. Он туда заскоциў, колецько взяў, пл'атьё виньяльнóе взяў. Она опеть как надлетел'а, опеть как, этова, взмахнул'а крыльям, морё разлил'ося. Он потом это выскоциў. Выскоциў. Потом он простую привез её, посадиў во тшан, привез до тово места:

– Ну, иди домой.

Вот он пришёў ко царю и принёс кольцо ёто. Царь и гыт:

– Надэ жёнитьця цясока, – говорит. – Бери, – гыт, – уж я цяс тебе невесту отдам.

Да. Л'адно, хорошо. Пришёў к маме:

– Мама, – гыт, – царь м[н]е-ка, – гыт, – отдаёт и невесту.

Вот онэ наварили пива. Пива-та шибко мно-о-го – на весь мир! Я ведь туто был'а да и пиво пил'а. Ну пиво-то шибко сл'адко, только по усам текл'о да так всё мимо и ушл'о – нецёво не пал'о, не напил'ася, не пьяная».

2.1. «Сивко-Бурко»

«Живал'о да бывал'о. Жиў старик да старуха. У старика да у старухи был'о три сына: два умных, трётёй – дурак Иванушко. <...>

Батько умёр, наказаў сыновьям, штёбы все по ноце ёво на могил'ах откараулили. Вот. Схоронили онэ ёво, и пошл'а идти оцередь старшому сыну. А сын этот старшой ёму (он бойтця ли, штё ли) и говорит, гыт:

– Пошёў, – гыт, – Иван, – гыт, – за меня сходи, – гыт.

Вот Иванушко и пошёў. Матка напекл'а там пряжоников³⁰, пирогов – всёво. Пришёў Иванушко на могиўку, гыт, гыт:

– Батько, вставай-ко хлеба кушать!

Да. Скатёрку там розосл'аў, всё выкл'аў. Вдруг могил'а содрожжал'а:

– Ты – старшой сын?

– Нет.

– Ты – середной сын?

– Нет.

– Ты – Иван-дурень?

– Я.

Да. Вышёў батько, поеў, тутока с йим посидеў и ушёў, нецёво не сказаў. Вот, назавтреё опеть матка пекот пироги, стряпаёт³¹ шаньги – всёво там надел'ал'а. Вот этова... Надэ идти середному сыну. (Этот Иван – мл'адшой.) Вот. Середной сын не идёт тожо:

– Пошёў, Иван, за меня сходи. Всё это бери.

Да. Пошёў Иван, гыт:

– Л'адно, хоть наемся, – ёво тожо не шибко и кормили дак.

Да. Вот л'адно. Тот Иванушко пришёў, скатерку росстил'аэт, хлеб вынимаёт, всё роскл'аў:

– Батько, иди-ко хлеба кушать!

Вдруг могил'а содрожжал'а.

– Ты – старшой сын?

– Нет.

– Ты – середной сын?

– Нет.

– Ты – мл'адшой, Иван-дурень?

– Я.

Вышёў батько, покушаў. И ушли. Пришёў домой опеть Иванушко. Назавреё ёму идти. Матка ёво постряпал'а ёму худо – палёвой³² пирожок дал'а.

³⁰ «Пряженик – небольшой пирожок продолговатой формы (чаще без начинки) или круглая лепешка из дрожжевого теста, жаренные в масле на сковороде в печке на углях» [16, с. 104].

³¹ «Стряпать» – готовить выпечку из теста.

Вот л'адно. Пош'еу Иванушко на могиуку. Приш'еу, розд'ернуу скатерку, вын'еу свой хлеб и говорит:

– Б'атько, иди-ко хлеба кушать!

Вдруг могила содрожжала – б'атько выходит али б'атько спросиу:

– Ты – старшой сын?

– Нет.

– Ты – сер'едной сын?

– Нет.

– Ты – мл'адшой, Иван-дурень?

– Я.

– Вот тебе, – гыт, – за старшово сына Бурко-Сивко, а за сер'еднова – сол'овая³³ кобыука, а тебе, – гыт, – свинка – зол'отыё шшэтинки.

И рассказу:

– Если ты куда пойд'еши на праздник, – говорит, – ты только, – гыт, – вскрици, шт'е:

“Сивко-Бурко,

Б'ежи скоро-наскоро,

Посп'евай ко мне на пору!” – вот так.

Иванушко и пош'еу домой... И [б'атько] всех науциу как к себе как кликать. Вот он приш'еу домой и залез на п'ецьку, и сидит-посеживает.

А вдруг объявили: у ц'аря доц'ерь ес[т]ь – отдавать вз'амуж. И сидит она там на бау'хоне³⁴, а у её на руке кольцо и пл'аток повешан, и говорит:

– Как кто это дост'анёт (этот весь мир собира'ют), этот пл'аток сд'ернут, тово моя и невеста тово буд'ет, это парня, сына.

Ну, вот л'адно, хорошо. <...> Ну. Собира'ютця ехать братья и говорят, говорят:

– Поид'ём севодне, мама, мы ведь. Тамока у ц'аря ес[т]ь доц'ерь, дак это все вот и буд'ём... Кто сд'ерн'ём пл'аток, то евоина³⁵ и невеста.

Он гыт:

– Б'ратья, пойми-кот'е³⁶ меня!

Оне и говорят:

– Ой, Иван-дурень, сиди, перегребай сажу-ту. Ес[т]ь вон навозная³⁷ кобыла, дак бери да иди!

Вот оне, уехали, он выш'еу на улицу, взяу навозную йихну кобылу за хвос[т] да трягнуу. Вытрягнуу её, на огород кожу бросиу:

– Вот вам, сороки-вороны, от Ивана-дурня пит'ера-йид'ера³⁸.

Да.

– Сивко-Бурко,

Б'ежи скоро-наскоро,

Посп'евай ко мне на пору.

Сивко-Бурко б'ежит – из-под копыта с метру земля летит, из ноздрей, 'этова, жар летит, из ушей цяд³⁹ ид'ет. Иванушко залез в левоё ухо, выл'ез в правоё – и такой мол'одець, негде такова на свите уж нет – п'ервой! Сеу и поехау. Поехау. Только [в]скоциу, двух д'ер'евц'ев не доскоциу, обратно в'ернууся.

Вот приехали братья и рассказывают:

³² «Пал'евой пирожок» – подгоревший пирожок. «П'альник – подгоревшее место на выпечном изделии» [2, с. 191].

³³ «Соловой – о шерсти, масти конской: желтоватый, со светлым хвостом и гривой» [4, с. 266].

³⁴ «На бау'хоне» – на балконе.

³⁵ «Евоина – ему принадлежащий, его» [2, с. 74].

³⁶ «Пойми-кот'е», «поймит'е» – возьмите.

³⁷ «Навозная кобыла» – кобыла, с помощью которой возят навоз.

³⁸ «Пит'ера-йид'ера» – питье и еда.

³⁹ «Чад – дым, сажа, копоть» [2, с. 318].

– Ой, мама, какой прие́жжаю́ на Сивом Бурке на каком. [В]скоци́ю, только двух де́рѣвцѣв не доскоци́ю.

А он сидит да и гыт:

– Братья, не я ли там и бы́ю?

– Ну, сиди там, мажься са́жѣй-то.

Он опе́ть сидит, моу́цит уж.

Ну, л'а́дно, хорошо. Назавтре́ опе́ть умыва́ютця, наряжа́ютця, опе́ть собира́ютця:

– Поидѣм за́втра, мама, опе́ть все собира́тьця будут, весь мир соберѣтце.

Л'а́дно, хорошо.

– Братья, поймитѣ-ко и меня.

– Ну, Иван-дурень, сиди там и мажься са́жѣй-то, ес[т]ь вон все́ дрова возим, дак на той йидь кобы́ле.

Ну, л'а́дно, хорошо. Иван (о́не уехали), он уше́ю, эту кобы́лу за́браю́ за хвос[т], вытряхну́ю, кожу – на огород:

– Вот вам, сороки-вороны, пи́тѣра-йидѣра.

Вдруг... Э́това, выше́ю на у́лицю, сосвисте́ю:

– Сивко-Бурко,

Бѣжи скоро-на́скоро,

Поспе́вай ко мне на́ пору.

Сивко-Бурко бе́жит – то́лькѣ земля дро́жит, из-под копыта с метру земли летит, из ноздрей искры летят, из ушей цяд валит. Залез в ле́вое ухо, вылез в пра́вое – какой мол'оде́ць онаряди́вся, негде на свите тако́ва нет!

Ну, л'а́дно. Се́ю и по́ехаю́. Прие́хаю́. Как Бурко вскоци́ю, только одново де́рѣвця не доскоци́ю – орну́се и обратно. Вот приехали братья:

– Ой, мама, опе́ть прие́жжаю́, тые не опя́юся⁴⁰, сразу обратно у́ехаю́, уж только одново де́рѣвця не доскоци́ю до еѣ.

Ну, л'а́дно, хорошо. А он сидит:

– Братья, не я ли там и бы́ю?

– Ой, Иван-дурень, моу́ци, сиди тамо́ка. Какой-то ты бы́ю там?!

Ну, л'а́дно, хорошо. Опе́ть наце́вали но́цкку, опе́ть собира́ютця:

– Севодни уж поидѣм, мо́жет быть, он уж и што и пойме́т. А мы уж штѣ – приидѣм, дак штѣ мы? Нам только посмотрим, неце́во уж у нас.

Ну, л'а́дно, хорошо. Назавтре́ нал'адились и поехали, собира́ютця:

– М[н]е, братья, дайте лошадь.

А говорят:

– Межсенова́я кобы́л'а ес[т]ь, дак забирай.

Вот он опе́ть эту кобы́лу вытряхну́ю:

– Вот вам, сороки-вороны, от Ивана-дурня пи́тѣра-йидѣра.

Да. Ну, л'а́дно, хорошо.

– Сивко-Бурко,

Бѣжи скоро-на́скоро,

Поспе́вай ко мне на́ пору.

Сивко-Бурко бе́жит – дак из-под копыта земля с метру летит, из ноздрей искры летят, из ушей цяд и́дет. Залез в ле́вое ухо, вы́лез в пра́вое – такой мол'оде́ць, дак на все́й земле негде нет тако́ва! Как только дое́хаю́, вскоци́ю, ёму́ оста́лось по́у де́рѣвця, она ёму́... Пл'ато́к сде́рнуу́, она успе́л'а ёму́ ко́льце́м в л'об, в л'об уда́рил'а. Поверну́юся и сам домой. Прие́хаю́ домой, залез на́ печь и зама́зывает са́жѣй. Зама́заю́ это все́ пятно, кото́рое у ёво́ торне́но⁴¹ и сидит-посе́жваёт. Вот о́не приехали:

⁴⁰ «Не опя́юся» – не обернулся, не вернулся.

⁴¹ «Торкнуть – ударить (обычно со стуком)» [2, с. 285].

– Ой, мама, приёжжаў опётъ тот. Дак пл'аток сташшиў, да она кольцём мякнул'а⁴² ёму. Да. Дак вот завтра, мама, будут весь мир собирать, дак будут нас поить (она будёт всем подавать) и будут смотреть, какой это мол'одець-от прийдёт.

Ну. Опётъ уж сидит там, помаўкываэт. Онэ этова собираютця:

– Братья, пойми-котё меня.

– Куды тебя, Иван-дурень, туда?

Ну. Вот онэ уехали, а он забраў л'укошко, пошэў по-за грибам будто. А туда пришэў, дак тамока с нишшим и сеў. Всех собрали, дак и нишшиё пришли – ты и йим подадут. Вот она... Стали: она подавать, обошл'а весь круг, а не нашл'а. А батько и говорит:

– Ты был'а ли тамока вот у бедных-то?

Она гыт:

– Был'а.

– Ну, пошл'а. Снова давай ишши, эшшо снова, всё ровно кто-то уж быў.

Вот. Снова обошл'а. Ёму заглянул'а, туто распелил'а⁴³ вол'осья-ти, у ёво там и звоссиял'о. Она тут и упал'а сразу. Упал'а, батько и говорит:

– Л'адно, – гыт, – эшшо сл'ужбу задам, – говорит.

Да. Л'адно, хорошо. Вот ночь нацёвали все, назавтрэ сл'ужбу задаў всем дак:

– А вот, – гыт, – эшшо, – гыт, – ес[т]ь на поле, – гыт, – ходит Сивко-Бурко, дак кто ёво, – гыт, – поймаёт, тому и невесту отдам.

Л'адно, хорошо. Все поехали, все пошли, а ёму и л'ошаді не дают. Он и гыт:

– И мне-ка на[д]э л'ошадь.

Он тожо ёму сказаў, што бери вон там хоть эту хромую. А он тожо её вытряхнуў, дак и гыт:

– Вот, на вам, сороки-вороны, пётёра-йидёра.

И сам сидит-посеживаэт, вышэў. Ушли, он и гыт:

– Сивко-Бурко,

Бёжи скоро-наскоро,

Поспёвай ко мне на пору.

Сивко-Бурко бёжит – толькё земля дрожит, из-под копыта с метру земля летит, из ноздрей жар летит, а из ушей цяд идёт. Вот. А вот уж там увидели все, штё Бурко уж убёжаў тамока⁴⁴. Идут братья и выклят⁴⁵:

– Иван, отдай нам Бурка-то.

– А изо спины – по ремню, дак и отдам.

Вот онэ, вырээали онэ ёму по ремню ёму, Сивко-Бурко отдали, царь и говорит:

– Вот эшшо, – гыт, – сл'ужбу задам, – говорит. – Ес[т]ь, – гыт, – кобыл'а с двенадцэтим жеребцям, – говорит, – дак вот её, – гыт, – эшшо... (С семи бы жеребцям, а не с двенадцэти – ну, тут перепутал'а. Да.) Её вот кто поймаёт, за тово и отдам.

Вот опётъ все поехали да пошли. Иван опётъ остаўся один дома, опётъ ужо просит чёво-небудь:

– Мне-ка л'ошадь каку-недь дать.

Опётъ царь какую-ту даў. Да. Вот потом, этова, ушли все, он опётъ эту кобыл'у опётъ жо прикликаў. Кобыл'а прибёжал'а к ёму, он кобыл'у – стоит. Тутока надаваў⁴⁶ цёво-то йисть – стоит кобыл'а. Опётъ братья едут:

– Иван, отдай нам кобыл'у-ту.

– Вот от ноги – по пальцю, дак и отдам.

⁴² «Мякнуть – ударить, стукнуть» [13, с. 15].

⁴³ «Расперить – широко открыть» [17, с. 30].

⁴⁴ «Тамока – в том месте, там» [2, с. 277].

⁴⁵ «Выклят» – выпрашивают, просят. «Выклянчивать – выпросить дозукой, неотступными просьбами» [3, с. 293].

⁴⁶ «Надавать – задать корм (домашним животным, птицам)» [13, с. 33].

Оне́ отрезали от ноги по пале́цю. Да. К царю́. Опеть гыт царь:
– Эшшо́, – гыт, – сл'ужбу задам, – говорит. – Кто, – гыт, – свинку – зол'оты́е шшэ́тінки, – говорит, – сохватаёт, тому, – и гыт, – и невеста моя.

Вот, л'адно, хорошо. Иван опеть, это́, оста́йся. Все уехали, он опеть л'о́шадь запроси́ у царя́:

– Дай.

Да. А сам эшшо́... Вот забы́л'а сказать, туто́ка не знаю как... Он, когда ворон-то налетит, дак он ворон-то набьёт, дак и гыт:

– Это царю́, – гыт, – на обед, – гыт, – понёсу́, – говорит, вол'окот⁴⁷. – Царю́ на обед, – гыт.

<...> Да, л'адно, хорошо. Потом и сви́нку сохвата́ю то́жо это жо он. Она прибежал'а сама к ёму́, прикли́каю. (Тут уж забы́л'а, как и кли́каю он).

Л'адно, хорошо. Ну, уж на́дэ отдавать невесту за йих эту, за кото́рово брата, за кото́рово пойдёт уж: за старшово или за мл'адшово. А Иван и говорит:

– На́дэ перва, царь, эшшо́ йих вымыть, – гыт, – в бане, дак потом, – говорит, – отдавать-то. Да. Дак посмотри, как штё-то оне́ ноце́ся⁴⁸ шибко стонали, – говорит.

Да, л'адно, хорошо. Баню истопили, в баню по́слаю. Оне́ сидят, не розбол'ока́ютца. Царь пришёу, гыт:

– Ну, розбол'ока́йтесь, – гыт, – давай, ста́нем мы́тьця.

Оне́ стали розбол'ока́тьця, она... Увидёу он и гыт:

– А это штё?

Ага. А Иван сидит:

– Это, – гыт, – Сивко-Бурко.

– Это уж на спине-то штё?

– А это – Сивко, – гыт, – Бурко.

Да. Потом снова, опеть он першля́ток⁴⁹ не сыва́ет. Оне́ стали першля́тки сыва́ть:

– Это штё?

А он:

– Это, – гыт, – сол'о́вая кобы́ўка.

А там ноги-ти стали розува́ть-то – и сви́нка – зол'оты́е шшэ́тінки.

Вот. Пришл'ось уж за Иванушка идти замуж. Да. Ну, всё равно́ уж неце́во больше царю́ задавать. И стали... Он Сивка-Бурка прикли́каю, залез в лево́е ухо, вылез в право́е – а такой мол'оде́ць, дак э́дакова и на свите нет!

На этом и ко́ньцил'ось. Наварили пива мно-о-о-ого! На весь мир пир собрали хоро́шой. Вот это́ва, я тут в окура́т как-то пригодил'ася, был'а дак. Пиво-то пил'а, а пиво-то те́пл'о, да по усам те́кл'о, да всё так и пропал'о. И не попил'а неце́во – всё уте́кл'о!»

2.2. «Сивко-Бурко»

«Вот жи́у купе́ць. У купця́ был'о три сына. Да. Вот жили-пожили, а взяу́ он, уме́р, и наказау́ йим, трём сыновья́м, штёбы всё отдежурили по ноце́ у ёво́ на могиле.

Л'адно, хорошо. Похоронили ёво́. И вот старшому́ сыну на́дэ идти на могил'у. А сын старшой бойтця. Быу́ у йих один, трётёй – дурак, последной́ уж. Он гыт:

– Бе́жи, – гыт, – Иван, – гыт, – сходи, – гыт, – на могил'ы за меня.

Он:

– Хорошо, – гыт, – схожу.

Вот matka напе́кл'а, нажари́л'а всёво́ тут, ёво́ и посл'ал'а. А он приходит, росстил'а́т ска́те́рку на стоу́ и кладе́т всё это ку́шанье, кото́рое matka – пражо́ников, блинов – напе́кл'а всёво́. Гыт:

– Ба́тько, иди-ко хлеба кушать!

⁴⁷ «Волоко́т» – несёт, тащит.

⁴⁸ «Ноце́сь – прошедшей ночью» [13, с. 113].

⁴⁹ «Першля́тки» – перчатки.

Вдруг могил'а задрожжал'а. И говорит:

– Ты – старшой сын?

Он гыт:

– Нет.

– Ты – середной сын?

– Нет.

– Ты – Иван-дурень?

– Я.

Вот вдруг ба́тько приходит, пое́у у ёво́, вот и отправа́диу́ домой:

– Давай, бе́жи́ домой.

Ну, он пришёу́. На другую́ ночь посыла́ют второ́во сына. Матка опе́ть: она всёво́ напе́кл'а, нажа́рил'а – вот посыла́эт второ́ва сына. А второ́й сын и гыт:

– Поше́у, Иван-дурень, за меня сходи.

Иван-дурень опе́ть тудаси́ поше́у – хоть бы нако́рмят ёво́, дак и л'а́дно.

Вот приходит Иван, сади́тця на могил'у, роскл'а́дваэт все... росстил'а́эт ска́те́рку, роскл'а́дваэт все хлеба свои.

– Ба́тько, иди-ко хлеба кушать!

Вдруг могил'а затрешшел'а:

– Ты – старшой сын?

– Нет.

– Ты – середной сын?

– Нет.

– Ты – Иван-дурень?

– Я.

Вот тот выхо́дит ба́тько, у ёво́ поку́шау́, пое́у тутока́ всёво́ и опе́ть росста́лися. Прише́у́ домой. Уж се́водни Иванушку на́дэ иди́ти. А Иванушку напе́кл'а́ матка, дак всё заплéло⁵⁰ – да живёт. Он це́[в]о́? Наёсся: там у ёво́ уж и ху́денько, а живёт. Вот Иванушко и поше́у опе́ть. Взяу́ это свой хлибець и поше́у (запале́ной). Прише́у, ска́те́рку росстил'а́эт, и гыт:

– Ба́тько, иди-ко хлеба кушать!

Он и говорит:

– Ты – старшой сын?

– Нет.

– Ты – середной сын?

– Нет.

– Ты – Иван-дурень.

– Я, – говорит.

Вот ба́тько выхо́дит и говорит:

– Вот за ста́ршово сына те[бе] Бурко-Сивко. А за се́редново сына, э́това, кобы́л'а с семи жеребця́м. А тебе-ка свинка – зол'оты́е шшэ́тинки, – эти подарки все, все это Иванушку.

Л'а́дно, хорошо. Вдруг это... Там жили-по́жили. И вдруг объя́вили: у ця́ря там до́щерь отда́ют взамуж. А бу́дет до́щерь сиди́ть на баўхо́не. А хто это тут приидёт на л'ошаде́, и хто у её тот... (у её там пл'ато́к пове́шён) хто этот пл'ато́к ста́шшит, за тово́ и отдас[т] ця́рь эту деви́цю. Вот э́те братья́ поехали: наряжа́ютця, умыва́ютця, собира́ютця. А Иван на пеце́ сидит да сажу́ перегре́баёт. Сидит да и гыт:

– Братья́! Пойми́-котё́ меня!

– Ну, Иван-дурень, куда́ тебя?! Си́ди, перегребай там на пеце́-то сажу-ту!

– Да́к ведь и мне бы л'ошадё́нко на́дэ.

– Бежи́, бери́, там где-то сорова́я⁵¹ кобы́л'а, да́к бери́.

⁵⁰ «Заплéлый – опаленный огнем, пожелтевший от огня» [10, с. 139].

⁵¹ «Сорова́я кобы́л'а» – кобыла, с помощью которой вывозят сор.

Вот оне́ уехали. Он ушёу, кобы́лу эту сорову́ю – за хвос[т], дак помахáу, да вытряхну́у из кожи, да и гыт:

– Вот вам, сороки-вороны, от Ивана от дурня пítера-йидёра.

А, Сивко-Бурко,
Бёжи́ скоро-на́скоро,
Поспéвай ко мне на́ пору.

Сивко-Бурко бёжит – из ноздрей жар летит, из ушей цяд, это, пар идёт. Он зал'азаёт в левоё ухо, вылезáет в правоё – такой мол'одець, и негде такова нет! И поéхау. Как доёжжаёт, как это л'ошадь ёво вско́цит, только двух дёрёвцёв не доскоци́л'а, на баўхоне не мог пл'атка́ сдёрнуть. Обёрну́ся да и домой. Вот приёжжа́ют братья и говорят:

– Ой, мама! Ой, какой приёжжау́, дак только двух дёрёвцёв не доскоци́у. А л'ошадь сивая, хорошая, – говорят.

А он сидит на пеце-то:

– Братья! Не я ли это и быу́?

– Ой, ты – Иван-дурень, мажься са́жэй.

Ну, л'адно. Опéть живут. Нацёва́ли. За́втра:

– Мама, опéть всех вызывают, весь мир туда зовут это на это.

Ну, л'адно, хорошо. Собира́ютця, умыва́ютця эти братья, нал'ажáютця. Иван на пеце́ сидит да и гыт:

– Братья, поймитё-ко меня!

– Ой, Иван-дурень, куда тебя?! Перегрёбай там са́жу-ту!

– Да дайте л'ошадёнку-то какоё-нёбудь.

– А вон, – говорят, – возова́я, ётова, кобы́л'а, дак забирай её, сено возит.

Вот он забрау́ эту кобы́лу, хвостом помахáу, за хвос[т] взяу́. Кобы́лу ободрау́, на огород броси́у:

– Вот вам, сороки-вороны, от Ивана-дурня пítера-йидёра.

Опéть:

– Сивко-Бурко,
Бёжи́ скоро-на́скоро,
Поспéвай ко мне на́ пору!

Вот Сивко-Бурко бёжит – из-под копыта по мэ́тре земля летит, из ро́ту жар летит, из ушей пар летит. Он идёт, в левоё ухо зал'азаёт, в правоё выл'азаёт. Ой, какой мол'одець и негде такова на свите нет – вылез!

Сеу́ и поéхау. Как доёжжаёт, как Бурка вско́цит, только одново́ дёрёвця не доскоци́у. Обёрну́ся да и обратно он уéхау́ домой. Уéхау́ домой, на́ печь залез, тамока́ и сидит на пеце.

Вот братья приёжжа́ют, матке и говорят:

– Ой, мама, опéть тот приёжжау́, – да говорят, – не останóвiвсья, ак только дёрёвця одново́ не доскоци́у, только и не стащи́иу пл'атка́.

А у её колéцкó был'о на руке это. Вот на трéтэй раз опéть собира́ютця, умыва́ютця, наряжа́ютця. А он опéть на пеце сидит:

– Братья! Пойми-котё меня!

– Ой, Иван-дурень, перегрёбай там жар, это, са́жу-ту! Йидь вон дровяна́я⁵² кобы́л'а, дак поёжжай на ёй.

Вот оне́ опéть, ётова, уехали. А он эту кобы́лу взяу́ за хвос[т], повертеу́, вертеу́ да кожу ободрау́, на изгоро́дець броси́у да:

– Вот вам, сороки-вороны, от Ивана-дурня пítера-йидёра.

Да. Опéть:

– Сивко-Бурко,
Бёжи́ скóро-на́скоро,

⁵² «Дровяная кобы́л'а» – кобыла, с помощью которой возят дрова.

Поспёвай ко мне на пору!

Сивко бѣжит – из-под копыта земля летит, из ушей пар идёт и из рота жар летит. Он зал'азает в левое ухо, вылезает в правое, опеть – это роуно не знать, где взяўся – эдакой молодёць! Опеть поехаў. Как доежжаёт, как вскоцит, платок сдёрнуў, она – хл'оп! – ёму колецьком в л'об. Он обернуўся да уехаў. Уехаў домой-ту, прилез на печь и сажёй замазывает это – у ёво в л'обу-ту так и свитит. Дак сажёй всё-ту умазаў-умазаў тутока да и сидит. Онé и говорят:

– Ой, мама, вот, этова, торнул'а уж колецьком – и платок увёз. Ак тепере, мама, будут завтра пир на весь мир и будут выбирать ёво. Дак вот высмотрим как он, эшшо не показаўся некому, дак ёво высмотрим.

Л'адно, хорошо. Вот он и гыт... Опеть он сказаў, штё:

– Братья! Не я ли там и быў?

– Ой, Иван-дурень, сиди, перегрѣбай и сажу-ту!

Вот назавтре л'адятця, умываютця, все нал'ажаютця идти. Уж туда пойдут, этова, и без коней будёт – весь пир будёт, весь на весь мир. Вот л'адно, хорошо. Она будёт искать жёниха тамока.

Ну, л'адно, хорошо. Онé ушли. Он корзину взяў, лукошко, и за губам⁵³ пошёў. Сдел'аўся нишшэньким, этта всё замазаў. Пришёў (у цярэ тамока уж нишшиё) да с нишшим и сеў он тамока. Вот пошл'а цярэца искать: всё подаёт, и всех это смётрит – где это колецьком она торнул'а. Весь обошл'а. Пришл'а, батьку и гыт:

– Не могл'а найти, – говорит, – всех, – гыт, – оподал'а.

– А, – гыт, – нишших?

– И нишших оподавал'а.

– Ну-ко, давай-ко, иди снова.

Вот она пошл'а-пошл'а. Дошл'а до ёво, открыл'а, тут у ёво это сосвител'о, она тут и упал'а наивзнаць⁵⁴. Да.

– Ой! – батько. – Штё паре?! Цясока ведь я снова заданье буду давать.

Ну, да. А он знаў это – где скот-от ходит этот ёвонной.

Л'адно, хорошо. Назавтре нацѣвали, все эти нацѣвали: и братья, и Иван нацѣваў, весь мир нацѣваў тутока. И задаў заданье, гыт:

– Вот кто, – гыт, – сохватаёт Сивка-Бурка, – гыт, – этова на поле, тому и отдам.

Вот, л'адно, хорошо. Все поехали, все на конях поехали, всем коней дали – хватать будут л'ошадь-ту эту. Да. А он остаўся. И просит у цярэ-го опеть это, л'ошадь:

– И мне, – гыт, – дай, – гыт, – л'ошадь.

Он гыт:

– Бери тамока вот ес[т]ь соровая кобыл'а, – тожо это жо он сказаў ёму.

Он опеть это жо дел'аў – ободраў да и бросиў. А потом и гыт:

– Сивко-Бурко,

Бѣжи скоро-наскоро,

Поспёвай ко мне на пору!

Бурко прибѣжаў. Вот он и стоит тутока на сеновале, тамока с Бурком. А братья-ти едут, видят, штё брат – нукося! – и с л'ошадёй стоит. И говорят, говорят:

– Иван, – говорят, – отдай нам Бурка, отдай.

Он и гыт, гыт:

– А вот изо спины – по ремню, дак и отдам!

Вот онé разбол'оклися, он по ремню вырезаў изо спины и отдаў йим Бурка. Онé ко цярэ привели этова Бурка.

– Ну, хорошо, поймали, дак давай.

Эшшо кобыл'у это надэ поймать йим. Вот л'адно, хорошо.

– Ну, – и баэт, – эшшо вам заданье, – говорит.

⁵³ «За губам» – за грибами.

⁵⁴ «Наивзнаць» – навзничь.

Эшшо́ за йих не отдаёт, эшшо́ на́дэ все это заданье [выполнить].
– Давай, – говорит, – эшшо́ вот на́ поле ес[т]ь, ходит кобы́ўка, сол'овая кобы́ўка. На́ поле ходит сол'овая кобы́ўка с семими жеребцям, вот её поймайтё, мне приведитё.
Вот опётъ все поехали хватать эту кобы́ўку. Вот все уехали, а он опётъ у цяря́ просит л'ошадь:
– И мне-ка дай л'ошадь.
Он и гыт:
– Ну, Иван-дурень, какая те[б]ё л'ошадь?! Пошёў, вон дровяная кобыл'а, дак бери её.
Он опётъ ободраў:
– Сороки-вороны, вот вам от Ивана от дурня пйтёра-йидёра.
Вот, л'адно, хорошо. Опётъ это онё едут, братья-ти:
– Ой, у Ивана и кобыл'а тутока́ уж!
Да. Говорят:
– Отдай ты нам.
Он гыт:
– От ноги – по палыцю то́лькё.
Онё от ноги по палыцю отдали ёму́, он и отдаў йим. Онё ко цярю́ привели.
– Эшшо́, ну вот давайтё, эшшо́ одно заданье уж. Дак уж как это [выполните], дак за вас и отдам за которова, за братьев.
Ну, л'адно, хорошо. И гыт:
– Эшшо́, – гыт, – заданье. Вот, – гыт, – ес[т]ь свинка – зол'отыё шшэтинки, ходит на́ полё, вот мне её поймайтё, – гыт.
Да. Вот опётъ все поехали хватать. Он и свинку зол'отую эдак жо то́жо – опётъ гыт. Это и сохватаў тамока́. Сохватаў свинку, привёў. Онё опётъ тамока́... Её стоит, кормит за забором. Вдруг и едут братья:
– Ой, Иван, отдай нам свинку.
Да. Он и гыт:
– Беритё, – гыт, – от руки – по палыцю.
Онё отрезали, ёму́ отдали всё. Ну, цясока́ уж, ётова, станут свадьбу дёл'ать. Да. А цярё сказаў, штё на́дэ йих вымыть в бане, штёб подготовит похорошёму этих уж (он будёт отдавать за йих). Да. А цярё, пошли онё в баню, а он и говорит:
– Ну-ко, цярё грозной, – говорит, – ты сходи-ко, станут мыть-то, мытьця-то, дак посмотри онё, как это из йих выльнёт.
Онё не розбол'окаютця некак. Он и гыт:
– Как не розбол'окатыця? На́дэ розбол'окатыця.
Розбол'оклися, ётова. А онё, если нацёвали-то, дак онё стонут. Гыт:
– Отцёво́ онё стонут? На́дэ в бане вымыть.
А он и гыт... Вот онё в баню-то эдак ушли, он пришёў в баню-то, а гыт:
– Это штё, – гыт, – у вас по спине-то?
А он сидит, Иван-от, тамока́ да гыт:
– Это – Сивко-Бурко.
А те опётъ спросили, потом и спросили:
– Ведь сол'овая кобы́ўка, дак это, – гыт, – штё у вас?
– А это, – говорит, – у ёво от ноги по палыцю, – говорит, – у йих.
– А это штё?
– А это, – гыт, – свинка – зол'отыё шшэтинки.
Вот за Иванушка и пришл'ося отдавать эту цярёвну. Цярёвна всё ревет, всё ревет – как за йим цясока́ уж? На́дэ уж отдавать. А потом он это вызваў своёво́ Бурка:
– Сивко-Бурко,
Бёжи скоро-наскоро,
Поспёвай ко мне на́ пору!

А Сивко-Бурко прибѣжаў. Он залез в лѣвое ухо, вылез в правое – а такой мол'одѣць, дак негдѣ тако́ва нет! Вот цяр' на этом и успокоиўся. Тожно́ завѣў пир. Навариў пива́ много! Вокура́т я тут пригодил'ася, был'а дак. Вот сколько пиво-то ўку́сно да сколь ково́ сл'адко! Только по уса́м тѣкл'о, да всё так и пропал'о у меня. Нецѣво́ и не пол'уцил'ося. Вот. Пиво-то тѣпл'о, по уса́м тѣкл'о, всё и пропал'о!»

2.3. «Сивко-Бурко»

«[...] Напѣкл'а, нажа́рил'а, провожа́ет ста́ршово сына. А он бои́тця, не идёт, посыла́эт Ивана-дурня. А он пришѣў, Иван-дурень, на могил'у с этим, с хлебом, тутока́ со всем. Розл'о́жиўся, скатѣрку посл'аў, розл'о́жиўся и гыт:

– Батько, иди-ко, – гыт, – хлеба кушать!

Он и спрашваэт:

– Ты – ста́ршой сын?

– Нет.

– Ты – се́редной сын?

– Нет.

– Ты – Иван-ду́рень?

– Я.

Вот ба́тько вы́шеў, у ёво́ поеў, вот говорит, ётова:

– Те[б]ѣ... Был'о, – гыт, – Сивко-Бурко, – гыт, – ста́ршому сыну. Это тебе бу́дет, – говорит, сказаў.

Вот Иван-дурень домой пришѣу, помянуў. Назавтрѣ второму идти сыну. Опѣть:

– Скоди́, Иван, за меня.

Иван опѣть собираѣтця. Ма́тка опѣть всёво́ нал'а́дил'а, напѣкл'а, нажа́рил'а: та́мо и хлеба, и всяково, и куты – всёво́. Вот приходит опѣть Иван, скатѣрку стѣлит, всё розл'аживаэт:

– Батько, иди-ко хлеба кушать!

Вот вдруг могил'а содрожжал'а, ба́тько и говорит:

– Ты – ста́ршой сын?

– Нет.

– Ты – се́редной сын?

– Нет.

– Ты – Иван-ду́рень?

– Я.

Выходит ба́тько:

– Вот, – говорит, – это был'а, – гыт, – со́л'овая кобыўка, – гыт, – се́редному сыну, – гыт. – Это тебе бу́дет.

Ну, л'а́дно, хорошо. Иван назавтрѣ пришѣў домой, помянуў, опѣть на́ печь залез, са́жѣй мажѣтця. Ивану на́дэ [идти]. Матка состряпал'а ёму́ только палѣной пирог и дал'а:

– Иди давай, ты наѣсся и ётова пирога.

Он пришѣў опѣть это на могил'у, скатѣрку посл'аў и говорит:

– Батько, иди-ко хлеба кушать!

Вдруг могил'а содрожжал'а:

– Ты – ста́ршой сын?

– Нет.

– Се́редной ты, сын?

– Нет.

– Ты – Иван-ду́рень?

– Я.

Вот ба́тько вы́шеў, у ёво́ поеў пирожка ётова да и говорит, гыт:

– Вот, – гыт, – Сивко-Бурко, – гыт, – тебе да сол'овая кобыўка, – да гыт, – и свінка – зол'отыё шшэтинки, – гыт, – это всё твоё, – говорит. – А Сивко-Бурко ты, – говорит, – на́дэ, только выйди на ўлицу и скажи, штё:

“Сивко-Бурко,
Бёжи скоро-наскоро,
Поспёвай ко мне на пору”.

Вот, л'адно, хорошо. Вот вдруг... Он пришёў домой. Потом вдруг огл'авили⁵⁵: у цяря́ девка пойдёт взамуж и выбираёт жёниха. Сидит она на баўхоне, а у её на руке коле́цько, а там пл'аток повешён. Вот кто этот пл'аток прийдёт да [в]скоцит, да ста́шшит этот пл'аток – и тово́ будёт и невеста. Вот. А весь мир собираёт.

Вот братья умываютьця, наряжаютьця и хотят ехать. А он сидит на пеце да и гыт:

– Братья, поймитёте и меня!

Оне́ говорят:

– Ой, Иван-дурень, мажься там сажёй-то. Бери, – го[во]ря́т, – вон возили сор кобыл'у, дак ты йидь на той кобыле.

Л'адно, хорошо. Оне́ уехали. А он ушёў, кобыл'у взяў за хвос[т] да ободраў, да кожу бросиў на огород, да:

– Вот вам, сороки-вороны, от Ивана от дурня пítёра-йидёра, – кобыл'у вы́бросиў.

А сам пришёў ко крыльцо и гыт:

– Сивко-Бурко,
Бёжи скоро-наскоро,
Поспёвай ко мне пору!

А Сивко бёжит – дак земля дрожит, из-под копыта по метру земля вылётает, из ноздрей жар летит, из ушей цяд идёт. Прибёжаў Сивко-Бурко. Зал'азаёт он в левоё ухо, вылезает в правоё – такой мол'одець, дак больше и на свите эдакова нет, наре́жён и всё! <...>

Л'адно, хорошо. Сеў и поехаў. Как [в]скоциў, только двух дёрёвцёв не доскоциў, <нрзбр>, сам обёрнуўся – и домой. Залез в левоё... в правоё ухо, вылез в левоё – опять такой жо Иван-дурацёк. Залез на́ печь и сидит.

Братья приежжають, матке рассказывают:

– Мама, какой-то приежжаў на Сивой-Бурой л'ошадё, эдак, – го[во]ря́т, – как вскоцили, дак только́ двух дёрёвцёв не доскоцили до её, – го[во]ря́т, – не доскоциў. А эк обёрнуўся сразу, мама, уехаў, некому́ не пока́заўся.

А он сидит да и гыт:

– Братья, не я ли там и быў?

Говорят:

– Ну, уж сиди там, дурак, мажься сажёй-то.

Он опять сидит. Вот назавтрё...

– Мама, завтрё опять пойдём.

Назавтрё опять собираютьця, наряжаютьця, басятця, умываютьця. А он сидит, гыт:

– Братья, пойми-котё меня.

А он... Оне́ и гов[о]ря́т:

– Давай сиди, – говорят, – там мажься сажёй-то.

Да.

– Дайте м[н]е л'ошадь-то.

– А, – гыт, – вон, – говорят, – сеновая кобыл'а, дак, – гов[о]ря́т, – пошёў, бери, да йидь (сено возят на кобыле на которой).

Вот оне́ ушли, он взяў, кобыл'у ободраў, бросиў кожу на огород, а са́мо мясо – за огород, да и гыт:

– Вот вам, вороны-сороки, пítёра-йидёра от Ивана-дурня.

⁵⁵ «Огл'авили» – огласили, объявили.

А сам опётъ:

– Сивко-Бурко,
Бёжи скоро-наскоро,
Поспёвай ко мне на пору!

Сивко бёжит – из-под копыта земля с метру земли летит, из ушей цяд валит, из ноздрей жар летит.

Л'адно, хорошо. Зал'азаёт в левоё ухо, выл'езает в правоё – уж негде эдакова мол'одця нет на свите, какой вылез!

Вот как доежаёт, тамока только одново д'еревця не доскоциў. Опётъ завернуўсе и домой приехаў. Приехаў домой и на печь залез. Опётъ мажетця, уж тамока вылез опётъ небаской. Вот братья приежают и го[во]рят:

– Ой, мама, опётъ на той-то л'ошаде быў, дак только д'еревця одново не доскоциў.

Да. Л'адно, хорошо. Он:

– Братя, не я ли там и быў?

Уж го[во]рят:

– Сиди, мажься тамока.

Опётъ моўцит.

Л'адно, хорошо. <...> Там, л'адно, хорошо. Назавтрё опётъ наряжаютця, собираютця, опётъ ехать л'адятця. А он опётъ просит. Онé и го[во]рят, г[ово]рят:

– Забирай, тамока, – го[во]рят, – ес[т]ь, дрова возили, дак ту кобыл'у, да и йидь.

А онé не знают, штё он обдираёт. Он опётъ эту кобыл'у ободраў, бросиў за огород:

– Вот вам, вороны-сороки, от Ивана-дурня пит'ера-йид'ера.

Онé уехали, он опётъ это кричит:

– Сивко-Бурко,
Бёжи скоро-наскоро,
Поспёвай ко мне на пору.

Сивко бёжит – из-под копыта метра земли летит, из ушей цяд валит, из ноздрей жар летит. Зал'азаёт в левоё ухо, выл'езает в правоё – а такой мол'одець, на свите эдакова нет! Вот как доехаў, там как доскоциў до ёво, она колецьком ёму вдарил'а, он пл'аток сташиў и обратно поехаў. Да. Онé приехали:

– Мама, – го[во]рят, – сташиў, – го[во]рят, – пл'аток, – го[во]рят. – А она... Он, – го[во]рят, – обернуўся, уехаў сразу жо. А она колецьком в л'об ёму дал'а.

Л'адно, хорошо. Вот. Онé назавтрё снаряжаютця, пойдут уж на осмотр – кому она тамока дал'а уж. А у ёво уж наварено пиво, у её цяря, а она будёт подавать.

Вот нал'ажаютця, а он это сидит на пече и гыт:

– Поймитё, братья, и меня.

Говорят:

– Ну куды ты пойдёшь, Иван-дурень?

Он взяў после йих л'укошко да и пош'еў по грибы. Пош'еў по грибы да грибов поискаў, да и приш'еў тутока. И сидит тамока уж с нишшим (нишших-то у нас ран[ь]ше много был'о). Ак там такий-ти богацй дак всё в зале, а нишший-ти там сзаде.

Она вот всех обошл'а и говорит, пришл'а к батьку и гыт, гыт:

– Не нашл'а, – гыт.

А он гыт:

– Дак как ты?! – гыт. – М'ожёт тамока, – гыт, – не искал'а? – гыт.

– Нет, – гыт, – всех, – гыт, – искал'а.

– А ну-ко, – гыт, – сходи-ко, – гыт, – снова, – гыт, – пересмотри.

Вот. Она и пошл'а. А онé – ведь шапки нахлюцены⁵⁶ – нишший дак нишший. Она подошл'а к ёму да открыл'а, там колецько-то у её так и звоссиял'о, она тут наивзнаць и упал'а – вот ётова, нашл'а ёво.

⁵⁶ «Нахлюцены» – нахлобучены, надеты низко на лоб.

Батько говорит:
 – Ну всё равно, – гыт, – заданье дам, – говорит. – Эшшо́ это уж и мо́жет не за ёво́ и пойдёшь.

Л'адно, хорошо. А нехто́ не уе́жжаёт. Вот он и поше́, и за́дау́ заданье́:
 – Вот, – гыт, – ес[т]ь, – гыт, – Сивко-Бурко на́ поле ходит, дак вот кто э́това Бурка сохвата́т, приведе́т, дак за тово́ и отдам, – говорит.

Вот все поехали, ко́ней надава́у, все поехали э́това Бу́рка хватать. Да. Л'адно, хорошо. Там уж мо́жет быть и не всем. Иван просит йих:
 – Дай мне-ка л'ошадь, э́това, и я поеду искать!

Он и гыт:
 – Ой, Иван-дурень, како́е же тебе л'ошадя́?! – говорит. – Некаки́е л'ошадя́ те[б]е не бу́дет.

Да. Да всё равно́ дау́ хрому́ю кобы́лу. Он эту взяу́, о́бодрау́ кобы́лу, бро́сиу́ да и гыт:
 – Вот вам, сороки-вороны, от Ивана от дурня пи́тёра-ийде́ра.

Да. Л'адно, хорошо. А сам вы́шеу́ и говорит:
 – Сивко-Бурко,
 Бе́жи скоро-наскоро,
 Поспе́вай ко мне на́ пору!

А Сивко бе́жит – из-под копыта земля с метру выва́лива́т, из ушей цяд валит, из ноздрей жар летит. Прибе́жау́. Иван стоит с Бурком. А вдруг братья-ти едут:
 – Ой! Иван, отдай нам Бурка.
 – Штё?! Не жа́уко. Изо спины – по ремню.

Вот по ремню оне́ вырезали изо спины, ёму́ о́тдали. Да. А Бурка за́брали. Л'адно, хорошо.

– Вот эшшо́, – сказау́, цярь гыт, – давай эшшо́ вот: хто сохвата́т со́л'овую кобы́уку эшшо́ да с семими жеребцям, дак вот эшшо́ тут хто сохвата́т, дак за тово́ и отдам.

Л'адно, хорошо. Опеть. (Вот тут забы́ла, цем он прикли́кау́ её, эту со́л'овую-ту кобы́уку). Опеть он сохвата́у́ это эту. Да. Опеть братья едут:
 – Ой, Иван, продай нам.

Он:
 – Не жа́уко. От ноги – по па́льцю.

Оне́ отрезали, ёму́ о́тдали по па́льцю.

Ну, л'адно, хорошо. Вот э́това, о́тдали по па́льцю. А цярь и говорит:
 – Эшшо́ давай, эшшо́, э́това, заданье дам эшшо́. (Видно ей штё-то не глянутця оне́).

Эшшо́ заданье дам, штёбы сохватали свинку – зол'оты́е шшэ́тинки.

Опеть все поехали хватать. Иван опеть прикли́кау́ свинку – зол'оты́е шшэ́тинки. Едут опеть братья, опеть запросили. Иван гыт:
 – От руки – по па́льцю.

Оне́ по па́льцю ёму́ о́тдали. Л'адно. Цясока́ уж за йих на́дэ отдавать. А и говорит, Иван гыт:
 – Эти... На́дэ в бане йих вымы́ть, – говорит, – бра́тей-то, – гыт, – у меня. А то не вымы́ешь, дак кто знаёт, оне́, – гыт, – штё-то но́цёй шибко стонали, спали.

Вот баню там истопили. В баню-ту привёу́, цярь-от и сам пришёу́ туды́ в баню-ту. Оне́ не розбол'ока́ютця. А он стау́ приказывать. Оне́ розбол'ока́тыце-то стали, вот э́това, и Иван уж на переба́нье⁵⁷ стоит. Он, цярь-от, и спра́шивает:
 – Это штё у вас там во спи́не-то э́дакоё?

А этот Иван-от и гыт:
 – Это – Сивко-Бурко, – гыт, – у йих тут во спи́не-то!

Па́льци спрашивают:

⁵⁷ «Переба́нье» – предбанное помещение.

– Штё это тамока́ у но́ги-то па́льце́в-то нет?

А он и гыт:

– А это – со́л'овая кобы́ўка у йих, – говорит.

Вот потом и стали спрашивать о́пётъ это, он и гыт:

– Штё па́льце́й нет?

Оне́ не сьма́ют и рукави́ць. Он рукави́ци-ти сняў:

– А штё па́льце́й у вас нет?

– А это, – гыт, – свинка – зол'оты́ё шшэ́тинки, – говорит.

Пришл'о́ся за Иванушка отдавать. Да. Вот он потом прикли́каў э́това Сивка-Бурка – да какой мол'оде́ць! За ёво́ и ушла и заму́ж. И ко́нець.

Пива навари́ли на весь мир. О-о-ой, а пиво како́е бы́л'о – дак прямо не знаю! Ак пиво-то те́пл'о, а по усам те́кл'о, в рот-от не попал'о, всё так пропал'о!»

3.1. «Глебушко и Еги́бабашна»

«Вот так. У нас в деревне бы́ парнеце́к, звали ёво́ Глебушком. А он всё л'ови́ў рыбу. Ну. Уйдёт... А Еги́бабашна был'а, недалёко жил'а, она ёво́ зна́л'а. Вот л'а́дно, хорошо. И говорит:

– Пойду, – гыт, – поймаю Глебушка да съем, – говорит.

Напе́кл'а пиро́гов, пряжо́ников – всёво́, и пошл'а́.

А Глебушко на л'о́тоцьке пл'ава́ет по морю. Она гыт:

– Глебушко, Глебушко,
К бе́режку, к бе́режку,
К масляным бли́нкам,
Ко пшэ́нишным пиро́жкам.

Да, вот. А Глебушко всё ката́ётця, всё ката́ётця. Она тут пе́л'а да пе́л'а, да и усну́л'а. Он пришёў, у её всё съёў да и ука́тився. Она розбуди́л'ася, уж он отка́тився. Она гыт:

– Ох, ты – пл'у́тина! Я всё ровно тебя съем!

Л'а́дно, хорошо. Ушл'а́ домой. Глебушко ушёў домой. Наза́втрэ о́пётъ поше́ў рыбку л'ови́ть. Вот пришёў, о́пётъ там ката́этця по́ морю. Она о́пётъ напе́кл'а, нажа́рил'а всёво́ туто́ка ёму́. О́пётъ пришл'а́, се́л'а на бе́режо́к:

– Глебушко, Глебушко,
К бе́режку, к бе́режку,
К масляным бли́нкам,
Ко пшэ́нишным пиро́жкам.

Вот Глебушко ката́ўся-ката́ўся, да о́пётъ ука́тиўся. Она о́пётъ усну́л'а, а Глебушко и говорит ёй:

– Спи, гл'азо́к, спи, друго́й,
А тре́тэй лис[т]ко́м покрой.

Она и усну́л'а. Да, усну́л'а. Л'а́дно, хорошо. Вот она гыт:

– Всё ровно ведь съем.

Наза́втрее́ встаёт, жарит, пекот. И Глебушко о́пётъ на́ море ката́этця. Вот она пришл'а́, на бе́режо́к се́л'а:

– Глебушко, Глебушко,
К бе́режку, к бе́режку,
К масляным бли́нкам,
Ко пшэ́нишным пиро́жкам.

Он сказа́ў только, гыт:

– Спи, гл'азо́к, спи, друго́й...

А и не сказа́ў: “Тре́тэй лис[т]ко́м покрой”.

Она и не усну́л'а, вздрёмну́л'а да и розбуди́л'ася, ёво́ и схвати́л'а. Привёзл'а́ она домой ёво́, э́това Глебушка. Бы́л'о три у её до́цери. Вот старшой до́цере́ она сказа́л'а, штё:

– Испеки́ се́водни, пожа́рцеё́ печь нато́пи там ма́л'ую, да испеки́ м[н]е Глебушка.

Глебушко у йих запёрт быў, в мал'ой избе на пеце сидеў. Вот она истопил'а эту печь. Да. И пришл'а, и говорит:

– Давай, сл'азь, – баэ́т,⁵⁸ – пекци́ стану. Давай лёжись, – гыт, – на л'опату.

Вот она пол'ожил'а на л'опату, [он] одну ногу в шештёк⁵⁹, а другую в потыл'ок – она пехнуть-то не может:

– Нел'адно лёжишь!

– А как, я не знаю?

– Ну, не знаёшь, давай я ак науцю.

Вот сама-то лёгл'а на л'опату-то, а ужал'ась-ужал'ась. Он как, Глебушко, бросит её, а там жару-ту много, её и испёк. Испёк. Л'адно, хорошо. И сам на печь ушёў.

Приходит Егибашна, садитца за стоў, вымаёт свою до́щерь, кушать л'адитце⁶⁰, под порог кости валит. Свалил'а все кости и гыт:

– Покататьця эшшо́ на Глебушковых косто́чках.

А он на пеце-то и говорит:

– Покатайся, блеть, поваляйся, блеть,

На своей до́щерё, на тоўстой сереё.

Она гыт:

– Ох, ты – пл'утина! Я те[б]я́ за́втра всё ровно испе́ку!

Л'адно. Вот это́ва, нацёвали. Наза́втраеё вторую, се́реднюю до́щерь посыла́эт. Та пришл'а до́щерь пекци́ ёво. Истопил'а печь и говорит:

– Сл'азь, давай.

Ну, он сл'азит, опеть эдак же:

– Лёжись, давай, на л'опату!

Он лёгот: одну ногу в шештёк, другую в потыл'ок. Она:

– Нел'адно лежисся, ужмися!

– Да как? Я не знаю, науци.

Л'адно, она на шештёк-от л'опату пол'ожил'а, она ужал'ась-ужал'ась, он – хл'оп! – её в печь и засл'онкой закрыў. И сам на печь залез, и сидит опеть на пеце.

Вдруг приходит Ягибашна, вымаёт свою до́щерь, садитца за стоў и ес[т]. Съёл'а эту всю до́щерь, под порог кости свалил'а:

– Покататьце эшшо́ на Глебушковых косто́чках.

Он гыт:

– Покатайся, блеть, поваляйся, блеть,

На своей до́щерё, на тоўстой сереё.

– Ох, ты – пл'утина! За́втра всё ровно испе́ком.

Ну, л'адно. (Пропушшу́ одну до́щерь).

Вот наза́втраеё она сама уж ёво́ пекци́ л'адитца. Истопил'а печь пожа́рцеё. Да. И потом поуни́хл'о⁶¹ в пеце-то, жар-от только, дак она на жар прямо ёво́ – бу́дет шохл'ык⁶², шохл'ык бу́дет. Да, л'адно. И гыт:

– Сл'азь, давай, сейця́ испе́ку да и съем.

Да. Вот он лёжитца на л'опату, Глебушко слез, лёжитца опеть. Она ста́нет пеха́ть: одну ногу в потыл'ок, другую в шешток – пробить не может. Бранитца и говорит:

– Нел'адно лёжисся, ужмися!

– Да я не знаю как, науци.

Она лёгл'а на л'опату-ту, ужал'ася, а он как схватит да бросит, Ягибашну-ту испёк. Испёк и сам домой ушёў.

Вот и сказке ко́неч. Глебушко то́жно уж оста́ётся непече́ной».

⁵⁸ «Баять – говорить, рассказывать» [2, с. 14].

⁵⁹ «Шесток – площадка перед устьем русской печи» [7, с. 164].

⁶⁰ «Ладиться – намереваться, собираться что-либо сделать» [12, с. 30].

⁶¹ «Поуни́хл'о» – поутихло.

⁶² «Шохл'ык» – шашлык.

Пример 1.

Гле - буш - ко, Гле - буш - ко, к бе - рёж - ку, к бе - рёж - ку,
К мас - ля - ным блин - кам, ко пшэ - ниш - ным пи - рож - кам.

Пример 2.

Спи, гла - зок, спи, дру - гой, а тре - тей лис[т]-ком пок - рой.

3.2. «Глебушко и Егибашна»

«Вот Глебушко пошëу л'овить рыбку. У ёво был'а л'отоцька, он на л'отоцьке на реке там и пл'аваў. А Егибашна удумал'а Глебушка изл'овить. Вот гыт:

– Изл'овлю я уж Глебушка да съем, – гыт, – ёво.

Ну, л'адно, хорошо. Она [на]стряпал'а пирогов, пряжоников, каши намешал'а, пришл'а на берёжок и поёт:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
[К масляным блинкам,]
Ко пшëнишным пирожкам,
Ко пряжоницкам,
К кашке.

Да. Л'адно. А Глебушко всё пл'аваэт. Всё пл'аваў. Пл'аваў-пл'аваў да и гыт, гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой,
Трëтей лис[т]ком покрой!

Егибашна-та уснул'а, он всё съëу. Она розбудил'ась:

– Ну уж, плут, на другой раз я те[б]я всё ровно изл'овлю.

Она опëть ушл'а домой, настряпал'а. А он, Глебушко, опëть пошëу рыбку л'овить.

Да. Опëть Глебушко пл'аваэт на реке. Она опëть настряпал'а всёво. Пришл'а опëть:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинкам,
Ко пшëнишным пирожкам,
Да и к кашеньке.

А Глебушко всё пл'аваў да пл'аваў, да и гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой,
Трëтей лис[т]ком покрой.

Егибашна уснул'а, он всё съëу. Съëу. Опëть ётова Егибашна:

– Ну, уж я тебя всё ровно изл'овлю.

Ну, л'адно, хорошо. На трëтей раз это она ёво уж ушл'а, изл'овил'а. Домой принëсл'а. (Пить не буду тут уж). Принëсл'а она домой ёво, а у иë был'о три дoцери, и говорит:

– Натопитë пожарцëе печь да испеките мне Глебушка, я ёво съем.

Вот оне́ печь нажарили, старшая сёстра... дочерь. Да.

– Глебушко, сл'азь с пёци (на пецé сиде́у).

Глебушко слез с пёци.

– Лёжись на л'опату.

Глебушко – одну ногу в шёштёк, другую в потыл'ок, Глебушко – одну ногу в шёштёк, другую в потыл'ок. Она гыт:

– Не эдак лёжисся.

А он гыт:

– Как, скажи?

А вот на л'опату-то она лёгл'а да ужал'ася, вот эдак лёгл'а на л'опату да гыт (ужал'ась-ужал'ась):

– Вот эдак ужимайся.

Он как, Глебушко, схватит – да в печь, да засл'онкой закры́у, да и испёк. И сам на́ печь се́у. Вот она вдруг приходит, эта Егíбабашна, вы́нял'а она свою дочерь и сидит ес[т], а под порог кости валит. Да. Кости свалил'а, дочерь съёл'а:

– И поката́тьця эшшо́, – гыт, – на Глебушковых кóстоцьках.

А он гыт:

– Поката́йся, блеть, поваля́йся, блеть,

На своей дочерé, на то́устрой сереé.

– Ох, ты где! Всё ровно те[б]я завтра съем.

Назавтреё опéть же это она, вторую дочерь посыла́эт. Вот вторая дочерь опéть пришл'а. Печь натопил'а жарцее-жарцее, опéть Глебушку:

– Сл'азь, давай!

Слез.

– Лёжись, давай, на л'опату!

Он лёг на л'опату: одну ногу в шёштёк, другую в потыл'ок – нека́к забить не мо́жет.

Она гыт:

– Нел'адно лёжисся!

– Ак науци́ как!

Да. Она лёгл'а, она ужал'ась-ужал'ася, он как свис[т]нёт в печь её, да засл'онкой закры́у, да и сам – на́ печь. Да. Закры́у засл'онкой да и сам – на́ печь.

Ну, л'адно, хорошо. Вот опéть Егíбабашна приходит. Ну, вы́нял'а эту дочерь свою, сидит ес[т], под порог кости валит. Да. Съёл'а дочерь и гыт:

– Поката́тьця на Глебушковых кóстоцьках,

Поваля́тьця на Глебушковых кóстоцьках.

Он и гыт:

– Поваля́йся, блеть, вот поката́йся, блеть,

На своей дочерé, на то́устрой середе́.

(Тыё не будём говорить). Л'адно, хорошо.

– Я сама сяс испёку́.

Л'адно, давай уж сама. Он опéть на́ печь залез. Она натопил'а печь, опéть и говорит:

– Сл'азь, давай! – гыт.

Он слез. Он опéть: одну ногу в шёштёк, другую в потыл'ок. Он:

– Неправильно лёжисся!

– Дак науци́ меня как, я не знаю.

Она опéть ужал'ася-ужал'ася. Он как свис[т]нёт эту Егíбабашную – и там испёк её. Ну. И сам с пёци слез да и домой ушёу. Опéть эту рыбку л'овит да опéть на этом жо море и ката́етця. Вот».

Пример 1.

Гле́ - буш - ко, Гле́ - буш-ко, к бе́ - ре́ж - ку, к бе́ - ре́ж - ку,
Ко пше́-ниш - ным пи - рож - ка́м, ко пря - жо́ - ниць-кам, к ка́-шке.

Пример 2.

Гле́ - буш - ко, Гле́ - бу - шко, к бе́ - ре́ж - ку, к бе́ - ре́ж - ку,
К мас-ля - ным блин - ка́м, ко пше́ - ниш-ным пи - рож - ка́м. Да и к ка́ - шень - ке.

3.3. «Глебушко и Егибашна»

«Жиў-быў Глебушко. Вот. А Глебушко всё рыбу л'овиў. Да. Л'адно уж. А Егибашна – Глебушка хотёл'ось ей всё сьис[т]ь.

Да. Л'адно, хорошо. Уйдёт Глебушко, там по реке на л'отоцьке и пл'аваэт. Ягибашна напекл'а, нажарил'а и пошл'а на берёжок, этова, тамока Глебушка штёбы приманить и сьис[т]ь ёво. Сел'а на берёжок и:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинка́м,
Ко пшени́шным пирожка́м.

А Глебушко, ишь, пл'аваў да пл'аваў, да и гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой,
Третей лис[т]ко́м покрой.

Егибашна-та уснул'а. Он подьёхаў да у ёво всё съеў, да и опеть уёхаў. Она:

– Ой! – розбудил'ася. – Ну, уж я завтра тебя съем!

Да. Назавтрё опеть напекл'а, нажарил'а, опеть пошл'а. А Глебушко опеть уж там рыбу л'овит, на л'отоцьке пл'аваэт. Она опеть пришл'а, гыт:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинка́м,
Ко пшени́шным пирожка́м.

А он пл'аваў-пл'аваў да и гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой,
Третей лис[т]ко́м покрой.

Пришеў да всё у её съеў. Она опеть пушшэ тово заёл'ась:

– Ну, уж я т[еб]я завтра съем.

Л'адно. На третей день опеть ушеў, там рыбу л'овит. Вдруг она приходит опеть, на берёжок сел'а, опеть воспёваёт. А он и забыў... Это-ту она спел'а:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинка́м,
Ко пшени́шным пирожка́м.

А он пропеёт, гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой...

А не сказаёт, штё: «Трётёй лис[т]ком покрой». Она вздрёмнул'а, он стаёт ис[т]ь-то, она сохвата'а да и увёзл'а домой ёво. Увёзл'а домой, посадил'а на мал'ую избу на печь. А дочерё старшой наказал'а, штё:

– Завтра-то натопи пожарцеё печь да испеки Глебушка. Я съем.

Л'адно, хорошо. Вот дочерё старшая топил'а, натопил'а жару такую, на жар так Глебушка и хоёт сунуть. А как она станёт на л'опату пол'ожить, Глебушко – одну ногу в шёштёк, другую в потыл'ок – она некак не мо[ж]ёт. Он и гыт... Она и гыт:

– Ты не эдак лежись.

А он гыт:

– Как? Я не знаю. Науци.

А он, видно, сильной быёт, Света. Она и гыт:

– Вот эдак на л'опатку сядь да ужмись-ужмись.

Он как л'опату схватит да – хл'оп! – её в печь, да и засл'онкой закрыёт, и сам на печь залез. И сидит на пецёке, посеживает.

Вдруг Егибашна пришл'а (уж это испёкл'ася дочерё, это, Глебушка испёкл'а), будёт ис[т]ь. Сёл'а на эту л'авку, ес[т] да под порог кости валит, ес[т] да под порог [кости валит]. Всёво Глебушка съёл'а, под порог [кости] свалил'а да под пал'атям-то и гыт:

– Покатаётця эшшо на Глебушковых костоцках.

А он на пецё-то сидит да и гыт:

– Покатайся, блеть, повалайся, блеть,
На своей дочерё, на тоустой сереё.

– Ох, ты – пл'ут! Я те[б]я завтра испёку!

Ну, л'адно, хорошо. Назавтрё опёт вторую дочерё эдак сдел'ал'а. Он и вторую испёк. (Не буду говорить много). Потом и третью испёк. Да. Испёк это всех дочерей. Потом она сама суценил'ася⁶³:

– Давай уж я сёводни ёво испёку!

Сама пришл'а ёво... Это, затопил'а жарцеё печь и думает: «Уж ёво посажу». А она не зна'а, ак вот туту как он дел'аёт. Она стал'а садить-то, он и гыт:

– Я не знаю как, – говорит. – Ты науци меня, – говорит, – дак я и, – гыт, – и бросишь ты меня.

Вот она и стал'а ёво уцить: на л'опату-то лёгл'а, улёгл'ася, ужал'ася-ужал'ася – вот штёбы он эдак вот меня бросиёт... этово, ёво уж – штёбы он лёг эдак. Она ужал'ася, а он схватиёт л'опату да – хл'оп! – в печь, её испёк и домой ушё.

Вот и сказке конёць. Глебушко оправиётся. Три дочерё она ссопел'а⁶⁴, да и саму, и самую сожёт. Вот. И сказке конёць!»

Пример 1.

Гле - буш - ко, Гле - буш - ко, к бе - рёж - ку, к бе - рёж - ку,
К мас - ля - ным блин - кам, ко пше - ниш-ным пи - рож - кам.

⁶³ «Суцениться – принять намерение сделать что-либо; настроиться на что-либо» [18, с. 167].

⁶⁴ «Сопеть – поглощать пищу, есть» [2, с. 262].

Спи, гла - зок, спи, дру - гой, тре - тей лис[т] - ком пок - рой.

Гле - буш - ко, Гле - буш - ко, к бе - реж - ку, к бе - реж - ку,
К мас - ля - ным блин - кам, ко пшё - ниш - ным пи - рож - кам.

3.4. «Глебушко и Егибашна»

«Про Глебушка я те[б]е скажу да тамока́ э́тыё...»

Вот жиў-быў в деревне Глебушко, вот на Смольянке у нас этака́. А он всё рыбку л'овиў, ходиў на реку́ вот сюда. А Егибашна у нас жил'а тут недалёко. Она и сдумал'а этова Глебушка съис[т]ь. Вот она настряпал'а пирогов, блинов и пошл'а туда на реку́. Пришл'а на реку́, а Глебушко на л'отоцьке пл'авае́т.

Вот, это л'адно, хорошо. Она и говорит:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинкам,
Ко пшёнйшным пирожкам!

А Глебушко всё пл'аваў да пл'аваў, да и гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой,
Третей лис[т]ком покрой.

Она уснул'а. Он пришёў да у её всё съёу тутока́, да и опеть уехаў на л'отоцьке. Она роспроснул'ася, гыт:

– Ох, ты-ко – дошөгубець⁶⁵! Я тебе, дошөгубець! Всё ровно, – гыт, – сохватаю.

Назавтрё ушл'а, опеть давай это стряпать да пекци. Да. Всёво напёкл'а, настряпал'а. Опеть пришл'а, сел'а на берёжок:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинкам,
Ко пшёнйшным пирожкам!

Глебушко опеть гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой,
Третей лис[т]ком покрой.

Она уснул'а. Он опеть всё съёу да опеть пошёу ката́тьця. Вот катаўся-катаўся, вдруг... Она ушл'а домой, опеть давай стряпать. Побранил'ася, поцёкал'а⁶⁶, всяко

⁶⁵ «Дошөгубець» – душегубец.

⁶⁶ «Почёкать – подождать» [16, с. 25], здесь в значении «поругать».

набрал'а⁶⁷ ёво. Да. Настряпал'а. Назавтрё-то он и забыў... Она пришл'а, сёл'а на берёжок, опять гыт:

– Глебушко, Глебушко,
К берёжку, к берёжку,
К масляным блинкам,
Ко пшённшным пирожкам.

Он подьехаў да и гыт:

– Спи, гл'азок, спи, другой...

А этто-то и не сказаў, штё: “Третий лис[т]ком покрой”.

Она и проснул'ася. Сохвтал'а она да домой увезл'а ёво. Увезл'а она домой ётова Глебушка и старшой сестре гыт:

– Ты завтра натопи печь и испеки, я ёво съем, – говорит.

Л'адно, хорошо. А ёво посадили на печь. А в избе-то в той онé не живут.

Ну. Вот она пришл'а, натопил'а печь жарко. Гыт:

– Сл'азь, давай, – гыт. – Испёку, – говорит.

Вот он слез. Она:

– Лёжись на л'опату.

Он лёг. Она станёт л'опату подымать: одну он ногу в шёштёк, а другую в потыл'ок. Вот. Некак она не может ёво пёхнуть, некак не может пёхнуть.

Вот, л'адно, хорошо. Она гыт:

– Лёжись не эдак.

А он гыт:

– Как? Науци.

– Ак ужмися, – гыт.

– А я, – гыт, – не знаю как.

Она сама...

– Сама, – гыт, – лег, дак науци меня.

Она лёгл'а, ужал'ась-ужал'ася. Он как схватит за л'опату, а – хл'оп! – её в печь, и испёк. Закрыў засл'онкой. И сам на печь залез, и сидит. Вот Егйбашна приходит, это вымаёт свою доцерь. За стоў садитця и сидит, ес[т] да под порог кости валит, сидит да под порог кости валит. Съел'а всю доцерь и гыт:

– Покататьця эшшо на Глебушкове костоцьках.

А он на пеце-то сидит да и гыт:

– Покатайся, блеть, поваляйся, блеть,

На своей доцере, на тоўстой серее.

– Ох, ты – пл'ут! Ну всё, завтра тебя испёку.

Да. Л'адно. Опёт на пеце ёво оставил'а, ушл'а. Вторую доцерь заставил'а. Вторую доцерь заставил'а. Та пришл'а, опёт давай, жарцеё печь затопил'а, натопил'а и говорит:

– Давай сл'азь, – говорит, – испёку.

Он слез.

– Лёжись на л'опату.

Лёг. Она как станёт пёхать – одну ногу в шёштёк, другую в потыл'ок он. Не может она ёво забить и говорит, гыт:

– Ты ужмися.

Он гыт:

– Я не знаю как, науци.

Она на л'опату-ту лёгл'а, ужал'ася-ужал'ася. Он схватиў да – хл'оп! – её в печь, испёк и засл'онкой закрыў. <...> Испёк. Она приходит, ётова, Егйбаба садитця за стоў, вынёл'а её и сидит, ес[т]. Съел'а, кости под порог свалил'а:

– Ох, эшшо покататьця на Глебушковых костоцьках!

⁶⁷ «Набрал'а» – набрала, наругала.

Он гыт:

– Покатайся, блеть, поваляйся, блеть,
На своей дочерё, на тоўстой сереё.

Она:

– Ну, я тебя уж завтра дак съем, сама испёку, – говорит.

Вот, л'адно, хорошо. Назавтрё сама печь затопил'а жарцеё, подошл'а и гыт:

– Давай сл'азь, то́кот⁶⁸ испёку.

Он слез. Она стал'а опеть эдак, он опеть: одну ногу в шештёк, другую в потыл'ок.

Она как не попёхает, а не мо́жет забить-то – он не даётца. Да. Она и говорит, гыт:

– Не эдак, – гыт. – Ужми́ся, – гыт, – на л'опате-то, – она гыт.

А гыт:

– Ты науци́ меня, я не знаю как.

Она лёгл'а на л'опату-ту, он взяў да бросиў, да и испёк, и съеў её. Глебушко остаўся, а Егібабашну испёкл'а да и дочерь испёкл'а. Вот – Глебушко. Вот мои и сказки».

Пример 1.

The image shows a musical score for a song. It consists of two staves of music in a treble clef, with a key signature of three sharps (F#, C#, G#) and a 4/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 233. The lyrics are written below the notes. The first line of lyrics is: "Гле - буш - ко, Гле - буш - ко, к бе - реж - ку, к бе - реж - ку,". The second line of lyrics is: "К мас - ля - ным блин - кам, ко пше - ниш-ным пи - рож - кам." The music features a mix of eighth and quarter notes, with some rests and dynamic markings.

4.1. «Дэвоцька-дудоцька»

«Жиў-быў старик да старуха. У старухи был'о три дочери.

Л'адно, хорошо. Ушли онé по ягоды в лес. А дзве дэвоцьки всё с дружкам ходят, а одна дэвоцька всё ягоды берёт, всё ягоды берёт. Вот надэ домой идти, у йих нет и ягод. Онé взели, дэвоцьку эту убили, ягодки розделили, дэвоцьку под ёл'оцьку схоронили, но́женькам ускакали, ру́ченькам утрéпали и сами домой пришли. Это л'адно, хорошо. Ягодки розделили и сами домой ушли.

Вот л'адно, хорошо. Пришли домой, ба́тько и говорит:

– А где дэвоцька?

– А вот потеряли, где-то забл'удил'ася.

Ну. Л'адно, хорошо. Этово, пожили. А ехали циганы и нашли дудоцьку – вы́росл'а дудоцька. Взели да дудоцьку-ту э́ту и срезали. Срезали эту дудоцьку да и пикуюшку⁶⁹ сде́л'али. Сде́л'али пикуюшку да циган и стаў в эту в дудоцьку играть. В дудоцьке-то и запёл'о:

– Дедюшка, помаленьку,
Свет дорогой, потихоньку.
Дзве меня сестрици убили,
Дзве лиходейки погубили.
Ягодки розделили,

⁶⁸ «Токот – нареч. и част. – в настоящий, данный момент» [2, с. 282].

⁶⁹ «Пикушка» – дудочка, свистулька.

Блюдышко изл'омали,
На морё опустили.
Под ёл'оцьку схоронили,
Ножен(и)кам ускакали,
Руцен(и)кам утрёпали.⁷⁰

– Ой! – циган циганке отдаёт. – Циганка, попирай-ко, штё дудоцька-та как поёт.
Вот циганка тожо стал'а дуть – это жо поёт.

Л'адно. Тут заехали недалёко – на Смольёнськом-то⁷¹ угоре тут с краю дом.
Приехали и го[в]орят:

– Дедюшка, попой-ко, в эту дудоцьку поиграй, – го[во]рят. – Ой, как дудоцька у нас хорошо поёт!

Вот он стаў играть-ту в дудоцьку-ту, запирай, в дудоцьке-то и запел'о:

– Тятен(и)ка, помаленьку,
Свет дорогой, потихоньку.
Две меня сестрици убили,
Две лиходейки погубили.
Ягодки розделили,
Блюдышко изл'омали,
На морё опустили.
Под ёл'оцьку схоронили,
Ножен(и)кам ускакали,
Руцен(и)кам утрёпали.

Батька гыт:

– Матка, ты ну-ко попой, это, попирай.

Матка стал'а пикать, это жо:

– Мамен(и)ка, помаленьку,
Свет дорогой, потихоньку.
Две меня сестрици убили,
[Две лиходейки погубили.]
Под ёл'оцьку схоронили,
Ноженькам ускакали,
Руцен(и)кам утрёпали,
Ягодки розделили,
Блюдышко изл'омали,
На морё опустили.

Ну потом и сёстрам дали, и сёстрам это пропили.

Л'адно, хорошо. Потом дудоцьку-ту розрезали, девоцька-та и выскоцил'а. Батько-то россердился да тех девоцек-то, обих, сестёр, это, дочерей-то, на ворота посадиў да и росстреляў. Вот и сказка на этом коньцил'ася».

⁷⁰ Согласно комментариям исполнительницы текст песенки следует реконструировать: «Вот последноё-то сл'ово л'адно спел'а, а первые-те эшшо тамо и никак, смешал'ася это. На[д]о вперед штёбы “схоронили-то”, “ускакали-то”». Правильный вариант текста представлен по сюжету в последней песенке, исполняемой для маменьки – «Мамен(и)ка, помаленьку...».

⁷¹ «Смольёнський угор» – в данном случае упоминается возвышенность (угор) у д. Смольянка Еловинского поселения Кичменгско-Городецкого района Вологодской области.

Пример 1.

$\text{♩} = 122$

Тя - те-н(и) - ка, по-ма - лень - ку, свет до - ро - гой, по-ти - хонь - ку,
 Дьве ме - ня сес - трі - ци у - би - ли, дьве ли - хо - дей-ки по-гу - би - ли.
 Я - год - ки роз-де - лі - ли, блю - дыш - ко из-л'о - ма - ли,
 На́ мо - рё о-пус - ти - ли. Под ё-л'оць-ку схо-ро - ни - ли,
 Но - же - н(и) - кам ус-ка - ка - ли, ру́ - це-н(и) - кам ут-рё - па - ли.

Пример 2.

$\text{♩} = 132$

Ма - ме-н(и) - ка, по-ма - ле-н(и)-ку, свет до - ро - гой, по-ти-хонь - ку.
 Дьве ме-ня сес - трі - ци у - би - ли, под ё-л'оць-ку схо-ро - ни - ли,
 Но - жень - кам ус-ка - ка - ли, ру́ - це-н(и) - кам ут-рё - па - ли,
 Я - год - ки роз-де - лі - ли, блю - дыш - ко из-л'о - ма - ли,
 На́ мо - рё от-пус - ти - ли.

4.2. «Дівочка-дудочка»

«Вот жил'о-был'о у старика три дочки. (Сказку расскажу). Вот ушли оне по ягоды. (Сяч последная уж). Вот пошли оне по ягоды.

Вот одна, ма́лая до́щерь, всё берёт ягодки, всё. А больш́иё до́щери всё с мол'оды́м стоят, всё с мол'оды́м стоят. Ягодо́к не на́брали, а та набрал'а це́л'оё блю́дышко.

Вот о́не взе́ли да свою се́стрицу и убили, под ёл'о́цку схорони́ли, яго́дки роздели́ли, на́ морё опу́стили. (Это она поётца, мне не спить <...>). На́ морё блю́дышко опу́стили, де́воцку под ёл'о́цку схорони́ли, но́женькам упряса́ли, ру́ченькам утрéпали. Вот. И домой при́шли. Ба́тьку сказа́ли, мы ште́ де́воцку поте́рели. Да.

Вот живу́т-поживу́т. А ехали ци́ганы. А на этой моги́у́ке вы́роsl'а ду́доцка. Ци́ганы взе́ли, эту ду́доцку сре́зали, сде́лали пику́шецьку. Приехали в деревню-то, вот к тому жителю-ту взе́ли да и приворо́тили, ко́торой де́воцку-ту поте́ряю́. А ци́ганы-ти сде́лали пику́шецьку-ту и стали пи́кать. А в пику́шецьке-то и поёт:

– Де́дюшка, помале́ньку,
Свет доро́гой, потихо́ньку.
Дьве меня се́стрици убили,
Дьве лиходе́йки погубили.
Под ёл'о́цку схорони́ли,
Но́женькам уска́кали,
Ру́ченькам утрéпали,
Яго́дки роздели́ли,
Блю́дышко изл'ома́ли,
На́ морё опу́стили.

– Ой, – ци́ган гы́т, – посл'у́шай-ко, – гы́т, – в ду́доцке-то как поёт!
Ци́ганке отда́ю. Вот и ци́ганка э́дак:

– Те́тушка, помале́ньку,
Свет доро́гой, потихо́ньку.
Дьве меня се́стрици убили,
Дьве лиходе́йки погубили.
Под ёл'о́цку схорони́ли,
Но́женькам уска́кали,
Ру́ченькам утрéпали,
Яго́дки роздели́ли,
Блю́дышко изл'ома́ли,
На́ морё опу́стили.

Прие́хаю́ ци́ган в деревню к ба́тьку и гы́т:

– Ой, ка́кую ду́доцку сре́заю́! Да ка́кая пику́шецька! – гы́т. – Ка́к это поёт, – гы́т, – в этой ду́доцке. Поигра́й-ко, – гы́т, – попой, попи́кай-ко.

Вот ба́тьку-то взя́ю пи́кать-то, она и гы́т:

– Тя́тенька, помале́ньку,
Свет доро́гой, потихо́ньку.
Дьве меня се́стрици убили,
Дьве лиходе́йки погубили.
Под ёл'о́цку схорони́ли,
Но́женькам уска́кали,
Ру́ченькам утрéпали,
Блю́дышко изл'ома́ли,
Яго́дки роздели́ли,
Блю́дышко изл'ома́ли,
На́ морё опу́стили.

(Забываюся всё.) Вот. Матке отдай. Она..
– Матка, – гыт, – попи́кай-ко, – матке-то.
Матка-та взял'а дудоцьку-ту пика́ть-то:

– Ма́мушка, помаленьку,
Свет доро́гой, потихоньку.
Дьве меня сестри́ци убили,
Дьве лиходейки погубили.
Под ёл'оцьку схорони́ли,
Но́женькам ускака́ли,
Ру́ценькам утрёпа́ли,
Ягодки роздели́ли,
Блюдышко излома́ли,
На́ морё отпусти́ли.

– Ой! – ма́тка. – Ой! – зареви́ли. – Продай, цига́н, эту нам дудоцьку. Продай нам,
цига́н, эту дудоцьку!

Цига́н йим про́даў эту дудоцьку. Оне́ всду́мали розре́зать. Там розре́зали – и
дево́чка вы́скоцил'а. Вот. Тех дево́чек оне́ взели да убили, а с этой дево́чкой и ста́ли
дожива́ть. А тех обих дево́чек оне́ взели да убили за это – штё поштё её оне́... Вот и сказка
моя ко́нчил'ась».

Пример 1.

♩ = 120-132

Де - дюш - ка, по - ма - лень - ку, свет до - ро - гой, по - ти - хонь - ку.

Дьве ме - ня сес - три - ци у - би - ли, дьве ли - хо - дей - ки по - гу - би - ли.

Под ё - л'оць - ку схо - ро - ни - ли, но - жень - кам ус - ка - ка - ли,

Ру - цень - кам ут - ре - па - ли, я - год - ки роз - де - ли - ли,

Блю - дыш - ко из - ло - ма - ли, на́ мо - ре от - пус - ти - ли.

Ма - муш - ка, по - ма - лень - ку, свет, до - ро - гой, по - ти - хонь - ку.
 Дьве ме - ня сес - три - ци у - би - ли, дьве ли - хо - дей - ки по - гу - би - ли.
 Под ё - л'ощь - ку схо - ро - ни - ли, но - жень - кам ус - ка - ка - ли,
 Ру - цень - кам ут - рё - па - ли, я - год - ки роз - де - ли - ли,
 Блю - дыш - ко из - л'о - ма - ли, на - мо - рё о - пус - ти - ли.

5. «Снѣгурка и старицѣк-коростеницѣк»

«У старика да старухи нѣ был'о не парнецкѣ, не дѣвоцкѣ. А хто-то йим и сказаў, штѣ пол'ожить снѣжкѣ под горшочик да ходить тудѣ попѣрдывать – и будѣт у вас дѣвоцкѣ. Вот онѣ и ходили, попѣрдывали. Вдруг оттоля⁷² дѣвоцкѣ и вылезл'а – Снѣгурка. Да. Вылезл'а Снѣгурка. Пошли дѣвоцкѣ по ягоды и покрицили Снѣгуркѣ:

– Снѣгурка, пойдѣм по ягоды.

А батько да матка не отпушшѣли. Онѣ все ровнѣ еѣ увели. Увели тамока еѣ и заблудилися онѣ. Вот ходили да ходили, нашли онѣ избушкѣ. Избушкѣ на кѣрицѣй на голѣшке вѣртитцѣ.

– Избушкѣ, избушкѣ,
 К лесу задѣм,
 К нам передѣм,
 Встань цередѣм.

Зашли в эту избушкѣ. Тут старицѣк живѣт, коростеницѣк.

Л'адно, хорошо. Онѣ стали нацѣвать. Нацѣвают... Нацѣли тут в этой избушкѣ. Назавтрѣе встают. А те все дѣвоцкѣ спят, а эта Снѣгурка не спит. А видит: старицѣк коросты копаѣт да варит в цигунѣ – йим суп варит.

Л'адно, хорошо. Встѣли онѣ. [Он] гыт:

– Давай садитесь ис[т]ѣ.

Да. Сиѣли ис[т]ѣ. Вот все едят, а одна дѣвоцкѣ, эта Снѣгурка, не ес[т].

Л'адно, хорошо. Не поѣл'а Снѣгурка. Принѣс он, ѣтова, ступу и говорит:

– Скацитѣ. Хто за эту ступу перескоцит, тот домой пойдѣт. А кто не перескоцит – не пойдѣт.

Все перескоцили. Снѣгурка не могл'а перескоцитѣ. Да. Л'адно, хорошо. Не могл'а перескоцитѣ. Те уж... Тех о[т]пустиў, а еѣ заставиў кацѣть и окать:

– О-о-о, старицѣк-коростеницѣк!

⁷² «Оттоля – оттуда, из того места» [2, с. 185].

Вот она и сидит – это о́кал'а. О́кал'а-о́кал'а – усну́ю старице́к. Пошла́ на улице местí у́л'оцьку. Метёт у́л'оцьку. И вдруг бе́жит да ревет – бе́жит это бык.

– О цём, Сне́гурка, плаце́шь?

– А вот так и так. Оста́виу старице́к меня каце́ть. Да. А домой охота.

Он и гыт:

– Неси м[н]е по́йл'о ве́дра да неси ви́ник-ба́нник.

Вот она принёсла по́йл'о ве́дра да ви́ник-ба́нник. [Бык и] гыт:

– Затыкай мою жопу.

Он вы́пиу́ это ве́дро и поехали. А гыт:

– За тобой старик как погонитця, ты, – гыт, – мою жопу оттыкай.

Ну, л'адно, хорошо. Старик се́ в эту ступу и го́нитця за ёй, за Сне́гуркой. Уж близко стау подбе́гать к ёй. Она как взяла́, этот ви́ник-от отбро́сил'а. Он как дрисну́ – старика-то се́во задрисну́. Он уеха́ в ри́цьку умыва́тьця. Он поку́дь⁷³ йи́здиу́, он и привёз домой ко старику, туды́ ко старухе-то. Он как привёз, ак ёму́, этому быку, оне́ насыпали пше́ниці: сколько он хо́цет – столь и ешь. Всю и съе́! Вот и вся сказка у меня».

6. «Морозко»

«Вот жи́у бы́л'о старик да старуха. Старуха умёрл'а. Ну а старик поше́у же́нитця. Еги́башна на кол'одце пл'а́тьё кол'отит. Да.

– Далёко ли, Иван-цяре́виць поше́у?

– А так себе, погулеть.

– Не омман[ы]вай, ты поше́у, э́това, невесту искать. Вот моя до́щерь тебе невеста, а больше некако́й не бу́дет, – ёму́ сказа́л'а.

Вот ёму́ и пришл'о́сь эту Еги́башну взять за́муж и с робёнком, и с девкой.

Л'адно, хорошо. Живут-поживут. Еги́башне до́щерь надоел'а ши́тко:

– Давай, – гыт, – повези её морозить.

Взели, розбол'окли́ и во Святки увезли, под ё́рку посадили. Сказа́л'а:

– Увези да и под ё́рку схорони, посади её.

Вот она сидит под ё́л'оцькой босая и нага́я, и без пояса. И вдруг Морозко по ё́рке:

Морозко по ё́рке
Поска́кываёт,
Зелёным хвостом
Подвора́циваёт,
[Де́вице в л'об
Покол'а́цьваёт:]
– Де́виця, тёпл'о́ ли?
Красная, тёпл'о́ ли?
– Бог тёпл'о́
И Христос тёпл'о́,
Маленьки Божо́ноцьки
Подтя́пливают.

Он взяу́, ёй бро́сиу́ рубашку да и пл'а́тьё. Она накінул'а да опе́ть сидит. Вот опе́ть:

Морозко по ё́рке
Поска́кываёт,
Зелёным хвостом
Подвора́циваёт,
[Де́вице в л'об

⁷³ «Покуд – покудова – союз временной» [2, с. 208].

Покол'ацьваёт:]
– Дёвица, тёпл'о ли?
Красная, тёпл'о ли?
– Бог тёпл'о
И Христос тёпл'о,
Маленьки Божоноцьки
Подтяпливают.

Он взяў, ёй катаньки⁷⁴ бросиў да шаль. Она обол'окл'ась⁷⁵ и сидит уж вся одетая, и рукавицы – всё закатиў. Сидит. Опеть:

Морозко по ёўке
Поскакывает,
Зелёным хвостом
Подворацивает,
Дёвице в л'об
Покол'ацьваёт:
– Дёвица, тёпл'о ли?
Красная, тёпл'о ли?
– Бог тёпл'о
И Христос тёпл'о.
А маленьки Божоноцьки
Подтяпливают.

Он два яшшика закатиў, Света, синёй да и красной. Ой! Летит потоцька, летит потоцька:

– Синь бери, синь бери, синь бери!

Вот она синёй и взяла, на яшшик свой сёл'а и сидит. Вот Ягибашна посыл'ает:

– Поёжжай! Наверно, ведь замёрзла! Стану я на понахиду блины пекци да всё, – дома строит.

Вот он приехаў, у ёво сидит доцьер на яшшике, а в яшшике у её не знаю цёво нет – и всяких тут игрушек, каньфеток, л'опоти всякиё.

Л'адно, хорошо. Ой! Батько везёт! А тамо у йих вот был'а эта, собацька. Собацька л'ает и гов[о]рит:

– Звоноцьки стуцят да бреньцят, – гыт, – старик, – гыт, – гóс[т]ью везёт.

А старуха со сковородником бёжит да:

– Не так, падина⁷⁶, л'ай! Говори: старик везёт кóстоцьки, стуцят да бреньцят!

А опеть это, это же собака л'ает опеть:

– Старик... Звоноцьки стуцят да бреньцят – старик гóс[т]ью везёт.

Он привёз ко сто... к этому... Она эдак изнарежена, да и сундук. Открыли – там в сундуке-то цёво и нет.

Л'адно, хорошо. Назавтрё Егибашна и говорит:

– Повези и мою морозить!

Вот повёз он морозить её. А всё связал'а на её и пл'ат накутал'а на шею, всё завязал'а:

– Да там церёдом устрой и хвои нал'омай под её, посади.

Вот. Л'адно, хорошо. Привёзла.

Морозко по ёўке

⁷⁴ «Катанки – валенки» [2, с. 107].

⁷⁵ «Оболакиваться – одеваться» [13, с. 125].

⁷⁶ «Падина – падаль, бран.» [14, с. 117].

Поска́кываёт,
Зелёным хвостом
Подвора́чивает
[Де́вице в л'об
Покол'а́цываёт:]
– Де́вица, тёпл'о́ ли?
Красная, тёпл'о́ ли?

– Цёрт, тёпл'о́! Заморози́ю меня, доше́губець! – да, брани́тця.

Ну вот набрани́л'а ёво́. А Морозко – хл'оп! – ей л'опато́й снегом, эшшо́ штёбы ей хол'одне́е был'о!

Вот опеть:

– Морозко по ёўке
Поска́кываёт,
Зелёным хвостом
Подвора́чивает,
[Де́вице в л'об
Покол'а́цываёт:]
– Де́вица, тёпл'о́ ли?
Красная, тёпл'о́ ли?

– Цёрт, тёпл'о́! Гроб с тобой! Какое́ тёпл'о́? Всю изморози́ю!

А он раз – опеть ей снегом. Ну л'адно.

– Морозко по ёўке
Поска́кываёт,
Зелёным хвостом
Подвора́чивает,
[Де́вице в л'об
Покол'а́цываёт:]
– Де́вица, тёпл'о́ ли?
Красная, тёпл'о́ ли?

Она опеть ёво́ забрани́л'а. Он взяў два я́шшика ей сброси́ю. Сброси́ю два я́шшика. Пото́цька летит и гыт:

– Красная де́вица, синь бери, синь бери!

– Насери́ю тебе на рожу! Знаю сама, какой выбрать.

Л'адно. Вы́брал'а она красной. Вы́брал'а красной я́шшик и ста́л'а открыва́ть, сразу на[д]о вы́смотреть. Как она откры́л'а, отто́лэ огонь-от вы́скоци́ю, ак тут вот не то штё она, а всё и место-то сгорел'о от огня-то.

Вот старик при́ехаў – только ко́стоцьки одне́ лежа́т, она сгорел'а. Ну, л'адно хорошо. Спе́хаў в ме́шоцик ко́стоцьки и везёт домой.

А она-а-а блины пекот да жарит – там всёво́, штё скоро при́идёт у меня. Л'адно. Собака на у́лице и л'аёт:

– Тяп-ляп, старик ко́стоцьки везёт, в ме́шоцьке стуца́т да брени́ца́т.

Она:

– Па́дина, не так, гли, л'ай! Старик го́с[т]ью везёт – звоно́цьки стуца́т да брени́ца́т!

Да. Привёз одне́ ко́стоцьки. Ну, л'адно, хорошо. Штё ста́нэш дел'а́ть?! По́жили, он и ста́л'а она любить эту богода́нную до́щерь, а уж ту сожгли. Вот. А эшшо́ на́дэ, дак про Глебушка расскажу́ будечи. Глебушка-то сказа́вал'а, знаёшь? Ну и всё. Этой сказке ко́нечь».

Пример 1.

$\text{♩} = 144$

Мо - роз - ко по ёу - ке пос - ка - кы - ва - ёт,
 Зе - лё - ным хвос - том под - во - ра - ци - ва - ёт.
 Де - ви - ця, те - пл'о ли? Крас - на - я, те - пл'о ли?
 Бог, те - пл'о и Хрис - тос те - пл'о.
 Ма - лень - ки Бо - жо - ноц - ки под - тяп - ли - ва - ют.

Пример 2.

$\text{♩} = 144$

Мо - роз - ко по ёу - ке пос - ка - кы - ва - ёт,
 Зе - лё - ным хвос - том под - во - ра - ци - ва - ёт.
 Де - ви - ця, те - пл'о ли? Крас - на - я, те - пл'о ли?
 Бог, те - пл'о и Хрис - тос те - пл'о.
 Ма - лень - ки Бо - жо - ноц - ки под - тяп - ли - ва - ют.

Мо - роз - ко по ёу - ке пос - ка - кы - ва - ёт,
 Зе - лё - ным хвос - том под - во - ра - ци - ва - ёт.
 Де - ви - це в л'об по - ко - л'а - ц(и) ва - ёт.
 Де - ви - ця, т'е - пл'о ли? Крас на я, т'е - пл'о ли?
 Бог, т'еп - л'о и Хрис - тос т'еп - л'о.
 А ма - лень - ки Бо - жоноць - ки под - тяп - ли - ва - ют.

7. «Марья-цярёвна и братаец Иванушко»

«Дак я вот расскажу вам про горошка-то коўда.

Вот жиў-быў старик да старуха. Жили-пóжили, у йих парнецёк был'а да дэвоцька. Вот. Старик умёр и старуха умёрл'а. Оста́лися оне́, сколько был'о хли́бця – всё съ́или, нескóлько уж не ста́ло.

Ушли оне́ в онба́р и в онба́ре нашли оне́ горошинок. Принесли горошинок этот в избу, катали да катали по́ пол'у, да он под поў упаў у йих этот горо́шник. Упаў. Вот этот горошинок и стаў рості. Рос да рос, до́ пол'у дорос. На пол'у дírку прорубили. Рос да рос, до пол'атей дорос. На пол'атях дírку прорубили. Рос да рос, до потыл'о́ка дорос и тут дírку прорубили. Рос да рос, до крыши дорос, опёт'ь дírку прорубили. Да. Рос да рос, до́ нёба дорос, в нёбо врос. Вот л'а́дно.

Марья-цярёвна и пошл'а:

– Пойду, – гыт, – я, – гыт, – братаец, – говорит, – поишчу́ где-небу́дь хли́бця.

Вот она по этому горошку залезл'а на нёбо. Залезл'а она на́ нёбо, та́мока Еги́башна жил'а. Еги́башна взял'а да её сохвата́л'а. Сохвата́л'а. Она хотёл'а муцьки у её украс[т]ь, а она её взял'а да сохвата́л'а, да и в гоўбець⁷⁷ посадил'а.

Вот Иванушко-то ждаў да ждаў, ждаў да ждаў, да и сам по горошинку полез. Улез туды́ на нёбо-то, она и ёво сохвата́л'а да в гоўбець посадил'а. И ста́л'а йих откармливать, оне́ были шибко ху́ды.

Вот. А она уж, Марья-цярёвна, то́жо был'а она, э́тово, умна. Она и гыт:

– Ну-ко, – гыт, – отрежь мяска, – говорит, – попробую, каковó поотгы́илися?

А она взял'а да та́мока трупцея⁷⁸ отрезал'а, выкопал'а да ей и подал'а:

⁷⁷ «Голбец – подполье» [7, с. 162].

⁷⁸ Комментарии А. П. Дербиной: «Трупья. А тамока дэрево-то иструпёл'о. Дак дэрево-то этова, как вот эдак откопнул'а трупья-то она, да и подаёт. Как вот это он уголёк эдакой уж. Дэрево-то там вот как староё-то

– Ой, эшшо́ нельзя ис[т]ь!

А онé той порой всё дёрку из этой, из го́убця-то рыли. Да. Она опéть говорит, покормил'а-покормил'а:

– Ну-ко отрежь эшшо́, – гыт, – мяска-то. Поотъёл'ась ли?

Она опéть трупья́ отрезал'а да ей и подал'а:

– Ой, нельзя эшшо́ ис[т]ь!

Онé той порой взели да прорыли, да и пошли, и поубе́жали от её. Вот убе́жали. Шли да шли, вот как Иванушку захотел'ося пить. В уступке в коровьей води́ця. Он и гыт:

– Сестри́ця, изопью води́ци в этой ступке.

– Не пей, бра́тець, коровка бу́дешь.

Да. Л'адно, хорошо. Опéть побёжа́у.

Шли да шли, попал'а ступка опéть от л'ошади́. Гыт:

– Сестри́ця, пить хо́чу. Попью в этой ступке.

– Не пей, бра́тець, л'ошадка бу́дешь.

Опéть идут. Шли да шли. Попал'а ступка борáнняя. Он и говорит:

– Сестри́ця, я попью в этой ступке.

– Не пей, бра́тець, борáшик бу́дешь.

Он не спроси́у да и попи́у. Борáшком побёжа́у:

– Бя, сестри́ця, бя, родная! – заблея́у.

Вот. Л'адно, хорошо.

Шли да шли, дошли до деревеньки. А тут тожо бы́у Иван-цяре́вецъ. Он всё торгова́у, он её и уви́дяу. Он её... Гыт:

– Пойдём за меня замуж.

Онé тут приворо́тили. А он гыт... Она и гыт:

– Кабы ты борáшка у меня резать не ста́у, дак я бы к те[б]е пошл'а замуж.

Он гыт:

– Ну давай, согл'аси́мся, борáшка я не зарежу уж.

Вот. А это... За э́това Иванушка, у ёво́ баба умёрл'а́ (был'а́), а Еги́башне замуж хотел'ося идти за ёво́, отдать до́щерь Еги́башной самой. Л'адно хорошо. Вот э́това... Вот Иванушка ту́то согл'аси́уся.

Вот онé и живут-поживу́т. Он и гыт:

– Поеду я, – гыт, – э́това, Марья, – гыт, – торговать. Ты, – гыт, – нековó, – гыт, – не пуца́й, – гыт, – сюда, – гыт, – э́това, штёбы некто́ не шёу.

Он только уеха́у, вдруг Еги́башна и идёт на улицу. Идёт да и гыт:

– Марья-цяре́вна, иди к нам в гости, – гыт, – мои-ти до́щери шьют, да бёру́т, да про́швы⁷⁹ вяжут, – говорит.

Она гыт:

– Не-е-ет, не пойду, – гыт. – Иванушко забрани́тця, не велёу, – гыт, – ходить.

Ушл'а́. Ну, л'адно, хорошо. Опéть э́това, Иванушко приеха́у. Нацёва́ли. Он опéть гыт:

– Я, – гыт, – поеду, Марья-цяре́вна, – гыт, – торговать. А ты, – гыт, – нековó не пуца́й, [с]мотри, к нам, – гыт.

Л'адно, хорошо. Вдруг эта Еги́башна опéть идёт на крыльце́:

– Марья-цяре́вна, пойдём на беседки. Мои-ти до́щери шьют, да бёру́т, да про́швы вяжут.

Она и говорит, гыт:

– Нет, не по[й]ду!

А Иван-от поеха́у да как-то пл'атóк потеря́у. Она пл'атóк-от взял'а да:

– Иванушко-то-цяре́виць вот мне и пл'атóк дау, – говорит. – Велёу идти.

лэ́жит, дак оно уж и золи́ёт. Дак вот оно как откопнёшь, дак как уголёк оно. Дак она трупья́-то откопну́л'а э́това да и подал'а кусок-от ёй. Она и говорит, гыт: “Эшшо́ нельзя исть-то, оне, – гыт, – худы́ё”. Вот».

⁷⁹ «Про́шва – кружево» [16, с. 102].

Вот. Л'адно, хорошо. Собрал'ась да и пошл'а туды. Ушл'а туды.

Вот. Л'адно, хорошо. Пришл'а туды. Оне её взели да в боцьку заколотили, да и на морё опустили. А на её накинули, на Егибашну-ту, пл'атьё, дак и топором её обтёсали (она шибко тоўста был'а).

Вот. Она туды пришл'а, Иванушко приехаў. Стали спать лёжитьця. Она, как он её заденёт, она стонёт. Он и гыт:

– Ты штё, – гыт, – Марья Ивановна, ётова, царевна, – гыт, – зацем так ётова, – гыт, – стонёшь?

Ну, она и гыт:

– Я штё-то болею.

Л'адно хорошо. Потом он второй раз обнимаёт. У её слёзы повалились. Да гыт:

– Штё ты, Марья-царевна?! У ты слёзы как паўка валились, а раньше у тебя слёзы как серебро валились?

Она опеть это жо она сказал'а, штё:

– Штё-то тамока я болею, дак то у меня и слёзы экиё валятця.

Л'адно хорошо. Вдруг Егибашна гыт:

– На[д]о борашка резать.

– А штё ты, Марья-царевна, говорел'а, штё бу[д]эм борашка дёржать, поцёму бу[д]эшшь, ётова, резать?

Борашик уцюў, штё резать ёво хоцют. Он и гыт, гыт:

– О[т]пусти меня, – гыт, – царь, – гыт, – это на берёжок, – гыт, – погулять – говорит.

Да. Он и о[т]пустиў ёво. Он идёт на берёжок да:

– Бя-я, сестриця, бя-я, родная.

Ножик тоцят, рушать хоцют.

Два котл'а воды гриют.

Она и гыт, гыт:

– Штё мне, братец, штё мне дел'ать?

Синець–камень в морё тёнёт.

Дьве змеи–матки мои титьки ссут.

Вот он поревеў и домой пришёў опеть. Назавтрёе опеть ешшо собираютця резать. Он опеть пошёў на берёжок.

– Бя-я, сестриця, бя-я, родная.

Ножик тоцят, рушать хоцют...

– Штё мне, братец, штё мне дел'ать?

Дьве змеи–матки мои титьки ссут.

Да. Синець–камень в морё тёнёт.

Л'адно хорошо. Пришёў домой. Опеть назавтрё, на третей день, уж собираютця:

– Севодни давай зарежь, не отпушшай некуда ёво.

Он опеть запросиўся:

– О[т]пусти мне-ка, братец, я погулею на берёжке, – гыт, – эшшо, ну это, царь.

Вот он о[т]пустиў да и сам за йим и пошёў. За йим пошёў, он и цюёт – он ревет на берёжку-ту:

– Бя-я, сестриця, бя-я, родная.

Ножик тоцят, кушать хоцют.

– Штё мне, братец, дел'ать? Штё мне дел'ать?

Синець–камень в морё тёнёт.

Дьве змеи–матки мои титьки ссут.

Он сразу, ётова, царь-от, боцьку-ту и достаў. Достаў, её выняў оттоля. (Ведь это в книге я ведь высмо...) Вот вышёў оттоля. Сразу оне тут на берёжку остановились, поцёл'овались, обнелись и пошли. И борашик сразу дел'аўся Иваном-царевичём.

Оборотіўся сразу, как онé жёнiтця стали, опётъ снова он повёў – всё у йих и пол'уцил'ося хорошо. И стали опётъ жить-поживать да добро наживать. Вот».

Пример 1.

- Бя, сес - три - ця, бя, род - на - я,
Но - жик то - ця, ру - шать хо - щот,
- Штё мне, бра - тець, штё мне де - л'ать?

8.1. «Парнецьк-голубоцьк»

«Вот жили-были старик да старуха. А мужик-от тожо хорошой быў, ётова. Вот. У ёво баба умёрл'а, остал'ася девоцька да и парнецьк. Парнецьк да девоцька. Оцень онé были хорошиё. Вот поехаў Иван-цяревиць жёнiтця – искать бабу. Егибашна на кол'одце пл'атё тожо кол'отит. <...> Да. Вот ётова...

– Далёко ли, Иван-цяревиць поехаў?

– А так себе погулеть.

– Не омманывай, ты поехаў невесту выбирать. Вот тебе невеста, вот тебе и хорошая. А то не возмёшь моиё доцери – гол'ова тебе с плечь.

Л'адно. Пришл'ось ёму брать эту Егибашную. Вот взяў Егибашную.

Вот Егибашна пожил'а-пожил'а, парнецька не залюбил'а. Взял'а, парнецька ётова испёкл'а, съёл'а и под порог костоцьки свалил'а. А сестриця собирав'а да на полидёнку уносил'а. На полидёнку носил'а сестриця эте костоцьки, прилетеў голубоцьк да и сеў парить.

Да. Сеў парить, туто выпариў голубоцька другова. Голубоцьк улетеў... Али: голубоцьк улетеў да на стоўбовой... на это... на вёрстовой⁸⁰ стоўб и сеў. Да. Вот ётова, сеў на вёрстовой стоўб. А там йидёт мужик с красным товаром. Едут с красным товаром. Онé и говорят:

– Спой, голубоцьк, писёнку.

Он и запёў:

– Я жиў у маменьки,
Жиў у тятеньки.
Маменька, тятенька...
Маменька умёрл'а,
Тятенька взяў мацёху.
Меня мацёха испёкл'а да съёл'а,
И под порог костоцьки свалил'а.
А сестриця на гол'убёнку⁸¹ носил'а.

⁸⁰ «Верста – путевая мера» [3, с. 181].

⁸¹ «Голубятня – небольшое, отдельное, повышенное строение, настрой, вышка или место на чердаке, где держат и разводят голубей», а также «Голубняк – верхосушник, на который голуби лесные охотно садятся» [3, с. 371].

А прилетёу гол'убо́чик да сеу́,
Да меня и выпариу́.

Да. Ёму́ оне́ посули́ли я́шши́к красна́ва товару и о́тдали. Вот он привол'о́к этот я́шши́к на потыл'о́к⁸². Привол'о́к... (Он пи́сьню пеу́, а ведь мне не спи́ть, Олексий, уж наплёваю я, тамо́ка коу́ды он пеу́-то йим пи́сьню-то эту).

Да, ла́дно. Завол'о́к на потыл'о́к. Она ра-а-ано неродную-ту до́щерь тамо́ка (у её и своя был'а до́щерь) розбудил'а:

– Иди, мети мос[т]!

А там она метёт мост-от, а гол'убо́к-от вол'око́т к дирё-то я́шши́к-от дак и пошара́шитця⁸³. Она и говорит:

– Кто там ба[г]осл'овёся шара́шитця?

А он опеть подвол'око́т. Он подвол'о́к, я́шши́к-от бросиу́. Там уцю́ли, из избы-то вы́скоцили, окрыли я́шши́к-от – це-е-ел'ой я́шши́к красна́ва товару! Це́л'ой-це́л'онёхонёк!

Вот. Ла́дно, хорошо. Э́това, наза́втреё Еги́башна посыла́эт свою до́щерь мести. Уку́тал'а, ума́зал'а, ште́бы не замёрзл'а. Да уж поздно и посл'ал'а.

Он опеть улетёу да на ве́рстовой стоу́б сеу́. Усеу́ на ве́рстовой стоу́б... (На́дэ бы раньше расска́затъ).

Да. Вдруг опеть товар, йидёт народ – это везу́т жёрнов. Не на одной л'ошадé жёрнов та́шшат. Оне́ и го[в]оря́т:

– Спой нам, гол'убо́чик, пи́сьнку.

А он и запеу́ опеть это-то, ште́:

– Быу́ у тятеньки
Да быу́ у маменьки,
Родная маменька умёрл'а.
Да меня...
Яги́башну тятя взяу́...
Да та́мо у м[е]ня́ ко́стоцьки...
Съел'а, огл'одал'а
И ко́стоцьки под порог свалил'а.
А сестри́ця родна́я
На гол'убёнку ко́стоцьки свол'оци́л'а. Да.
Прилетёу гол'убо́чик
Да выпариу́, – гыт, – меня.
Дак вот, – гыт, – я прилетёу
Да на стоу́б и сеу́.

Оне́ ёму́ жёрнов о́тдали. О́тдали жёрнов, он и прита́шшиу́ домой, на потыл'о́к, это, на по́двол'оку⁸⁴ заката́иу́ этот жёрнов.

Да. Она посл'ал'а мети́ть-то. Это как он пошара́шитця, э́та Еги́башна-то и забранит:

– Ка́кой це́рт там те[б]я́ занёс? Ка́кой та́мо вол'о́цит тамо́ка? Кто там шара́шитця?

Он опеть это помоу́цит, он опеть там зашара́шитце́ – жёрнов-от катит. Она как подьё́хал'а под ди́ру-то, он как дас[т] этот жёрнов-от – дак только одна грезь оста́л'ася. Вот. И потом и стал'а она эту до́щерь любить, неродную-ту. Не сказа́ть, как был'о раньше-то всё».

⁸² «Потыл'о́к – чердак над жилой частью избы» [8, с. 16].

⁸³ «Шарашить – ударить сильно чем-либо громоздким, с грохотом» [6, с. 622].

⁸⁴ «Подо́лока – потолок, чердак» [2, с. 204].

Музыкальный пример 1. Темп: ♩ = 90. Ключ: 4 бемоль (F, C, G, D). Метр: 3/4. Текст песни:

Быў у тятеньки, быў у маменьки,
 Родная маменька умёрла.
 Меня оставила. Ишшо тятенька
 Взяў Егібашну.

8.2. «Парнецёк-голубоцик»

«Вот жиў-быў Иван-цярэвец. У ёво жэна умёрла. Умёрла жэна. Он поехаў жэнітьця. Егібабашна на кол'оде пл'атьё кол'отит:

– Далёко ли, Иван-цярэвец поехаў?

– А так себе, прогулетьця.

– Не омманывай, ты поехаў жэнітьця. Тебе вот моя невеста, а больше некакой не будёт.

Вот. Л'адно, хорошо. Пришл'ось Иванушку Егібабашную доцьеръ взять. Взяў Иванушко Егібабашную доцьку. Доцька шибко сынка не любил'а. У йих быў парнецёк да девоцька. Ну а девоцьку нецёво – уважал'а. Взяла она ётова парнецька (он ушэў, куды-то уехаў робить⁸⁵), она взяла да ёво зарезал'а, да и съел'а, и под порог кости свалил'а. А сестриця собирал'а да на голубёнку носил'а всё костоцьки эте.

Вот. Л'адно, хорошо. Сносил'а на голубёнку, прилетёў голубоцик да и стаў парить. И выпариў эшшо голубоцька. Выпариў голубоцька, а сам полетёў дальше эшшо про это... лётаёт уж... А голубоцик там лётаёт, тот Иванушка, тожо. Улетёў да на стоўбовой стоўб и сеў. (Эту вот [сказку] мама сказывал'а мне-ка).

Вот. Сеў. Вдруг едут с красным товаром. Ётова, увидели:

– Голубоцик, спой нам писёнку.

Он гыт:

– Я быў у тятеньки,

Быў у маменьки.

А Егібабашна...

Тятенька...

Маменька умёрла.

Егібабашна, – говорит, – меня, – гыт, – убил'а, съел'а.

На полидёнку, – гыт, –

На голубёнку костоцьки сносил'а.

А сеў голубоцик

Да меня, – гыт, – и выпариў.

Это уж тот, навёрно, голубок-от.

Вот. Л'адно, хорошо. Оне [говорят]:

– Мы тебе краснова товару яшшик дадим.

⁸⁵ «Робить» – работать.

Л'адно, хорошо. Дали. Он прилетёу. На потыл'ок этот яшшик завол'ок этот парнецёк (он уж в гол'убоцика сдёл'ан, парнецёк уж). Л'адно, завол'ок, ётова.

А она, Егибашна, ра-а-ано розбудил'а [девоцьку]. У её и своя доцьерь был'а. Розбудил'а ранёхонько. Ушл'а девоцька-то и метёт. Он вдруг там пошарашиўся на подвол'оке-то. Она и гыт:

– Кто там крешщёной, – гыт, – шарашитця?

Да. Он... Опёт, ётово, моўцит, метёт. Он опёт пошарашиўся. Она как над диру-ту надмёл'а (там дира был'а), он яшшик-от и бросиў, сундук ёй товару краснова. Бросиў, там уцюли, выбёжали, раскрыли. О-ой, в сундуке-то – всёво-то-всёво! Тут и пл'атья, тут и парка⁸⁶, тут и всякие игрушки, это все и корольки⁸⁷, и бабушки⁸⁸ – все тутока!

Ой, Егибашна и забересил'ась⁸⁹ – надэ и ённую доцьерь штёбы это посл'ать, ётова, мести йих назавтрё.

Да. Л'адно, хорошо. А эту посыл'ал'а нагую пошти⁹⁰ – только в одной рубашке мести. Свою укутал'а-укутал'а! На мос[т] о[т]пустил'а. Вот. Та метёт и говорит-то эта... Тамока он зашарашиўся...

(А правда, ётово... Эшшо стой...) Он улетёу, на стоўб сеў тамока опёт. А едут с жёрновом–камнём. Едут и говорят:

– Спой нам, гол'убоцик, писёнку.

Вот он и запёу:

– Быў у тятеньки,
Быў у маменьки.
Тятенька жёнився,
Взяў Егибашную, – говорит.
А Егибашна меня, – гыт, –
Испёкл'а да съёл'а,
Под порог кости свалил'а.
Сёстриця на гол'убёнку сносил'а.
А мне, – гыт, – взяў,
Прилетёу гол'убоцик
Да меня и выпариў.

– Мы тебе жёрнов–камень дадим.

Он этот камень взяў, увол'ок на потыл'ок, опёт на подвол'оку. Увол'ок на подвол'оку.

Она вот свою [доць] назавтрё посыл'ает утром рано – укутал'а-укутал'а:

– Иди давай, мети, и тебе ёкка бросит сундук этот, хто тамока ес[т]ь.

Вот она метёт. Он зашарашиўся:

– Какой гроб там залез? Кто там шарашитця?

Да. Вот ёво и бранит всяким сл'овам нехорошим. Она над диру-ту как надмёл'а, подошл'а, а он как этот жёрнов бросиў и сразу её всю роздавиў, как лепёшку. Вот. Как лепёшку роздавиў эту Егибашную доцьерь. Роздавиў. Егибашна прибёжал'а, думал'а сундук, а ие и доцьери нет – под этим под жёрновом лёжит. Да. Потом поревёл'а-поревёл'а, и стал'а эту доцьку любить, у её нековó не осталося. И стали жить да поживать. Это коротенькая сказоцька-та».

9. «Как Егибашна молодых догоняла» (фрагмент)

«[...] Эшшо тамо тожо всё это сл'ужбы какиё-то сл'ужиў. А потом, ётова, сл'ужбы-ти он, ётова, отсл'ужиў. А потом, ётова, онé уж йих стали жёнить. А Егибашна-та и

⁸⁶ «Парочка – женский костюм, состоящий из юбки и кофты, сшитых из одинаковой материи» [2, с. 193].

⁸⁷ «Корольки – бисер, бусы из бисера» [11, с. 108].

⁸⁸ «Бабушка – детская игрушка» [2, с. 9].

⁸⁹ «Забересил'ась» – забеспокоилась.

⁹⁰ «Пошти» – почти.

хотел'а то́жо съис[т]ь йих. Да. Хотел'а она съис[т]ь. <...> Але онé знали, эта девка-то знал'а, он жéниўсё тут на ёй. <...> Йих укл'али спать где-то в такое́ место, а онé взели да тел'ушку забили в петлю, да тут и оставили, штéбы тел'ушка не задавлял'ася, да и вздумали ехать.

Да́к вот Еги́башна-та и посл'ал'а. Онé говорят (это посыла́ли резать йих):

– А всё, – говорят, – эшшо́ шибко крепко спят. Давай, – говорят, – похуже заспят, да́к тожно́ мы йих нарежём.

Онé как... Она... А тел'ушка-та там всё храпéл'а. А онé уж далéко уехали. Да. А она был'а, эта дево́цька-та, знáтная. (Нацял'о я забыл'а).

Потом онé едут-попоедут. А она за йим погонюшку посл'ал'а, штé:

– Йидтэ, сл'уги, догонейтэ йих.

Вот онé стали догонéть-то, она и гыт:

– Вылезь-ко, – гыт, – Иванушко, – гыт, – нет ли за нам погонюшки?

Он вылез, гыт:

– На пята́х, – гыт, – стоит.

Да. Она оборотил'ася цёрквой и попа сде́л'ал'а. Поп всё чита́эт:

– Господи, помил'уй! Господи, помил'уй!

Заскоцили эти сл'уги и говорят, говорят... Она – всё поп-от там чита́эт:

– Господи, помил'уй!

Онé гыт:

– Э́тта не видали проезжих?

Поп всё поёт:

– Господи, помил'уй! Господи, помил'уй!

Онé осердился́ и оборотились. Приехали, Еги́башной сказали:

– Да, – говорят, – не могли мы, – говорят, – только вот э́това попа видели.

– Э́то она, – гыт, – самая и ес[т]ь.

Л'а́дно, хорошо. Опéть поехали онé. Ехали-ехали.

– Зализь-ко, Иванушко: нет ли погонюшки за нам? – она и гыт.

– Ой, – гыт Иванушко, – на пята́х стоит.

Да. И со... Ну, Иванушко:

– Ця́рэвна, – гыт, – на пята́х стоит.

Она сде́л'ал'ась л'ужо́к и на л'ужкэ́ ходит бо́раши́к. Онé доехали, бо́ра́на спрашивают:

– Не проёжжали́ э́тта проёжжиё?

А бо́ран только:

– Бя-я! Бя-я! Бя-я!

Онé воротились, опéть сказали ёй, Еги́башне-то. Она гыт:

– Да ведь э́то она самая и ес[т]ь.

Сама по́ехал'а во ступе́. Йидёт. А Иванушка [Марья-ця́рэвна] опéть посл'ал'а на берёзку. Иван залез на берёзку:

– Ой, – гыт, – Марья-ця́рэвна, на пята́х стои́т!

(Вот то́кот сл'ово-то вздумал'а, как он приговáриваю́).

Да. Она сде́л'ал'ась ре́кой, Иванушка – берёжко́м... Э́това, коня – ре́кой, Иванушка – берёжкáм, сама – шшúконькой. А Еги́башна прибе́жал'а:

– Вот, – гыт, – вот она ес[т]ь. Це́цяс поймаю́.

А она и приговáрива́эт:

– Шшúконька востра́,
Сохвати́ меня́ с хвоста́.
С хвоста-то кол'ова́то,⁹¹
С гол'овы́ костова́то.

⁹¹ «Колотовáто – трудно, тяжело» [11, с. 90].

Да. А Егѣбабашна скакал'а-скакал'а, вылѣзл'а, на берѣгу лёжал'а-лёжал'а, да опѣть, ётова, скакать. Да хватал'а, да хватал'а, да не могл'а и сохватать. Да и доѣхали до дому. (Это вот эту сказку всю знал'а. Она шибко доўгая. Дак вот как нацял'о да и всё – дак забыл'а)».

10. «Как парнецѣк родителей искал» (фрагмент)

«Это, розорили это... А был'о – робѣнок на пеце остал'ося да старик. Ой, у йих... Батька и матку у йих увезли, ёте приехали богатыѣ котѣрыѣ (вот называть-то и забыл'а и как йих).

Вот л'адно, хорошо. Увезли всех. А парнецѣк-от подрос, и дедко-то ёму и россказаў:

– Вот так и так. Быў у те[б]я батько да и matka. Дак вот тамока приѣжжаў, вот те приѣжжали, дак вот ётта всё у нас розорили да увѣзли всё.

Он и поѣхаў тожо дак искать matку да батька.

Дак он ёхаў, шѣў-шѣў, дошѣў до Егѣ-то – Егѣ-та. Эшшо до Егѣ-то не дошѣў, дак у её – костей-то всё розвалѣно, кости-ти тутока цѣл'овицѣские-то. Он и думает, штѣ штѣ-то нел'адно. Он пришѣў тутока, к ёй зашѣў, сидит Егѣ тутока, гл'ожѣт кос[т]ь. Да.

А говорит:

– Далѣко ли катаѣсса?

А он и гыт:

– Вот, – гыт, – катаюся, – гыт, – вот там розорили наше, приѣжжали... (Ну, как-то называѣтца тут...) Нашу юрту всё розорили, – го[в]орит.

Он и гыт:

– Нацѣвать, – гыт, – пустишь?

Она гыт:

– Пушшу. Нацѣвай.

А он, нацѣвать-то стаў он, а она ёво хотѣл'а зарезать. С ножом пришл'а к ёму. Он увидяў, гыт:

– Ты штѣ? – гыт.

Схватиў её за нож-от. Она и гыт... Она гыт:

– Ой, я, – гыт, – забыл'ася, – сказал'а.

Ну, а потом и говорит:

– Я тебя вот и с кипятком окипецѣю, дак ты будѣшь... пойдѣшь, дак тебя нехто не убьѣт.

Ну, он согл'асиўся. У её два котл'а кипит на улице воды. А он и говорит:

– А я, – гыт, – боюся...

– Вот за ётот, – гыт, – котѣў, – гыт, – скоци, – гыт, – а потом в хол'одной... один кипит, а в другой... а потом в хол'одной – выскакывай, – [Егѣ] говорит.

Он гыт:

– Я боюся. Давай верѣвку привяжѣм, – гыт, – ко мне, – гыт, – тебя, – гыт. – Дак ты, – гыт, – ёто миня, будѣца, я, – гыт, – как вскоцѣю, дак не могу выскоцить, дак ты миня вытянѣшь.

Она на ёто согл'асил'ася. Он взяў да вскоциў, её да в ётот... Тот котѣў-от кипецѣной-от перескоциў, а в ётот тут заскоциў, да её в ётот в котѣў-от и утопиў, и уходиў тутока, в котле-то. <...> Вот потом он, ёто утопиў её тутока в котле-то, потом сам и пошѣў.

Приходит до реки, у реки тутока л'одка ёенная ли, буса⁹² ли. Он залез в ёто и поѣхаў... (Дак вот я цяс не могу и досказать). Он потом, ётова, увидяў... (Потка-та большая как называѣтца? Вѣдь уж у меня нет и памѣти-то. Орѣў – эдак, орѣў дак). А бьѣт и орѣў ёту, гўся... Не гўся – лебѣдя. Лебѣдя. А у ёво быў, ёто, л'ук сдѣл'ан-то, он пошѣў уж

⁹² «Буса – выдолбленная из бревна узкая лодка с плоским дном» [2, с. 27].

как воёвать, батька да матку выруцётъ. Да. Он увидяёт да взяёт, да этова, этова, и убиёт орла-то. Убиёт орла-то. Ну она, этово, ёму и сказал'а, гыт:

– Штё тебе надэ, – гыт, – где будёт те[б]ё тяжел'о, только меня, – гыт, – призывай, я всё те[б]ё помогу...

(Дақ вот, дитятко, мне не рассказать, я всё бы знал'а, а сцяс всё забыл'а. Я сцяс старая стал'а, не стал'а запоминать).

Батьку да и матку выруциёт. Онё были у йих посажённы, вот как это батько да и матка в плёну как были, в плёну. Дақ вот она ёму всё и помогал'а. Где-ка ёму был'о трудно, дақ она всё помогал'а... (Дақ я знал'а йих, да ноне не стал'а йих запоминать...).

11. «О кузнеце и золотых дел мастёре»

«Вот был'о: вот шли два мужика, на протуаре⁹³ встритились. Один кузнёц быёт, а другой золотых деёт мастёр быёт. И един одному не отворачивает. Тот гыт:

– У меня цин бол[ь]ше.

А другой-от гыт:

– У меня цин бол[ь]ше.

Да. Вот и... Ну как?!

– Пойдём ко царю – вот у которова цин бол[ь]ше?!

Ко царю пришли. Царь гыт:

– А как я вам могу определить? – гыт. – Вот штё, – гыт, – сдел'аете м[н]е, – гыт, – буде, принесите, дақ я тожно, – гыт, – вас и определю, – говорит.

Л'адно, хорошо. Онё ушли. Там йим даёт сроку мйсець. Онё: один дел'ает золотую утоцьку, а этот всё куёт орла. Всё куёт, там оцяпки да всё такоё – орла-потку он выковыивает. Да. И потка эта будёт летать у ёво, вот экому к самолёту-то вот это присказывают поди-ко.

Л'адно. Пришли ко царю. Вот царь вымаёт это, вот эту золотую утоцьку:

– Это хорошо. Вот тебе за это петьсот рублей дам. Ну-ко ты, – гыт, – штё?

Тот из мешка-то высыивает.

– Ты штё, – гыт, – это жёлеза-то м[н]е принёс?

– Нет-нет. Я, – гыт, – сдел'аю из зёлеза-то.

Он и сдел'аёт орла – и на цепь, и на цяпоцьку. Л'адно, хорошо. Этова... И взяёт у ёво, сдел'аёт, а цяпоцькой-то дёржит, он и лётаёт этот орёёт-от у ёво. Присадиёт. Вот он определиёт, штё это ценнёе:

– Коуда пойдитё, на протуаре встрититёся, то один... Ты отворачивай! – это золотых [деёт] мастёр, ёму. – А этова л'арь поставим к окошку.

А у ёво быёт парнецёк Олексий. Он... Батько-то ушё на роботу-ту, он вскоциёт на этова, где-то на оцяпок, да орёёт-от свиётся, да и улётёт с парнецёком. Уёхаёт. Он виётся да виётся, где-то он в другой город улётёт с йим. Там улётёт он в другой город, он виётся да виётся, по-за городу где-то слез. Этова орла он закопает. Пришёёт искать роботу. Спросили. Онё и говорят, говорят:

– А царь, – говорят, – ишшёт конюха, дақ вот ты, – говорят, – это тамо запишися, дақ, – говорят, – встань, дақ вот он придёт выбирать.

Он записаётся. А он ёму пондравивётся, он и взяёт ёво в конюхи. Он и стаёт у ёво, это, конёй кормить.

Да. А у царя был'а доцьер, на баухоне тамо кормил'асе (и батько не ходиёт туда, и матка не ходил'а, а только быёт слуга, ходиёт). А он и задумаёт: «Штё-за доцьер?! Давай-ко я ноцьей-то слётаю туды к ёй, высмотрю».

Он ушёёт, орла-то вырыёт да ноцьей-то туды к ёй залётёт. Залётёт он к ёй, постояёт и на её платок бросиёт, и уёхаёт, и улётёт. Она и думаёт, утром встал'а и думаёт, думаёт: «Это штё жо? Кто мне платок бросиёт? Кто мне платок бросиёт?».

⁹³ «Протуаре» – тротуаре.

А он её вы́смотреу, ёму не те́рпитця. Он и на вторую ночь полетеу. На вторую-ту ночь улетеу, тамока опеть ей, этова, колецько на руку накинуй. Она проснул'ася, потом: «Это хто жо? Хто-то быу. Уж я не буду спать. Хто-то это ко мне уж лётаэт ли как ли, как попадаэт там на баўхон, как-то он залётаэт?»

Вот л'адно, хорошо. Он и на третью ночь вздумау лётить туда. Он и на третью-ту ночь залетеу и думаэт умом: «А штё де будёт: а буди смерть – и смерть, а всё равно поцёл'ую». Он девку как поцёл'овау, она уж ёво сразу в объятых схватил'а. Ну. Вот онё тутока уж и согл'асилися лётать ёму. Л'адно, хорошо. Согл'асилися лётать-то, а у её уж, она... В то вре́ме-то много ушл'о, у её уж берёмённая она стал'а. А приходитця уж этому, которой кормиу, поиу её, приходитця сказывать. Он всё равно сказау, штё:

– Так и так, дочерь у вас в пол'ожении. Я не знаю, как она у вас пол'уцил'ося.

Вот цярь и говорит:

– Надэ на баўхон, – гыт, – адьскую машину поставить. Хто лётаёт по баўхону?

Вот он, этова, прилетеу опеть к ей, она ёму и сказал'а. Говорит, гыт:

– Ох, л'адятця, – гыт, – на баўхон, – гыт, – машину поставить, ты, – гыт, – не лётай, – гыт, – ко мне, – говорит, – бол[ь]ше.

Да. Л'адно, хорошо. А он никак не мог утерпеть, всё равно к ей залетеу. Залетеу всё равно, он не задеу машины этые адьские.

Л'адно, хорошо. Она ёму зол'ота дал'а, говорит:

– Если в сл'уцье, дак это вот, – ей и гыт, зол'оту котомку дал'а ёму.

Он полетеу, да ёво-то не задел'о, а пол'у от пальта отсадил'о. Отсадил'о пол'у-то, а он и не заметиу. Пришеу домой-ту да, видно, с испугу-ту на койку-ту лёг (он один спау), да пальто-то и повисиу над собой, тутока в гол'овы повисиу.

А уж цярь роте своей сказау, штё:

– Выишшитё всю роту – хто лётаэт, этова найдитё. Пальто-то, пол'а-та, тамока с этой пол'ой-то – у ково оторвал'о пол'у.

Онё там выискали всё:

– Негде не могли найти, – говорят. – Мы, – говорят, – всё прошли, – говорят, – всю там и роту, уж какие войско, всё прошли, – говорят, – негде нет.

– А, – гыт, – на конюшню, это у конюха, – гыт, – были?

Говорят:

– Не были у конюха.

Видно, уж он тожо замецяу ли, штё ли этова конюха, сторож хорошой быу. Онё пришли и пальто виситця, применили – вот как это, вот этово дел'о быть?!

Л'адно, хорошо. Забрали ёво, в тюрьму посадили. Посадили ёво сразу в тюрьму, а у ёво деньги-ти были, он тамока взяу да [тому], которой сторож-от, эте деньги-ти и отдау, гыт:

– Толькё ме[н]я отпусти ненадоуго, – гыт, – там на сколько времени, – гыт, – туда, – гыт, – я, – гыт, – приду к тебе.

Он отпустиу ёво. Он ушеу, этова, орл'а-то тамока этова устроиу – выкопау опеть, да как штёбы потом залетить он, этова.

Вот л'адно, хорошо. Назавтреё ёво уж, этова, пил'овать, уж убивать ёво будут.

Да. Л'адно, хорошо. Этова, правда, орл'а-то он принёс туды, будут ёво казнить, дак он тут орл'а закопау. (Понял'а цясо как, вздумал'а, уж забыл'а). Тут орл'а закопау на то место, где ёво будут бить.

Л'адно. Назавтрё уж ёво будут – из тюрьмы поведут. А она запросил'ася, штё:

– Дай, отец, м[н]е надэ проститьця с йим, – просит.

Он, батько, разрешиу ей проститьця с йим.

Как он, только это она... А все собралися ак тутока, уж все смотреть, как будут, этова, у ёво тудо бить. Она как подходит прошшатця, а он как на оцяпок ступиу, дак толькё земелька на йих попосыпал'ася – онё улетели.

Вот улетели. Онё летели-летели, ей надэ рожать. Она и говорит, штё гыт:

– Мне надэ рожать, – гыт. – Давай, – гыт, – садіся где-небудь.

Вот оне сіли где-то по-за деревеньке. Да. Она тут робёнка... Ушэў он в деревню, нашэў старушку, вот эдак, как меня, нашэў старушку, привёў её. Тутока она родил'а мальчика, Олексіём тожо назвали.

Да. А она этой старушке дали, она зол'ота дал'а ей. А... Да вышил'а рубашку шёўковую ёму, адрес на рубашке, всёво сдёл'ал'а, тут ей и оставил'и, этой старушке. Штё коўда он выростёт, дак ты тожно йим, эту рубашку ёму отдай.

Вот она, старушка, ёво выростил'а. А он «мамой» всё её и зваў. Она уж коўда выростил'а, ёво выуцил'а, она потом и сказал'а, гыт:

– Я тебе не мама, – гыт. – А вот тебе, – гыт, – мама, – гыт, – где-ка.

Рубашку-ту ёму она отдал'а. (Уснитё со мной, сказкой). Отдал'а она рубашку ёму, он и полетёў в тот город. Улетёў в тот город и зашэў в ту церькву, где-ка батько у ёво тутока.

Да. Батько... Этова... Зашэў он в эту церькву и как роботу стаў искать. А роботу он нашэў тожо у помешника, нашэў роботу тутока, этова, помолиўся там Богу. Он знаў где батько. Помолиўся Богу. А этот, стой, этот... Да. Этот, которой приехаў, батько-то тот, дак там у батька-то, встритиўся батьку-ту, там и стаў жить у батька, которой прилетёў-ту.

А этот-то прилетёў да сам и осредився⁹⁴ где-то у помешника торговать. Вот тут и торгует. А тамока был'а, этова, у помешника-то девоцька. А она, этова, сдёл'ал'а... ёво увидял'а (а он шибко хорошенькой этот). Пришл'а, набрал'а товару в л'авке у ёво. Набрал'а товару и говорит:

– У м[ен]я денёг нет, не росчитат'яца, – это капитанова (<батько-то у её города нацяльник >) она доцьер-та.

Она гыт:

– Пойдём, – гыт, – я те[б]ё расчитаю.

Она увёзл'а ёво куды-то далёко да и говорит, гыт:

– Говори, штё любишь. А не любишь, дак этово, я тебя заколю.

Он и гыт... Не смеёт сказать, думаэт: «Любить – нел'адно, люблю ей не сказать».

Сказаў, гыт:

– Не. Люблю, – говорит.

Ну, она и сказал'а штё:

– Я к тебе буду ходить.

Она сдёл'ал'а подземной подхóд. (Капитан, капитан города [батько-то у неё]). Да. Сдёл'ал'а ход и стал'а к ёму ходить. А на ёво стали жал'обу, на этова парнецька, штё:

– Весь товар, всёво идёт у ёво, а у нас нехто не берёт, надэ убрать ёво, – всё ёму и жал'уютця, это этому-ту, батько-то евоному.

А этот батько ушэў да и гыт, гыт, цярю гыт:

– Вот все, – гыт, – жал'обы на ёво, – гыт. – Пойдём, – гыт, – сходим к ёму, – говорит, – туды.

Да. Он и гыт:

– Пойдём, – говорит этот цярь-от.

Да.

– Только, – гыт, – это... Пойдём, – гыт. – Только тебя, – гыт, – надэ, – гыт, – обрить, – говорит, – штёбы он те[б]я не узнаў, – гыт он этова.

Оне ёво обрили. А она уж там подземным-то подходом (уж я многоё забыл'а) и идёт, этова. А он... Прóситця, а он не пушшáёт, гыт:

– Ты не ходи, – гыт. – Этта у меня, – гыт, – посетители сидят, – евоной батько да цярь сидит это.

А вот этова ... А она всё равно:

– Ну и штё? Пушшáй.

⁹⁴ «Осредився» – нанялся на работу.

А не пусти́л'а она, батько-то узна́у, штё на́дэ ёво́ убрать – уж убить тожо. Вот на́дэ убить ёво́.

Л'адно, хорошо. Бúдут йим с цёво́ уж бить. (Не так ведь всё росскáзывают-ту, как-то оно где был'о-ту).

Она... Ко́уда он торгова́у последной-от раз, он и вздúмау́ эту рубаху-ту накинуть. Накíнуу́ эту рубаху-ту. А царь согл'аси́уся с этим с капитаном, штё на́дэ убрать, ко́уды дак убрать уж ёво́.

Да. Потом пёрвой раз сходили по ёво́ сл'уги, он пьяной лёжа́у тамока́ ли в магазине – не могли привезти. Второй раз сказали:

– Веди.

А и matka-та вы́шл'а на у́лицю ёвонная-та, да и этот и, и батько-то вы́шеу́, та́мо на улице бы́у, где ёво́ будут пил'ова́ть-то. Ёво́ тамока́ как второй-от раз за́брали, дак он уж, это́ва, ве́дут ёво́, а matka-та и уви́дял'а, штё рубаха-та на ём эта. Она сразу ко царю-ту прибе́жал'а, гыт:

– Стой, – гыт, – погоди, – гыт.

Подвели. Сразу батька да matka за́брали ёво́. (Я ведь только ведь из пол'ови́ны росскáзывают-ту). Да. За́брали ёво́. И сразу сказали, штё где она, это́ва... А её и сказали, штё оне́:

– Она, – говорят, – за буфё́том тамока́ ле́жит мёртвая уж поцты́, – говорят (это эта девка-та которая, с ёй ходи́у).

И сразу, это́ва, за ёй сходили. И навари́ли [пива], тожо пир со́брали на весь мир, ёво́ и же́нили на этой де́воцьке.

Вот экая как я был'а помол'о́же да росскáзывал'а, дак это только бы посл'у́шать, а теперь уж у меня – нецёво́ не знаю».

НЕБЫЛИЦЫ

12.1. «Про лёсново́ царя́»

«Жи́у старик богатой, был'о три у ёво сына.

Л'адно, хорошо. На́дэ сыновей же́нить, на[д]о новину́⁹⁵ рубить. Вот оне́ и стали. А один, был'о два умных, а трётёй – дурак. Вот оне собира́ютця, ушли топо... накл'али в пестерь⁹⁶ хлеба и, это, и пошли топоры тоци́ть. А Иван про́ситця, оне́ не ве́зут дурака-то.

Л'адно, хорошо, не ве́дут. Оне́ ушли тоци́ть топоры, он – в пестерь: хлеб вы́клау́ да и в пестерь залез. Залез в пестерь, оне́ прибе́жали, да ёво́ нет и гыт, схватили пестерь да гыт:

– Пойдём скори́е, покúд Ивана нет.

Вот и пошли оне́. Идут да бе́жат. Оне́ как шибко-то торо́пятця, а он и там в пестерё-то и вскри́тит:

– Братья, дождите и меня!

Оне́ опеть побёжат.

– Ой, – го[в]орят, – ведь где-то бе́жит всё ровно́ опеть.

– А, брат, шибко тяжел'о́. На́ тебе пестерь.

Переменя́тця пестерём, опеть бе́жат. Добе́жали:

– Этта бу́дём новину́ рубить.

Место вы́смотрели:

– Хоро́шоё. Л'адно, станём рубить.

Пестерь снели, надо спи́цьки – огня накл'ас[т]ь. Роскры́ли пестерь, у йих и хлеба нет, Иван-дурак сидит в пестерё.

⁹⁵ «Новина́ – расчищенное для пашни место среди леса, подсека» [2, с. 158].

⁹⁶ «Пестерь – плетенная из бересты или луба корзина с крышкой и двумя лямками; носилась за спиной как ранец» [2, с. 197].

– Ой! – поохали-поохали. – Хоть бы огня добыть. Ой, – го[в]оря́т, го[в]оря́т, старшему брату го[во]ря́т, – сл'азь на берёзу, посмотри где нет ли огня, дак этово, сходить бы, где дымок не дымит ли.

Он увиде́у, залез на берёзу, увиде́у дым, поше́у туда. Шёу, пришёу, цярь лёсной вокруг огня обви́ся. Он гыт:

– Цярь лёсной, дай м[н]е огня!

А тот и гыт:

– А скажи не́быль-небыли́цю, ак и дам огня.

Он гыт:

– Некако́й я не́были-небыли́ци не это, не знаю.

Он изо спины ремень ёму́ выреза́у, да ну и поше́у – не зна́ешь дак. Прише́у, не ска́звзат некому́. Го[во]ря́т:

– Штё нашёу ли?

Гыт:

– Не нашёу неце́во, – говорит.

Дли́нной брат поше́у – тый, мо[ж]ет, найдет.

Тот залез, сразу и увиде́у огонь. Опеть поше́у и тот, серёдной брат. Поше́у посере́дной брат, приходит опеть к огню:

– Цярь лёсной, дай м[н]е огня!

Он и гыт:

– Скажи не́быль-небыли́цю, ак и дам огня.

Он и гыт:

– Некако́й я не́быль-небыли́ци не знаю.

Ну не зна́ешь – дак вот и из этова, от ног по па́льцю отрэза́у у тово́. Л'адно, хорошо.

Приходит – штё неце́во не...

– Штё нашёу?

– Не нашёу.

Иван йим:

– Да как это не нашли?! Дай-котё как я схожу, дак принёсу!

Иван залез на берёзу, увидя́у огонь и приходит:

– Цярь лёсной, дай огня!

Он и гыт:

– Скажи не́быль-небыли́цю, дак и дам огня.

– А вот я расскажу те[б]е не́быль-небыли́цю. У нас, – гыт, – были мухи дешевы, а в городу́ мухи были дороги́, а у нас коровы, – гыт, – были до́роги. У йих коровы <...> дешевы, а мухи до́роги были.

Вот, л'адно, хорошо. Я, – гыт, – сохвата́у сорок мух, унёс в город и взя́у сорок коров. Вот поше́у домой, попал'а ре́ка – как коров м[н]е перегна́ть?! Я, – гыт, – возьму корову за хвос[т] да – хл'оп! – за ре́ку, хл'оп! – за ре́ку – всех перевали́у, – го[во]ри́т. – Ну, л'адно, хорошо, – гыт. – Один бык оста́уся. Как самому попас[т]ь?! Я, – гыт, – взя́у быка за хвос[т], заверте́у-заверте́у да как броси́у, дак не отпусти́уся и сам за ре́ку с быком перелете́у.

Да. Перелете́у с быком, – гыт. – Иду, – гыт, – вижу, – гыт, – у мужика, – гыт, – в саду берёза и в не́бо ввил'ася. Как это м[н]е-ка?! Вот. Я как-то на́дэ мне-ка на́ не́бо зализти. Я взя́у, – гыт, – всех коров ободра́у, кожи – на спину, и на́ не́бо залез. Залез на́ не́бо, там все Бога, Бога, – гыт, – босыё ходят и Божо́ноцьки без сапожо́ноцьков, все, – гыт, – нет неце́во. Все Бога без сапогов, Божо́ноцьки без сапожо́ноцьков. Я давай, – гыт, – йим всем сапоги шить да маленьким робя́там сапожо́ноцьки. Исши́у кожу, только одне обрезки стали. На́дэ мне спушша́тьця домой.

Подхожу, – гыт, – к тому месту, где я не́бо-то проруби́у. А шшэпок-то я накроши́у, – гыт, – в этово, в сад-от мужику-ту, мужик-от осерди́уся да берёзу-то, – гыт, – сруби́у, – говорит. – Как м[н]е слизти-то?! Давай я кожинки, – гыт, – сшивать да опушша́тьця,

сшивать да опушшáтьця, – гыт. – Я, – гыт, – спустиўся, – гыт, – у меня, – гыт, – меня кацёёт-то, а, – гыт, – больше и кожи нет. Штё же, как я цясока?!

Вдруг мужик на сцэс[т]ьё стаў виётъ. Я с пылинки на пылинку, с пылинки на пылинку всё перескакываю, всё ниже и ниже стаў. Пылинок не стал'о, – гыт. – Давай, – гыт, – мужик стаў овин сушить. Я с цединки⁹⁷ на цединку, я с цединки на цединку. Он высушиў овин, у ме[н]я не стал'о нецёво, – гыт. – Я боўтаўся да боўтаўся, да и упаў, да в бол'ото засеў, только одна гол'ова остал'ась, и рукам засеў.

Вот. Прилетёл'а цейка да завел'а гнёздо у ме[н]я на гол'овё-то, накл'ал'а ейць. А на то, – гыт, – сцэс[т]ьё ко мне стаў медвидь, – гыт, – ходить, ейця ис[т]ь. Я, – гыт, – вытягаў да вытягаў руки-ти, вытягаў да вытягаў, вытянуў руки-ти. А как за хвос[т]-то всбриўся⁹⁸, медвидь-от побёжаў. Я опуститьця-то не могу, он ме[н]я вол'окот по пеньям да по корёням. У м[е]ня всю кишку-то он выдраў, – гыт, – церёва-ти⁹⁹ все выдраў, – гыт, – я коё-как о[т]пустийся, – говорит. – Да. Да потом, – гыт, – вот в кишку-то, – гыт, – моху попёхаў, – да гыт, – зашиў, дак вот к тебе, царь лёсной, по огонь пришёў.

Он тожно ёму и огня даў. Он даў ёму огня. Принёс брату туды, к братьям. Онё тожно новину вырубил, хлеба шибко уж много поднесли.

И потом эте братья стали жёнитьця, невес[т] хороших выбрали. А потом пива наварили. О-о-ой, пиво-то какое хорошее! Собрали весь мир! Богатой старик-от быў дак. Я сама-та тут был'а, дак до тово меня упоили, ак я только цють жива остал'ась. А потом как-то худо всё прошл'о. И не л'омал'о нештё, а так и прошл'о – хорошо шибко. Пиво хорошее шибко был'о дак, сладкое. Дак всё и л'адно был'о, всё и коньцил'ося. И сказке конец».

12.2. «Про лёсново царя»

«Ну, расскажу вам небыль-небылицу.

Вот у старика были три сына: два умных, один дурак. Вот батко посыл'ает их новину рубить. Да. Этова, штёбы ржи посиять – скоро сыновей на[д]э жёнить. Ну, вот онё и собираютця, ушли топоры точить. А Иван проситця с йим идти. А онё и го[в]орят:

– Наштё те[б]я повезём, Иван?! Не надэ те[б]я, дурень.

Онё ушли топоры-то точить-то, он взяў, хлеб-от выл'ожий, сам в пестёр залез. Да. И сидит. Вот онё прибёжали:

– Ой, Ивана нет! Давай, побёжали скорее, брат.

Вот бёжат-побёжат:

– Ой, брат, сколь у м[ен]я тяжёл'о! Давай пестёр сменй, ты возьми.

И тот несёт:

– Ой, сколько тяжёл'о!

Дошли до места. Стали вымать-то, у их хлеба-то нет, один Иван-дурень сидит тутока. И спицёк нет.

– Как цясока?! Ну-ко, давай, – го[в]орят, – ползай ты, старшой брат, на берёзу. Посмотри, нет ли где-ко огонька.

Залез старший брат на берёзку, увидяў огонёк и пошёў. Приходит, вокруг огня царь лёсной обвиўся.

– Царь лёсной, дай огня!

– Скажи небыль-небылицу – и дам огня.

– Некакой небыли-небылицы не знаю.

– Вынимай изо спины ремень.

Вот вырезаў у ёво ремень. А он пришёў, не сказваёт, штё вырезали ремень. Опётъ второва посыл'ает, гыт:

– Не мог найти огня, – сказаў.

⁹⁷ «Цединка» – дыминка. «Чад – дым, сажа, копоть» [2, с. 318].

⁹⁸ «Сбрить – схватить» [17, с. 98].

⁹⁹ «Черёво – внутренности животного, рыбы» [2, с. 337].

Тот поше́й. Залез на берёзу, уви́дяй:

– Ой, я вижу, найду.

Приходит и тот:

– Цярь лёсной, дай огня!

– Нет, не дам. Скажи небыль-небылицу – и дам.

– Некакой небыли-небылицы не знаю.

– Вырезай изо спины ремень.

Ремень вы́резай, о́тдай тому цярю́ лёсному. Идёт домой. Прише́й:

– Ну, штё не нашёй, брат?

– Нет, не нашёй.

Иван:

– Давай-котё как я схожу, найду.

– Ну, Иван, поше́й давай, ты уж найдёшь мо́жет.

Иван приходит, уви́деу... Залез на берёзу, уви́деу.

– Цярь лёсной, – гыт, – дай огня!

А гыт:

– Скажи небыль-небылицу – и дам огня.

Ну, л'адно. Тот и ста́й, Иван, расска́звать:

– Вот у нас, – гыт, – были мухи дешёвы, а в городу́, – гыт, – мухи доро́ги были, а коровы дешёвы. Я, – гыт, – взя́й <...> сорок мух и пришёй, – гыт, – туда, взя́й сорок коро́у и быка эшшо́.

Л'адно, хорошо. По́гнай домой. До́гнай до реки и не знаю, как перегнать. Уду́маю: давай всех перебросаю. За хвос[т] да и за реку, за хвос[т] да и за реку́ – всех переброса́й, – говорит, – а бык и оста́йся. Быка розвёрну́й, как бро́сиу, – говорит, – сам-от не о[т]пусти́се и сам перелете́й.

Погна́й, – гыт, – коров. Гоню, – гыт, – погледе́й – сад, – гыт. А в саду-ту, – гыт, – берёза вы́росл'а. Ой, вижу, в не́бо ввил'а́ся, – гыт. – Давай, – гыт, – это́ва, я, – гыт, – сяц всех ободёру да полезу на́ не́бо. Всех коров ободра́й и полез на́ не́бо. Залез на́ не́бо, погледе́й, – гыт, – все Бога, – гыт, – без сапого́у ходят, Божоно́чки без сапожоно́чков. Давай-ко, – гыт, – йим все сапоги сошьо. Я всем, – гыт, – сапоги по сапогам, – гыт, – сши́у маленьким Божоно́чкам по сапожоно́чкам. Остались только у ме[н]я одни л'оску́тья, на́дэ ведь домой уж мне идти.

Да. Подхожу, – гыт, – к этому, к берёзе. Берёзу мужик осерди́йся, срубíу, – говорит. – Как м[н]е сли́зти? По́цяй, – гыт, – я сшивать эти обре́зоцьки да спуща́ться, – гыт, – всё с не́ба-та. Спуща́йся, спуща́йся, обре́зоцьков не ста́ло. Уви́дяй: мужик ви́ет, летят пы́линки. Я всё, – гыт, – верёвоцьки ви́у да спуща́йся, ви́у да спуща́йся. Доспуща́йся, штё уж нет, – гыт. – Ой, – гыт, – уви́дяй, мужик овин сушит. Я давай, – гыт, – с цединки на цединку, с цединки на цединку. Скака́у да скака́у, уж у меня, – гыт, – не ста́ло, – гыт, – цединок-то. Я тут бо́ута́йся да бо́ута́йся, да упа́у да в бол'ото. Одна гол'ова́ у меня оста́л'а́ся, весь засе́й, – го[в]орит. – Той порой, – гыт, – це́йка гне́здо завёл'а́ на мне. На мне, – гыт, – на гол'ове. Повади́йся медвídь ейца ис[т]ь. Медвídь-от приде́т, и как це́йка снесёт, он приде́т ейце́ съес[т]. Я руки-ти вытяга́у да вытяга́у, да взя́у, – да гыт, – вы́тяну́. Медвídь-от съе́у, – гыт, – ейце́-то да и се́у ко мне жо́пой-то рядом. Я как за хвост-от схватíвся, медвídь-от меня повол'ок по пеньям да по корёньям, кишку́-ту у м[ен]я всю выпоро́у. Да. Кой-то как я от ёво́ отпусти́вся, – гыт. – Отпусти́вся, – гыт, – кишка-то выпоротая, церёва-ти все выехали. Я взя́у, коё-как позаши́у, – гыт, – да так, цярь лёсной, к тебе и по огонь пришёй.

– Ха-ха-ха! Вот это небылиця!

Да. И пришёй, и огня братьям принёс. Новину́ онé вырубíли да ржи насíели, смол'о́ли сол'оду и стали бра́тья те же́нитъця. И наварили пива. Пиво-то был'о у йих уж шибко по́уно, много. А Иванушко-то – тому нет невесты-то, тот не же́ни́ся. Эти оба

женились. Я тут и был'а на свадьбе-то. Так хорошо угошшали! Дак пиво-то тёпл'о да по усам тёл'о, да в рот-от не попал'о, всё так и пропал'о».

12.3. «Про лёсново царя»

«Вот жили-были старик да старуха. У старика был'о три сына. Йим на[д]о жёнитьця. А на[д]о новину вырубить, да на пиво ржи насыеть. Вот онé и собираютця новину рубить, эти. Онé собираютця, а Иванушко проситця (один быў дурак у йих, да, Иванушко-то). Онé не вёдут ёво. Онé ушли топоры тоцить, он взяў, хлеб выняў да всё, да и сам в пестерь залез. Залез в пестерь-от тамока.

Вот, л'адно, хорошо. Онé прибежали, ёво нет, Ивана:

– Побёжали, – гыт, – давай скорее, – гыт. – Нет где-то, куды-то ушёў, дак уйдём цясо, проситця, а то побёжит за нам.

Л'адно, хорошо. Пестерь накинули и побёжали. Вот в пестере-то сколь тяжёл'о, дак не мójут и нести, попеременяютця, гыт:

– Вот сколь тяжёл'о, – гыт, – не могу нести.

Л'адно, хорошо. Онé бёжат, а онé уж несколь не мójут идти, а он и кричит оттоля к дороге-то:

– Братя, дождите меня! – го[в]орит.

– Бёжит, – го[в]орят. – Ведь опеть бежит всё-ровно этово.

А он в пестере там кричит.

Да. Бёжали, бёжали, добёжали до сáмова места, где новину рубить. Пестерь снели. Да. Надо цясока хоть пойс[т]ь. Все убёжались, оба в поту – несли Иванушка. Л'адно. Сили пойс[т]ь, пестерь открыли – Иванушко сидит. И спицёк нет, и нацёвать на́дэ! Ой, ну штё счас дел'ать!? Посидили, подумали, го[в]орят:

– Зализь, этово, – брат второй, – ты, – говорит, гыт, – зализь на берёзку, брат, – гыт, – посмотри, – гыт, – нет ли где огня, дак, буди, сходишь.

Он залез на берёзу и увидеў огонь, пошёў. Приходит к огню, царь лёсной лёжит, вокруг огня обвиўся. Он гыт:

– Царь лёсной, дай м[н]е огня.

Он гыт:

– Скажи небыль-небылицю, ак и дам, – говорит.

– А я, – гыт, – некакой небыли-небылицы не знаю.

– Дак вырезай... Давай, – гыт, – вырежу ремень изо спины у тебя.

Да. Вот вырезаў ремень, он пришёў туда домой, к этому, к огню-то опеть пришёў тутока, гов[о]рит:

– Штё, – брат спрашиваэт, – штё не нашёў?

– Нет, – гыт, – не нашёў, буди, брат, ты пошёў.

Вот и тот пошёў искать. Влез на берёзу, увидяў, приходит, опеть гыт:

– Царь лёсной, дай огня.

Он и гыт:

– Скажи небыль-небылицю, ак и дам огня.

Он гыт:

– Я некакой небыли-небылицы не знаю.

– Дак вот давай, вырезай ремень.

Вырезаў опеть ремень изо спины у ёво и отпустиў. А моўцит и тот, пришёў, не сказваёт, штё эдак.

– Не нашёў, – гыт, – опеть. Пошёў, Иван, ты – дурень, мо[ж]эт ты не найдёшь ли.

Вот Иван вылез на берёзу, увидеў огонь, приходит ко царю тутока:

– Царь лёсной, дай огня.

Он и гыт:

– Скажи небыль-небылицю, ак и дам огня.

А он и гыт:

– Ну, вот расскажу, – гыт. – У нас были, – гыт, – коровы дороги, а в городе были мухи, – гыт, – это жо, дороги, – гыт. – А у нас мухи были, – гыт, – дешёвы, а коровы дороги. Ак там, – он и гыт, – уж я, – гыт, – нахватаю сорок мух, да ушю в город и взяю сорок коров за мух-то. Вот, – гыт, – погнаю, – гыт, – домой. Дошю до реки, не знаю, как перебросить, – говорит, – переехать, – гыт. – Давай, – гыт, – за хвос[т] да и на тот берёг, за хвос[т] да и на тот берёг, – гыт, – я, – гыт, – всех коров перевалию, один бык остаюся. Я быка, – гыт, – взяю, – гыт, – за хвос[т] да розмотаю хорошенько, дак – хл'оп! – гыт, – за реку, – гыт, – брошию. А сам-от не отпустиюся и меня он переташию, – говорит, – туда.

Вот, – гыт, – гоню, – гыт, – коров. Поглядею, – гыт, – сад, – гыт. – А в саду, – гыт, – стоит берёза, в небо ввил'ася. Я, – гыт, – взяю да всех, – гыт, – коров этих осымаю, – говорит, – да на крыльця, да по берёзе-то да на небо, – гыт, – залез, – гыт. – Залез на небо. На небе все ходят Бога босые, Божоноцки тожо босые, – гыт. – Я всем Богам по сапогам сшию, Божоноцкам по сапожоноцкам. У меня, – гыт, – остал'ося уж мал'о, – гыт, – только обрезки одне.

Удумаю, – гыт, – домой идти. Пришю, – гыт, – к дирё-то, а мужик на меня осердиюся (небо-то прорубаю, шшепок накрошию), он, – и гыт, – взяю да берёзу-ту повалию. Я и думаю: как жо мне, – гыт, – слизти?! А я, – гыт, – эте обрывоцки, – гыт, – все шшиваю да спущаюся, шшиваю да спущаюся. Да. Доспущаюся, – гыт, – нет, – гыт, – и кацеюся, – гыт. – А на моё сцес[т]ьё стаю мужик, – гыт, – овин сушить. Вот дым пошю, я с дыминки... ну это уж, с дыминки на дыминку скацю, с дыминки на дыминку. Мужик-от концию, – гыт, – вить стаю. Вить стаю. Я, – гыт, – пылинки хватаю да верёвоцки вью, хватаю да верёвоцки вью. У меня уж, – гыт, – не стал'о, – гыт, – все, – гыт, – извию. Боутаюся да боутаюся, да и упаю, да в бол'ото засею, и руки засили.

Вот. Тут и сижу, – гов[о]рит. – А на моё сцес[т]ьё, – гыт, – цейка гнездо завел'а на гол'ове-то. Ак вздумаю воук ходить, еиця ис[т]ь. Я руки-ти вытягаю да вытягаю, да вытаную руки-ти, да за хвос[т]-от, – гыт, – всбрився. Да, – говорит, – отпуститця-то не могу, он ме[н]я выташию. Да по грезе-то, – да гыт, – кишку-ту у ме[н]я всю выпорою. Да. Дак я, – гыт, – взяю, – гыт, – да моху, – гыт, – навсбираю, да в кишку-ту натоюк, да зашию, дак вот, царь лесной, к тебе, – гыт, – по огонь пришю.

Тот розгёрнуёся¹⁰⁰:

– А-ха-ха-ха-ха! Это уж небыль дак небылиця!

И даю огня ёму. Вот новину-ту вырубил, выросло ржи у их много. Оне еле эту рожь засол'одили да стали жёнитьця. Наварили пива-то мно-о-ого! Пиво-то было хорошоё – я пил'а. А пиво-то только тёпл'о, да по усам тёкл'о, да в рот-от не попал'о, ак всё так и пропал'о».

12.4. «Про лесного царя»

«А вот жили-были три сына: Иван-дурень да два умных. Вот оне... [Батько] и говорит:

– Скоро вам жёнитьця, рубите новину, хмель, – гыт, – этово, хлеб надэ.

Вот оне и стали собиратьце, и он проситце, Иван-дурень. Оне не этово, не ведут ёво. Оне накл'али пестері, ушли топоры тоцит. Оне ушли топоры-те [тоцит], он хлеб-от вынь да и в пестерь залез. (Это небыль-небылиця дак). Залез в пестерь-от, оне схватили пестерь-от да и побёжали. А оне бёжат, уж не могут унести, попеременёютця пестерь-от – тот да другой. Да. А как оне этово... Он ведь, тамока пойдут, дак он и гыт:

– Братья, дождите и меня!

Оне всё и бёжат всё, до тово добёжались – уж только из души все. Дошли до места-то, стали отдыхать-то, да надэ пойс[т]ь, да уж тамо нацёвать. Да. Вынели, там Иван-дурак сидит в пестере-то, ис[т]ь-то нецёво, и огня нет, и спицьки – всё выняю. Оне и тут побранили ёво, и го[в]орят:

– Надэ как-то уж где-то огня взять-то.

¹⁰⁰ «Розгёрнуёся» – широко раскрыл рот.

Да. Один залез на берёзку, уви́деу огонь. Прише́у, тамо́ка́ цяр' лёснóй лёжит, вкруг огня обви́ся. Он и гыт:

– Цяр' лёснóй, дай огня!

А он гыт:

– Скажи небыль-небылицу, ак и дам.

Он гыт:

– Я не знаю некако́й небыли-небылицы.

– Ак и не дам.

Он и прише́у без огня. Прише́у, ёво́ спросили, он и гыт:

– Не мог найти.

Второй брат поше́у эдак. И тот эдак жо спроси́у, он то́жо не сказа́у. Да. Иван-дурень и поше́у. Дурень-от поше́у туды́, эво, и сказа́у он небылицу-ту йим:

– Вот, – гыт, – были у нас мухи дешёвы, а в городу́ мухи были доро́ги, – гыт. – Я сохвата́у¹⁰¹, – гыт, – сорок мух да унёс в город, да купи́у сорок коров. Уше́у домой. Туда пришли к реке, не знаю, как перейти-то. А взя́у, – гыт, – за хвос[т] да, – гыт, – ту да другую – да всех перевали́у, – гыт. – Один бык оста́уся, – гыт. – Я, – гыт, – розвёрта́у да, – гыт, – броси́у, да и от быка-то не о[т]пусти́уся и сам перелётеу.

Ше́у да ше́у, – гыт, – доше́у в сад. А в саду, – гыт, – стоит берёза, вросла́ в не́бо. Я, – гыт, – этова, взя́у, – го[в]орит, – этова, эту берёзу-то, да по берёзе-то... Всех, – гыт, – этех коров осыма́у, да кожу – на крыльця¹⁰², да на не́бо, – гыт, – залез. А на не́бе все ходят Бога, – гыт, – этова, босые и Божоно́чки без сапожоно́чков, Бога без сапогов и Божоно́чки без сапогов. (Это я потом сказывать стану, дак это подправлю). Да. Я, – гыт, – наши́у йим всем, – гыт, – сапогов, – го[в]орит, – оста́лася кожи.

Я ста́у спушшаты́ця, – гыт. – Прише́у, – гыт, – берёза-та... – гыт. – Накроши́у шше́пок-то, мужик-от берёзу-то подруби́у, – гыт. – Я ста́у, – гыт, – эти, – гыт, – ол'оску́тыя-ти¹⁰³ сшивать да спушшаты́ця. Спушша́уся, спуска́у, л'оску́тыя, – гыт, – не ста́ло, – гыт. Погледе́у, – гыт, – мужик, – гыт, – ви́ет. Я, – гыт, – ста́у пылинки хватать да верёво́чки вить, да спушшаты́ця. Ну. Он провие́у, – гыт, – пылинок нет, я и боу́таюся. Вдруг он ста́у, – гыт, – овин сушить. Я, – гыт, – с цединки на цединки, с цединки на цединки. Скака́у да скака́у, – да гыт, – уж он отсуши́у, – гыт.

Я боу́таюся, боу́таюся да и улетеу́, да в бол'ото. Засе́у гл'убо́ко, – говорит, – и руки-ти засили, – гыт. – А той порой, – гыт, – ко мне, – гыт, – прилетел'а, – гыт, – цейка да на гол'ове́-то гнездо́ завил'а. Я, – гыт, – вытаскыва́у да вытаск[ыв]а́у, а, – гыт, – некак выташшить не могу.

А тут, – гыт, – вдруг в ту пору, – гыт, – медвидь ста́у ходить ко мне, – гыт, – еи́ця ис[т]ь. Он, – гыт, – съе́у еи́ця-ти, – да гыт, – и се́у ко мне жо́пой-то. А руки-ти выташши́у – да за хвос[т], да отпусти́тыя-то не могу. Он меня выде́рнуу́. Да по пеньям, да по кореньям! Всю у м[ен]я кишку́-ту, – гыт, – выпороу́, – говорит. – Да. Ну коё-как о[т]пусти́уся, – гыт. – Да. Да, вот, – гыт, – взя́у, – гыт, – напеха́у мо́ху да позаши́у, да вот к тебе, цяр' лёснóй, и по огонь прише́у.

Вот цяр' лёснóй гыт:

– Ха-ха-ха! Это небылиця! Это уж небылиця ак небылиця!

Вот огня накла́ли, новину́ вырубилы. И вот и за это перво́е, сразу жо, это, ба́тко ёво́ и же́ниу́, Иванушка: штё ты эттаку сде́лау́, огня тамо́ка нарозве́у. Да, вот оне́ и же́нились все. Пива наварили да и же́нились».

¹⁰¹ «Сохватать – взять быстрым резким движением, схватить; поймать, не давая уйти, убежать» [18, с. 91].

¹⁰² «Крыльця – плечевой пояс человека» [12, с. 7].

¹⁰³ «Лоску́тыя – лоскутки» [12, с. 51].

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

13. «Лиси́ця-мытница́»

«[Старик] поеха́у по мытница́¹⁰⁴. А сидит лиси́ця и гыт:

– Далёко ли, дедушко, поеха́у?

А гыт:

– Мытница́ бы надо.

– Ой, возьми меня, я вы́мью старуху у тебя.

Вот л'а́дно, согл'асил'ася. Привёз лиси́цю. Говорит:

– В баню неси, я там в бане вы́мью её.

Она уж ушл'а тамо́ка, лиси́ця, в баню. Он посади́у старуху, унёс, а лиси́ця прибежа́л'а. Вот старик на переба́нье стоит:

– Лиси́ця, мьёшь?

До́уго ждёт.

– Мью, мью, уж го́лову вы́мыл'а.

Да. Л'а́дно. Опёт'ь старик мо́уци́т. Сидит, дожида́эт. Старик:

– Лиси́ця, мьёшь?

– Руку вы́мыл'а, другую мью. Мью, мью.

Вот, л'а́дно. Он сиде́у, старик, на переба́нье, опёт'ь и гыт:

– Лиси́ця, ты мьёшь?

Она:

– Мью, мью. Руки вы́мыл'а, уж ноги мью.

Да. Он опёт'ь сиде́у-сиде́у да и гыт:

– Лиси́ця, ты мьёшь?

– Всю уж скоро вы́мью. Открывай поши́ре дьве́ри.

Он как дьве́ри-ти откры́у, она вы́скоцил'а да и убежа́л'а. Она всю её огл'ода́л'а, это старуху-ту. Л'а́дно. Убежа́л'а.

– Ой! – старик. – Забо́тушки сколько! Куда́ мне сцяс старуху дёва́ть – не знаю. Поведу́ я в подовинную¹⁰⁵ яму, её брошу туды, тамо́ка пус[т]ь она ле́жит. Народ спросит, штё: «Куда́ старуху дёва́у?»»

Унёс в подовинную яму, бро́сиу. По́жиу-по́жиу.

– Идти, – гыт, – посмотре́ть на стуруху-ту – штё она та́мо дел'аэт?

Он прише́у на старуху-ту смотре́ть, лиси́ця-то догл'одываёт её туто́ка. Он и гыт:

– Лиси́ця, я те[б]я убью.

Она гыт:

– Ой, – гыт, – дедушко, не бей меня, я те[б]е́ добро приведу́.

– А какоё ты м[н]е добро приведёшь?

– А вот запрягай-ко л'ошадь да пойдём, дак медвѣ́дя домой привезём.

Ну, л'а́дно, хорошо. Старик запряг л'ошадь, поеха́у. Приехали к костру. За костром, правда, медвѣ́дь ле́жит. Да. Она и говорит:

– Старик, старик, штё за костром ле́жит?

Он и гыт:

– Ел'о́вой пень.

– А кабы пень бы́у, дак на санках бы́у.

А она опёт'ь, лиси́ця-то, и говорит, гыт:

– Забирай за шерс[т]ь.

А медвѣ́дь-от и гыт:

– Забирай меня за шерс[т]ь, дак я, – гыт, – залезу те[б]е́ на сани-ти.

Да. Л'а́дно, хорошо. Забра́у за шерс[т]ь, он залез на сани. Она и гыт:

– Старик, старик, штё на санках ле́жит?

¹⁰⁴ «Мытница́» – женщина, моющая что-либо, кого-либо.

¹⁰⁵ «Подовинный – что под овином» [5, с. 192].

Он гыт:

– Ел'овой пень.

– Кабы пень быў, дак привязан быў.

Ой, старик и поцяў ёво привя[зывать]. А воўк¹⁰⁶ и гыт, гыт:

– Ты розбрось по мне, – это медвидь-от гыт, – ужишшо-то только розбрось.

А тот привязывает, как мога ёво привязаў, медвидя.

Ну, л'адно, хорошо. Она опеть спрашивает:

– Старик, старик, штё на санках лёжит?

Он и гыт:

– Ел'овой пень.

А воўк и гыт:

– Пол'ожь топор-от на меня.

А он шерс[т]ь-то розгладяў, да – раз! – топ[ором] и убиў медвидя-то, и поехали. А лисиця – ой, весёл'ая:

– Ну-ко! Ну-ко, какоё я те[б]ё добро привёл'а!

Приехали домой, а он и гыт:

– Дак пойдём, – гыт, – ко мне, сцяс я те[бя] гусям накормлю.

Вот и поехали. Лисиця за йим всё бёжит. Лисиця прибёжал'а, он и гыт:

– У меня своих-то гусей нет, дак я вот мешок возьму да схожу в деревню, дак принёсу тебе, – гыт, – ётова, гусей-то.

Он ушёў да тамока дзве собаки у каково-то взяў мужика, дак это пёхнуў в мешок-от, да и несёт. А в избу-ту ступаёт да и гыт, гыт:

– Я мешок-от буду розвязывать, дак ты, – гыт, – не робий, – гыт, – хватай, – гыт, – онё розлетятся по это, по избе-то.

Он как мешок-от розвязаў, она к йим бёжит, к собакам-то, не видит, да собаки-ти взели, да её и задавили. Вот.

Старик лисицю ободраў да медвидя ободраў, ак вот увёз на базар. А набраў канфётов да преников, да вот, ну цёво – всё, штё знаў дак. Вот и теперь вот всё это ес[т]. И не сёт, нецёво не дел'ает, а всё вот ёте преники-ти, да всё на это и ес[т].»

14. «Лисиця и старик»

«Старик рыбу л'овиў, а старуха был'а у ёво. Вот, ётова, он уехаў по рыбу-ту, а рыбы-то он поймаў много и йидёт, ётова, везёт в розвальнях¹⁰⁷ рыбу эту. Видит, лёжит лисиця, согнул'ася.

Он и гыт:

– Ой, штё лисиця мёртвая лёжит? Возьму бабе на заворотник.

Ну, вот, л'адно. Он лисицю взяў, пол'ожяў тутока в эти в розвальни, опеть л'ошадь-то и ведёт. (На картинке-то и написано – и в розвальнях). Ведёт эту л'ошадь, а лисиця помалёнецку рыбку вываливает да вываливает, вываливает да вываливает. Всю рыбку вывалил'а, потом собрал'а в куцьку и усёл'ася тамо йис[т]ь. А он домой-ту приехаў, гыт:

– Бежи-ко, баба, – гыт, – я на заворотник... те[б]ё рыбы нал'овиў да, – гыт, – на заворотник лисицю привёз.

Баба-та прибёжал'а, искал'а, искал'а и гыт:

– Штё ты, – гыт, – оммануў, – гыт, – подл'ой? – гыт. – Ведь никакиё тут нет, – гыт, – лисици.

А он, старик-от, пришёў и гыт:

– Да и рыбы, – гыт, – нет. Ой, ну-ко, сука-та меня омманул'а, – гыт, – подл'ая-та душа. Ведь она рыбу-ту у ме[н]я вывалил'а, – говорит. – Она ведь живая, – говорит.

А вдруг идёт там воўк. Идёт, лисиця рыбу ес[т]. Гыт, лисице и гыт:

¹⁰⁶ Здесь и далее исполнительница упоминает в качестве персонажа «волка», а не «медведя».

¹⁰⁷ «Розвальни – вид саней» [7, с. 164].

– Хлеб да соль! – он гыт.

Она гыт:

– Подальше стой!

– А где ты, – гыт, – набрал'а, лиси́ця, рыбы?

– А сходи-ко сам, – говорит, – пол'ови́. Вот опусти́ хвос[т]-от в воду, дак и нал'овишь. А уж я сво́ей-то рыбки те[б]е не дам.

Да, л'адно. Пришли, а тамо в ри́цьке во Смо́льянке бы́ло недалёко дак. Вот он сеу́, воу́к-от, к ри́цьке-то, хвос[т]-от опусти́у, а лиси́ця-та и ходит вкруг ёво́, да гыт:

– Не́бо, ё́сни, не́бо, ё́сни,

У воу́ка хвос[т] приме́рзни, хвос[т] приме́рзни!

А он и гыт:

– Ты це́во, лиси́ця, говоришь?

– А я это, воу́к, говорю, штё:

“Не́бо, ё́сни, не́бо, ё́сни,

Ак тебе во хвос[т] рыба везни-везни!”

А хвост-от... Она э́дак говорел'а да говорел'а всё:

– Не́бо, ё́сни, не́бо, ё́сни,

У воу́ка хвос[т] приме́рзни, приме́рзни.

Он о́пять спросит:

– Ты це́во, – гыт воу́к, – это лисо́нька, говоришь?

– А ведь я, – гыт, – говорю, штёбы:

“Не́бо, ё́сни, не́бо, ё́сни,

Ак тебе во хвос[т] ры́бка везни-везни-везни!”

Вдруг и́дёт, э́това, с कोरोмы́сл'ом по́ воду баба из деревни-то, ту́то и спу́шшаётця. Да. А лиси́ця удра́л'а, а воу́ка-то хвос[т]-от приме́рз. Она и́дёт, э́дак давай-ко жа́рить ёво́, воу́ка-то, कोरोмы́сл'ом, कोरोмы́сл'ом. Воу́к-от рва́уся да рва́уся, хвос[т]-от о́торвау́, убежа́у. А лиси́ця той поро́й к э́той старухе прибе́жал'а в деревню-ту, да (тамо́ка квашо́нка¹⁰⁸ был'а замешёна) она давай-ко тесто́ йис[т]ь, да тестом-то вся зама́зал'ася, да и пошл'а. А воу́к-от тамо́ка и́дёт и говори́т тут:

– Ты, лисо́нька, я тебе и дам, ты меня омману́л'а!

А она и гыт:

– О-о-ой! Штё ты, воу́к!? Ведь я, зна́ешь ли, сама... Вот ты погледí-кося, меня, – гыт, – в деревне-то всю избиили, дак и мозга́ у ме[н]я выехали, – гыт. – Я не знаю, как и и́дти.

– Ой, дак, лисо́нька, садíся на меня, дак я те[б]я попонёсу́.

Вот она залёзл'а на воу́ка-та да сидит, да и гыт, гыт:

– Битой не́битова несёт,

Битой не́битова несёт.

Да.

– Ты це́во там, лисо́нька, говоришь?

– Ой, Мишо́нька¹⁰⁹, говорю, штё те[б]е ши́тко тяжёл'о меня нести-то ведь. Да. Хоть бы отдохну́у.

– Неце́во, унёсу́, – говорит.

Вот и понёс всё лиси́цю в лес. Там унёс, лиси́ця побёжал'а, завесели́л'ася, наёл'ася да и Мишеньку омману́л'а. Теста наёл'ася».

¹⁰⁸ «Квашо́нка – деревя́нная или глиня́ная посуда для заквашивания теста, квашня» [11, с. 52].

¹⁰⁹ Здесь и далее исполнительница упоминает в качестве персонажа «волка» вместо «медведя».

15. «Как кошка на ложке ездила в Усольё по соль»

«Вот поехал'а кошка на л'ожке в Усольё по соль. Вот доехал'а до Смольёнськово-то угора тутока. Бежит эта, вёкша¹¹⁰ и гыт, гыт:

– Далёко ли, кошка, поехал'а на л'ожке?

Она гыт:

– В Усольё по соль.

– Ак пойми¹¹¹ меня.

– Садись, пойдём.

Вот опеть поехали. Да. Малёнько попоехал'а, заець бежит, гыт:

– Далёко ли, кошка, поехал'а на л'ожке?

А гыт:

– В Усольё по соль.

– Ак пойми меня.

– Садись.

К йим и заець сеў. Всё под гору спушшаютця (тут Смольёнськой-от угор). Вот. Л'адно, хорошо. Вот ехали, попоехали, вдруг воўк бежит:

– Далёко ли, кошка, поехал'а на л'ожке?

– В Усольё по соль.

– Ак пойми меня.

– Садись, пойдём.

Ну, л'адно, она на быке йидёт-то... а на л'ожке йидёт-то дак, л'ожка дак.

Вот. Л'адно, хорошо. Бежит медвидь:

– Далёко ли, кошка, поехал'а на л'ожке?

– В Усольё по соль.

– Дак пойми меня.

– Садись.

Вот онэ спустились под гору-ту, у йих и завёр[т]ка¹¹² изорвал'ася. Изорвал'ась завёр[т]ка. Посыл'ает эту, вёкшу, по завёр[т]ку. Вёкша оббёжал'а, шишку ей принёсл'а. Какава завёр[т]ка из шишки?

Посыл'ает заеця. Он ёвшину¹¹³, эту, осиновою дратву принёс, ну это, пруток – тожо не сдел'ать.

Посл'ал'а воўка. Он принёс какою-ту л'апу кошецью или какою ли – тожо не сдел'ать.

Да. Посыл'ает медвидя. Медвидь тожо принёс ногу какою-то пропадущую.

Ну, л'адно, хорошо. Сама пошл'а:

– Ой! – побранил'ася, пошл'а. – Не могли те принести на завёр[т]ку-ту, надо ведь берёзовую вицю!

Ушл'а. Онэ взели да у её быка-то съили, да гол'ову-ту тутока в рицьку-ту и пол'ожили, заткнули. Ой! Пришл'а, ну-ко, кошка – и быка нет. Побёжал'а в деревню по народ. Да. Побёжал'а в деревню по народ. А онэ той порой побёжали в деревню, эти, звирьё-то. Она... Там прибёжали тянуть тово быка-то – одна гол'ова (уж онэ съили ёво).

Л'адно, хорошо. Онэ бёжат в деревню-то, да старик тамока быў в деревне-то, штё-то дел'аў тут у дому.

– Дедушко, куды нам дёв'атьця?

Он гыт:

– За двор да и в яму.

Онэ все бежали да в яму забёжали туды за двор к ёму.

¹¹⁰ «Вёкша» – белка.

¹¹¹ «Пойми» – возьми с собой.

¹¹² «Завёртка – верёвочная петля или кольцо из ремня, проволоки, прутьев для прикрепления оглобел к саням» [10, с. 100].

¹¹³ «Евшина – лиственное дерево или кустарник семейства берёзовых; ольха» [10, с. 70].

Ну, л'адно, хорошо. Живёт-поживёт старик.

– Ой! – вздумаў ведь...

(Я ну-ко говоріл'а, тамока... это погоди...) Он живёт-поживёт...

Онэ сидили да сидили, да йис[т]ь захотили. А лисиця-та и говорит... (Лисици-то я не сказа́л'а, там лисиця э́шшо́ был'а). Лисиця-та и гыт:

– Давай, Мишенька, – гыт, медвидю-то гыт, – переберём: кто имецька худыё, этово, не баскиё¹¹⁴, дак тово йис[т]ь будём.

А поперебирали:

– Мишенька вот – баско, воўк – баско, лисонька – баско, заець – баско, а векошка – не баско, давайте съедим! Векушку доўго ли йис[т]ь? Нецево тут и делить, съили.

Опётъ стали снова. Потом заеца съили. Опётъ стали перебирать.

– Воўк-от... Мидвидь вот, Мишенька – баско, а вот медвидь – тоже баско. И лисонька – баско. А вот потом:

– Давай воўка съедим, – гыт, – всё ровно воўк хуже.

Лисонька оста́л'ася. Воўка съили. Сидят-посидят. А она, поку́д воўка-то йили, церёв-то под жо́пу нап́рятал'а, лисиця-та. Вот нап́рятал'а под жо́пу лисиця церёв. Вот она потом сидит и вы́ташшит церёвца-то, и ес[т]. А медвидь-от и гыт:

– Штё, лисонька, ешь?

– О-ой, Мишенька! Залезу-ту л'апой-то, да церёв-то вы́ташшу из себя-ту, да и ем, – говорит.

Вот медвидь-от и вздумаў это сде́л'ать-то. Заби́у л'апу-ту, да церёва-ти там свои-ти забрау¹¹⁵, да поташшиу. Да л'апы-то не мо́жет вы́ташшить, да и церёв-то не мо́жет, да и у́мер.

Лисиця и медвидя съел'а. И сидит одна-одинёшенька. А-а старик и вздумаў:

– О-о-ой! Я посылау́, забыу́ ведь, в яму. Идти м[н]е посмотреть.

Он пришёу – одна лисиця сидит. И говорит:

– Лисиця, я ведь тебя ведь убью!

Она гыт:

– Как ты ме[н]я убьёшь? Ведь ме[н]я – вылези, дак то́жно надо бить-то. Принеси острóв¹¹⁶, дак я, – гыт, – вылезу, дак ты и убьёшь.

Он принёс острóв-то, как опустиу́, лисиця – хоп! – по острóве да вы́скоцила, да и убе́жал'а. Вот и сказке ко́нець».

16. «Как лисиця заеца омману́л'а»

«Вот жиу́ заець да лисиця. У лисици был'а избушка ледяная, а у заеца был'а деревянная. Лисиця к ёму ходил'а и говорит, штё:

– У тебя в избушке тёмно́, а у ме[н]я светл'о́.

А вдруг пришл'а вёсна, у лисици избушка росста́ял'а. Приходит к заецу:

– Пусти ме[н]я, заюшко, на квартиру.

Он:

– Не пушшу́, не пушшу́! Шибко хва́стал'ася.

Л'адно, хорошо.

– Я на лисёнку ступаю.

– Не пушшу́!

– На вторую ступаю.

Вот он и гыт:

– Не пушшу́!

Она избу отвори́л'а. Да.

– Не пушшу́.

¹¹⁴ «Баскиё – красивые» [7, с. 162].

¹¹⁵ «Забрау» – взял.

¹¹⁶ «Остров – суковатая жердь, вокруг которой мечут стог из недостаточно просушенного сена» [14, с. 81].

Она на пецьку залезла. Лёжит на печь лисица, прихитрялся – кол'отит хвостом об потыл'ок и гыт:

– Заюшко, заюшко, сл'ыша-ко! Меня, – гыт, – в повьюшки¹¹⁷ зовут.

– Дак штё?! Бежи, лисица. Пирог пирогом, цёупан¹¹⁸ цёупаном! День проживём – не мешаёт!

Ну, л'адно, хорошо. Лисица ушла. Нашла у заеца там на подвол'оке масла кринку. Взяла эту кринку, она поела. Приходит, опеть на печь залазит. Заец спрашивает:

– Как, лисица, зовут?

– Поцятышком, – говорит.

Ну, л'адно, хорошо. Опеть лисица поляжваэт. Лёжал'а-лёжал'а, опеть хвостом об потыл'ок кол'отит:

– Цю-ко, цю-ко, заюшко! Меня в повьюшки зовут.

– Дак штё? Бежи. Пирог пирогом, цёупан цёупаном. День проживём – не мешаёт.

Ну, л'адно, хорошо. Лисица ушла, маслица серёдоцьку выела. Эшто всеё не съела кринки. Приходит, на печь опеть залезла и лёжит, поляжваэт. Заец опеть спрашивает:

– Как, лисица, зовут?

– Серёдоцькой.

Ну, хорошо – Серёдоцькой. Лёжал'а лисица, лёжал'а. Вдруг опеть в потыл'ок стала кол'отить. Да. Вот:

– Цю-ко, цю-ко, заюшко! Меня в повьюшки зовут.

– Бежи! Пирог пирогом, цёупан цёупаном. День проживёт – не мешаёт.

Она ушла, там всё маслице выглодала и на пецьку залезла. Да. Вот это залезла на пецьку.

– Как, – гыт, – зовут?

– Заскрёбышом.

Да, л'адно. Всеё уж это. Стаёт заец пироги стряпать, а сходиёт по маслу – масла-то нет. Да. Сходиёт по маслу – масла нет. И гыт:

– Лисица, ведь ты масло съела?

– Ой, штё ты, заюшко?! Я не съела маслица. А давай-ко, заюшко, лёгём на шештоцик, у которова сальце вытопитца, тот и съёт.

Да. Заец согласился на это. Лисица сбегала на улицу, взяла, комочик снежку нашла. Да. Легли. Заюшка пригрело. (Али эшто, верно, она не принесла). Пригрело заюшка. Она взяла этот комочик снежку, под жопку ёму и подложил'а. На шешке-то у ёво этот снежок-от росстаяёт. Она и будит:

– Заюшко, вставай-вставай-вставай! Ведь у тебя сальце вытопел'ось.

Вот. Заюшко-то соскоциёт. Погледеёт – действительно сальце выскоцилось, вытопил'ось. На себя и вину взяёт.

Вот. Лисица обманул'а заеца. Сама масло съела и ёво обманул'а. И всё».

17.1. «Про волка»

«Вот жили старик да старуха. У старика да у старухи был'о дочка да и парнецёк, был'о петушок да куроцька, был'о семь овеценёк, короўка да тел'ушецька. Вот вдруг идёт воўк:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Как во ётом во двореце:
Старицёк да старушка,
Парнецёк да девоцька,
Петушок да куроцька,
А у ёво семь овеценёк,
Короўка да тел'ушецька.

¹¹⁷ «Повьюшка» – то же, что «повивальщица, повитуха, повивалка» – акушерка [5, с. 143].

¹¹⁸ «Челпан – каравай хлеба, цельный непечатый хлеб» [6, с. 589], высокий ржаной пирог.

Старик говорит:

– Давай, старуха, отдадим мы тёл'ушецьку.

Тёл'ушоцьку воўку отдали, воўк увол'ок эту в л'ог¹¹⁹ тёл'ушецьку, сьеў и опеть идёт:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Как во ётом во дворьце:
Старицёк да старушка,
Парнецёк да девоцька,
Пётушок да куроцька,
У ёво семь овеценёк.

Старик и говорит:

– Давай, старуха, отдадим мы корову, шибко воўк баско п'исьни поёт.

Вот. Воўк увол'ок корову, мал'о поеў, сьеў всю и опеть идёт – много воўку надэ. Л'адно. Вот опеть идёт:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Как во ётом во дворьце:
Старицёк да старушка,
Парнецёк да девоцька,
Пётушок да куроцька,
У ёво семь овеценёк.

Старик говорит:

– Давай, бабка, матка, отдадим всех овець. Пусть воўк не ходит!

Отдаў, выгнаў изо хлёва всех овець. Воўк увол'ок, всех овець сьеў [м]аментально. Нидили не жиў – опеть идёт.

Да. Л'адно, хорошо. Опеть эту жу п'исьню поёт:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Во ётом во дворьце:
Старицёк да старушка,
Парнецёк да девоцька,
Пётушок да куроцька.

– Штё, старуха, ста[н]эм дел'ать? Давай, отдадим уж куроцию да и пётуха. Штё куроцию одну оставишь?! Ведь доўго ли? Он – на хамок¹²⁰, да и сьеў, да и всё.

Опеть л'адно. Старик отдаў это, пётуха и куроцию.

Ну, л'адно. Воўк покуд до ямы шёў, где у ёво яма, уж он и сьеў – нет нецёво. Л'адно, хорошо. Опеть идёт обратно:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Как во ётом во дворьце
Старицёк да старушка,
Парнецёк да девоцька.

– Штё станёшь дел'ать, старуха? Придётся девоцьку отдать. Отдаў вот и девоцьку. Увол'ок воўк, сьеў, опеть идёт:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Как во ётом во дворьце
Старицёк да старушка,
Да парнецёк.

¹¹⁹ «Лог – расчищенный под сенокос участок леса» [12, с.43].

¹²⁰ «На хамок» – на один глоток, за один раз, то есть быстро, стремительно.

Подумаў, подумаў старик – придётца уж и парнецька отдавать. Отдаў парнецька. Вдвоём со старухой остались, сидят да горюют:

– Как цясока?! Эшшо как придёт, дак неково отдать званьиця¹²¹.

Воўк увол'ок парнецька, съеў. Идёт опеть ко крыльцю:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Как во ётом во дворецье
Старицёк да старушка.

Старик повол'ок старуху, за вол'осья выташшиў, в окошко выпёхаў сил'ом¹²². Старуха не шла, а выпёхаў. Воўк увол'ок и старуху съеў. Вдруг... Штё старику ця дел'ать?! Старик залез в печь, забиў в жопу деревец. Да. Там и сидит, засл'онкой засл'онився. Вдруг идёт воўк:

– Хорош, хорош дворець,
Сол'омянной крылець.
Во ётом во дворецье
Старицёк живёт.

Старицёк не отвецяёт – нет. Воўк пошеў в избу. Идёт по избе: искаў, искаў, искаў – нет негде старика. Открыў как засл'онку, старик как пернёт – да воўку в л'об. Воўка убиў. Вот воўка убиў. Старик вылез, воўка взяў, этова, осымаў¹²³, кожу взяў, на базар увол'ок. Тамо ёму за кожу дивно¹²⁴ дали денёг, он тем и дожиў.

Вот и сказке конец. Каньфётов да преников набраў, дак этим и дожиў старик».

Пример 1.

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.
Как во ё - том во дворь - це: ста - ри - цёк да ста - руш - ка,
Пар - не - цёк да де - воць - ка, пе - ту - шок да ку - роць - ка,
А у ё - во семь о - ве - це - нёк, ко - ров - ка да те - л'у - шець - ка.

¹²¹ «Званьица – совсем, абсолютно, совершенно» [10, с. 164].

¹²² «Силом – сильно, с применением силы. С трудом, через силу. Против воли, насильно» [18, с. 8].

¹²³ «Оснимать – снять шкуру с убитого животного» [14, с. 77].

¹²⁴ «Дивно – много, в большом количестве» [10, с. 25].

Пример 2.

$\text{♩} = 228$

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.

Как во ё - том во дворь - це: ста - ри - це́к да ста - руш - ка,

Пар - не - це́к да де - воць - ка, пе - ту - шок да ку́ - роць - ка,

А у ё - во́ семь о - ве - це́ - нёк.

Пример 3.

$\text{♩} = 192$

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.

Во ё - том во дворь - це: ста - ри - це́к да ста - руш - ка,

Пар - не - це́к да де - воць - ка, пе - ту - шок да ку́ - роць - ка.

Пример 4.

$\text{♩} = 216$

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.

Как во ё - том во дворь - це ста - ри - це́к да ста - руш - ка,

Пар - не - це́к да де - воць - ка.

17.2. «Про волка»

«Жиў старик да старуха. У старика да у старухи быў сын да до́щерь, пётушо́к да кúроцька, был'о семь ове́ценёк, коровка, л'оша́дка. Вот, л'а́дно, хорошо.

И вдруг повади́ўся к йим медвядь ходи́ть. (Медвядь ли воўк – не знаю, забы́л'а и которой. Л'а́дно, медвить давай. Воўк). Повади́ўся к йим воўк ходи́ть. (Ну, штёбы в сказке, дак нештё штё). Подходит и гыт:

– Хорош, хорош дворе́ць,
Сол'омянной крыле́ць.
Во ё́том во дворе́ць:
Старице́к да старушка,
Парнеце́к да девоцька,
А у ё́во семь да ове́ценёк,
Пётушо́к да кúроцька,
Л'оша́дка да коровка.

– Ой! – старик гыт, бабе гыт. – Ой, старуха, сколько ба́ско пи́сьни поёт воўк. Давай, – гыт, – отдадим, – гыт, – ё́това, мы, – гыт, – ё́тово, кúроцьку ли пётушка́ ли, не знаю и ково́ – кúроцьку.

Оне́ отдали, он штё – только схамка́ў¹²⁵, да опе́ть идёт:

– Хорош, хорош дворе́ць,
Сол'омянной крыле́ць.
Во ё́том во дворе́ць:
Старице́к да старушка,
[Парнеце́к да девоцька,]
Пётушо́к...
Семь ове́ценёк,
Коро́вка да л'оша́дка.

Вот л'а́дно – и пётушка́ отдаў. Л'а́дно, опе́ть... Опе́ть идёт:

– Хорош, хорош дворе́ць,
Сол'омянной крыле́ць.
Во ё́том во дворе́ць:
Старице́к да старушка,
Парнеце́к да девоцька,
У ё́во семь ове́ценёк
Ё́това, коро́вка да л'оша́дка.

– Давай ове́цьку, старушка, отдадим.

Отдали [старик да] старуха о́вцю. Уше́ў за двор, опе́ть съеў, опе́ть идёт, опе́ть и крици́т это жо́:

– Хорош, хорош дворе́ць,
Сол'омянной крыле́ць.
Во ё́том во дворе́ць:
[Старице́к да старушка,]
Парнеце́к да девоцька,
У ё́во шес[т]ь ове́ценёк
Коро́вка да л'оша́дка.

Опе́ть ове́цьку отдали. Отдали ове́цьку – съеў опе́ть. Всех вы́носиў. Л'а́дно, хорошо. Опе́ть идёт:

– Хорош, хорош дворе́ць,
Сол'омянной крыле́ць.
Во ё́том во дворе́ць:
Старице́к да старушка,

¹²⁵ «Схамкать» – очень быстро съесть.

[Парнецёк да девоцька,]

Коровка да л'ошадка.

– Давай, старуха, отдадим корову – не придёт больше.

– Давай!

Л'адно. Отдал'а старуха корову. Ишшо старик вывёў, отдаў. Увёў, увёў и съёў, опеть идёт, опеть:

– Хорош, хорош дворець,

Сол'омянной крылець.

Во ётом во дворце:

[Старицёк да старушка,]

Парнецёк да девоцька,

У ёво л'ошадка.

Л'ошадку отдаў. Отдали л'ошадь. Цяс уж не придёт – неково нет скота. Ушёў, съёў, опеть идёт:

– Хорош, хорош дворець,

Сол'омянной крылець.

Во ётом во дворце

Старицёк да старушка,

Парнецёк да девоцька.

Старуха бранитця – старик девоцьку отдаў. Съёў, опеть идёт, опеть идёт, опеть:

– Хорош, хорош дворець,

Сол'омянной крылець.

Во ётом во дворце

Старицёк да старушка,

Да парнецёк.

Ну, л'адно, хорошо. Отдали парнецёка. Съёў, опеть идёт. Л'адно, опеть это поёт:

– Хорош, хорош дворець,

Сол'омянной крылець.

Во ётом во дворце

Старицёк да старушка.

Старик за вол'осья старуху вывол'ок, в окошко выбросиў. Один остався.

Ну, л'адно. Сидит, горюёт:

– Штё цяс м[н]е будёт?! – сидит да выдумываэт. – Залезу я в печь да забью во жопу-то деревець, – говорит.

Л'адно. Он там сеў. Идёт опеть:

– Хорош, хорош дворець,

Во ётом во дворце

Старицёк и живёт.

Старицёк не открываётця, в пецё сидит и засл'онкой закрытой. Л'адно, хорошо. Искáў да искáў, зашёў в избу. Всё-таки засл'онку открыў. Как засл'онку открыў, как старик пернёт, и сразу воўка убиў. Воўка убиў, взяў ёво ободраў, кожу на базар увол'ок, продаў, а мясо повисиў под окошко поткам клёвать. А за кожу денёг дали много! Набраў товару всякова: преников, кол'ацёв, каньфётков. И теперь живёт да жорёт¹²⁶. И я бывал'а, дак ме[н]я и цяём пайваў с каньфёткам да и с преникам. Вот как».

¹²⁶ «Жорать – вбирать в себя, поглощать, впитывать. Есть, жрать» [10, с. 91].

Пример 1.

$\text{♩} = 234$

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.

Во ё - том во дворь - це: ста - ри - цець да ста - руш - ка,

Пар - не - цець да де - воць - ка, а у ё - во - семь да о - ве - це - нець,

Пе - ту - шок да ку - роць - ка, л'о - шад - ка да ко - ров - ка.

Пример 2.

$\text{♩} = 264$

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.

Во ё - том во дворь - це ста - ри - цець да ста - руш - ка,

Пар - не - цець да де - воць - ка, а у ё - во - семь о - ве - це - нець,

Ко - ров - ка да л'о - шад - ка.

Хо - рош, хо - рош дво - рець, со - л'о - мян - ной кры - лець.
 Во ё - том во дворь - це ста - ри - цёк да ста - руш - ка,
 Пар - не - цёк да де - воць - ка.

18. «Медвидь – липовая нога» (фрагмент)

«Старик постави́л капкан, изловил медвѣдя. Оторвал лапу, принёс домой лапу-ту (эту мама родная сказывал'а) бабе-то, застави́л её прес[т]ь. Она прят'а. Стал'а шерс[т]ь-ту прес[т]ь, а кожу-ту на копы́¹²⁷ наколотил'а, а мясо-то стал'а варить.

Вдруг медвидь-от и пришёу:

– Скрипи, нога липовая,
 Скрипи, нога берёзовая.
 Хорош, хорош дворець.
 Как во ётом во дворце
 Старицёк да старушка.
 Старушка, – гыт, – мою шерс[т]ку предёт
 И моё мяско варит,
 Да и на моёй коже сидит.

Да. Ак... Вот это... Это толькё и знаю тутокá. Ну, как она потом?.. Он опеть... Дак он три раза приходи́. Как это она отвец'а там ёму? Да вот забыл'а всё. Это всё мама эдакиё м[н]е рассказывал'а сказки. Тут вот так и науцил'ась».

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

19. «Братя, цёрт и поп»

«[...] Повадил'ися воры. Вот у ёво был'о три сына: два умных, один дурак. Да. Он посыл'ает старшова сына караулить. Старшой сын пришёу, сидёу-сидёу, вдруг задрёмау да и уснуу. Цёрт пришёу. (А цёрт ходиу). Цёрт пришёу, да цел'ой мешок нарвау репы, да и унёс. Пришёу домой, батьку и сказваэт:

– Тятя, – гыт.

– Ну, штё, – гыт, – тамока?

А гыт:

– Не мог нековó укараулить – больше тово унесёно репы.

Л'адно. Второва сына посыл'ает – середново. Ну. Середной сын ушёу, опеть сидёу-сидёу, опеть задрёмау, уснуу. Цёрт пришёу с мешком, опеть цел'ой мешок накл'ау репы и уташиу. Он встау поутру – больше тово репы унесёно.

Иван-дурень и говорит:

¹²⁷ «Копыл – ручная прялка» [11, с. 102].

– Вот штё, – гыт, – давай-котё, братья, как я схожу, – гыт, – покараулю.

А и говорят братья:

– Уж мы не могли укараулить, дак, Иван, тебе не укараулить.

А Иван пошё, взяў осьминку¹²⁸ табаку и там сидит. Задрёмаў. Взяў, напёхаў в рот и в нос, процихаўся, просморкаўся, опеть сидит.

А этот идёт опеть, цёрт-от. Он приговариваў и братьям-то тем, говорит:

– Спи, гл'азок, спи, другой.

«А третей-то лис[т]ком [покрой]» – не сказаў.

А маленько-то Иван-дурень вздрёмнуў да и проснуўся. А цёрта-то схватиў за вол'осья да гыт:

– Цецяс, – гыт, – крёс[т] накину.

А тот:

– Штё тебе надэ? Я то и отдам, только креста не накидай.

Вишь, креста-то он не носит. Да. Л'адно, хорошо. Он и говорит, а гыт:

– Мёшок али эту шляпу зол'ота насыпли.

– Ох, – цёрт. – О[т]пусти, принёсу я те[б]ё цяс те[б]ё мёшок цел'ой.

Цёрт ушё, там в озере у старшова цёрта выпросиў, этово, мёшок зол'ота. А этот той порой яму выкопаў, Иван-дурень, да и шляпу на яму пол'ожил, и диру простриг на шляпе. Он высыпал, у ёво негде и нет.

Гыт:

– Ты не принёс!

Тот гыт:

– Принёс!

– Не принёс. Давай неси эшшо.

– Цецяс принёсу эшшо.

– Токо вот крёс[т] накину!

Он ушё, другой принёс мёшок. Он принёс другой туды, только мал'о тутока и во шляпе-то и стал'о. Он и по третей сходиў мёшок. Он сходиў по третей мёшок, высыпал, тоуда ёво о[т]пустиў этот, не накинул креста. Цёрт ушё.

Приходит домой и гыт:

– Тятя, – гыт, – запрягайтё, да братья, коней, – гыт, – пойдёмтё, – го[в]орит.

– Ой! – взохали. – Ой, дурень, наверно, всю репу вытаскаў!

– Давай запрягайтё!

Приехали, репа не вытаскана. Под ёжкой-то и – к яме. Выгрузили тут это зол'ото, привезли. Штё с йим?! Некак не сосчитать, Света. Не сосчитать, Света, некак зол'ота.

Л'адно, хорошо. И говорит батко:

– Пошё, Иван, ты к батюшку, выпроси ружница¹²⁹.

А ружница такая большая, раньше поп собираў это подать. Л'адно.

– Говори, штё зол'у будём миреть.

А он пришё да:

– Дай, батюшко, ружници, смиреть зол'ото.

– Ой! – поп изумиўся – как это зол'ото смиреть?!

Да. Л'адно, хорошо. Он приходит домой и сказаў... Го[в]орят:

– Как ты сказаў?

А гыт:

– Зол'ото миреть, это зол'ото миреть.

– Ой, штё ты, Иван?! Возьми-ко, покарауль там, как батюшко-то идёт, дак там нам вис[т]ь свис[т]ни.

Батюшко идёт. А у ёво пл'аха был'а тамока, л'уцины, он взяў да – хл'оп! – по батюшку-ту, свис[т]нуў да и убиў. Убиў батюшка-та, пришё и гыт:

¹²⁸ «Осьминка – небольшая пачка сыпучего вещества» [14, с. 83].

¹²⁹ «Ружница» – большая ёмкость для измерения сыпучих веществ.

– Братья, уж батюшка-то свис[т]нуў.

Онэ пришли – он мёртвой. Онэ на подвол'оку ёво уташшили.

Л'адно, хорошо. Уташшили. Вдруг матушка бёжит и гыт:

– Где, Иван, – гыт, – батюшко-то?

– А батюшко-то шёу, дак я и свис[т]нуў, да и на подвол'оку¹³⁰ братья уташшили.

А та побёжал'а к десёцькому¹³¹ (раньше ведь десёцькёй быў, да понятыё тут у десёцьково). Убёжал'а. А онэ-то и брат смёкнули, взели да борана зарезали, да и на потыл'ок бросили. Батюшка спрятали эти братья-ти у ёво да бацько-то.

Вот приходит попадьа с этим, с понятым, с десёцьким:

– Давай, Иван, лизь на подвол'оку, ишши там, где батюшко.

Он йиздиў, борана-то йиздиў-йиздиў, гыт:

– Матушка, у те[б]я батюшко в подреснике?

Она гыт:

– Нет, нет, Иван, в этом, – как она назвал'а, – в ризе, в ризе.

Да. Л'адно, в ризе. Он опеть йиздиў да йиздиў:

– Матушка, у те[б]я батюшко с рожкам?

– Нет, комол'ой¹³², комол'ой!

Да. Он опеть йиздиў да йиздиў по борану:

– Матушка, батюшко-то у те[б]я в копытцах?

Она гыт:

– Нет, нет! В сапогах! Ну-ко, Иван, вали сюда!

Иван как свис[т]нуў этова – все убёжали. Так на этом и коньцил'ось.

Онэ сдел'али магазин да всёво набрали, ак вот и тепере-то от йих всё торгуют-ту, от этова магазина. А раньше не был'о л'авки-то, ак вот от л'авки-то теперь всё это и произошл'о. Теперь всё и торгуют, Светушка. Вот, мил'ая.

Вот и сказке конёць. Это всё был'о. Я у йих покупывал'а, дак дешёвле и продавали, ведь не как тепере. Тепере уж доби́ли цену-ту тово дальше. Вот. Всё».

¹³⁰ «Подволока – потолок, чердак» [2, с. 204].

¹³¹ «Десятский – полицейский служа́тель, по наряду от обывателей» [3, с. 433].

¹³² «Комолой» – безрогий.

Примечания

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1. «Иванушко и потоцька» («Иванушко выполняет поручения царя»)

Герой выполняет поручения царя: ищет солнце, добывает царевну, свадебный наряд, женится. В СУС прямые соответствия сюжета не зарегистрированы, включает следующие мотивы СУС: 460В «Путешествие к судьбе (счастью, солнцу)» + 465В «Гусли-самогуды» + 554 «Благодарные животные».

1.1. Записано Парадовской Г. П., Каневой С. В., Федорчук О. Я., 17.01.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ 055-23. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм: «(В. – Анастасия Петровна, а Вы откуда сказки знаете?) А поцём знаю?! Где-то уцюю, дак и знаю. Кто-то скажёт. Мама родная сколько сказывал'а, эк забыл'а. А родная-то меня оставил'а на восьмом году, восемь годов, на девятом годоцьку, дак с марта девятой пошёу вот со второво... двадцеть со второво дак вот девятой год пошёу м[н]е-ка. Ак вот она сказывал'а маленькой всё м[н]е-ка. А брат не умеу сказывать. Он... Я ёму: “Скажи ска... Скажи-ко ты мне сказку-то!” А тот помен[ь]ше быу и гыт... А он у нас шибко быу жорок йис[т]ь, дак и говорит, гыт: “А вот, – гыт, – цёноцьки-то¹³³ бы, на цёноцьки бы каши, да вот картовки...” Дак я го[в]орю: “Толькё ты бы это и знау!” – “Да тут бы и стау бы, – гыт, – я йис[т]ь,” – гыт».

1.2. Записано Балуевской (Каневой) С. В., Кулёвым А. В., Федорчук О. Я., Морозовым Д. Н., Панковой Н. Н., 06.07.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-11. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

1.3. Записано Кореньковой Т. В., 03.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 489-25. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

1.4. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 074-29 (ЭВФ № 071-70). Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «Вот маленько перепу-у-тал'а! <...> Только знаю сказки, а не знаю, кто мне сказывау. Эку, не знаю, можёт быть, и мама, можёт, и кто-небудь и такой говореу, да я выслушал'а. (В. – А мама тоже рассказывала?) А вот и рассказывал'а, штё я восьми годов был'а, дак она рассказывал'а, дак я все запомнил'а еённые сказки. <...> Много эдаких бол[ь]ших, дак забывать стал'а. Эдак вот, штёбы куплет за куплетом-то, не забытыця надо – и забудуся».

2. «Сивко-Бурко»

СУС 530 *В «Сивко-Бурко».

2.1. Записано Кореньковой Т. В., 20.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 498-25. Расшифровано Лебедевой К. Л., Балуевской С. В.

2.2. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 074-33. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «(В. – Анастасия Петровны, а про «Сивку-Бурку» сказочку Вам кто рассказывал?) А вот тоже, наверно, мама всё родная сказывал'а. <...> Ну-ко был'а восьми годов, это мама сказывал'а. Вот сказку-ту знал'а, когда батька-то повезли хоронеть-то, дак он на тене-то всё видяу. Дак вот не знаю, не сказывал'а, ак ведь забыл'а, шибко доугая да и хорошая. Повезли, да батько-то выскакывау из гроба – ноцьей приказау везти. Дак вот онё всё это... Он как выскоцит, дак онё куды-небудь на ёуку залезут. Ак там тинь-та над рёкой, ак он туды соскоцит, тамока дак, тут он и росстанётця с душой. Онё везли ёво, дак он выскакывау всё этакой... Цясока уж не знаю, нецёво уж сяс не знаю».

2.3. Записано Кореньковой Т. В., 20.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 503А-01. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

¹³³ «Цёноцьки» – саночки.

3. «Глебушко и Егибашна»

СУС 327 С «Ивашко (Жихарка и пр.) и Ведьма».

3.1. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ 074-31. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «Теперь то и Егибашных-то нет ведь. Раньше всё Егибашные были, а теперь ведь нет их, нековó нет. Ведь раньше был'о, ведь и пужал'а были, а теперь нецёво нет. Мол'одой народ всё это ликвидироваў. (В.– А Егибашны, они какие?) Онé баскиё. У меня были экиё два зуба, ак я показывал'а, а теперь нету уж их, зубов-то. Эти зубы-ти как эдак сдёл'аю, дак вот рот-от – дак вокурат Егибаба. Дёвоцькам-то и покажу[сь] вот эдакая – два зуба напередé был'о. (В. – У нее два зуба напередé?) Да. У её два зуба напередé, дак как она... Да. Да этова... И вол'осья-то розмохнацёны. Она ведь нехорошая, некрасивая. А теперь, вишь, вот парнецёк-от и испёк её, да уж, наверно, нет. (В. – А где они живут-то, Егибашны?) Онé в лёсу живут, у их свои тамока́ избушки – всё. Вот. Всяко бываёт. А всё таки отпираютця¹³⁴ это от Егибаш-то коё-как, это, отходят, старухи-ти знали раньше эдак. (В. – А может и до сих пор есть они?) А может быть, может, и ноне ес[т]ь».

3.2. Записано Парадовской Г. П., Каневой С. В., Федорчук О. Я., 17.01.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ 1111-15 (ЭВФ 055-27). Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

3.3. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ 057-15. Расшифровано Никашкиной А. А., Балуевской С. В.

3.4. Записано Кореньковой Т. В., 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 502-07. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «(В. – А откуда Вы знаете эту сказку?) Мама родная сказывал'а».

4. «Дёвоцька-дудоцька»

СУС 780 «Чудесная дудочка».

4.1. Записано Балуевской (Каневой) С. В., Кулёвым А. В., Федорчук О. Я., Морозовым Д. Н., Панковой Н. Н., 06.07.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-12. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм. к тексту: «Вот последное-то слóво л'адно спёл'а, а первые-те эшшо тамо и некак, смёшал'ася это. На[д]о вперед штёбы “схоронили-то”, “ускакали-то”».

4.2. Записано Кореньковой Т. В., 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 503А-07. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

5. «Снегурка и старицёк-коростеницёк»

СУС 703 «Снегурочка» + *314 «Бычок-спаситель»

Записано Парадовской Г. П., Каневой С. В., Федорчук О. Я., 17.01.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 055-26. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «Это всё у меня насобирано. Буди, мама, может, сама и с умом навидумывал'а родная, эдак вот».

6. «Морозко»

СУС 480*В «Мачеха и падчерица».

Записано Балуевской (Каневой) С. В., Кулёвым А. В., Федорчук О. Я., Морозовым Д. Н., Панковой Н. Н., 06.07.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-14. Расшифровано Куваевой Е. Н., Балуевской С. В. Комм.: «(В. – А Морозка-то – это кто?) Мороза-то штё не знаёшь, Мороза-то? (В. – А где он живёт?) Где? А зимой, середь зимы. (В. – А летом куда?) А летом росстаёт. <...> Зимой-то ведь студёно. <...> (В. – А во святки зовут Морозка, это которого?) А этова и зовут: “Иди к нам ужнать, да у нас на поле не морозь. Мороз, Мороз – красной нос, иди к нам ужнать, только на поле не морозь, на поле не морозь!” – этова Морозка и клицят».

¹³⁴ «Отпираютця» – отказываются, избавляются.

7. «Марья-цярэўна и братец Иванушко»

СУС *1885 «Человек влезает на небо по дереву» + 450 «Братец и сестрица».

Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ ЭВФ № 074-32. Расшифровано Сухаревой С. Н., Балугевской С. В. Комм.: «(В. – Анастасия Петровна, вот прежде кто сказки рассказывал?) Эту мама родная эшшо сказывал'а. А вот приёжжаў какой-от к Овріхе к Ефїмковому старик по сено, дак вот мы тут собиравісе, дак вот сказывали, дак поцём я вот там всё и знаю, хто мне скажёт. Эту родная мама сказывал'а про этово борашка. А тут эшшо вот-от нонечи тожо где-то уж и щол'а её. А это уж я видел'а где-то уж и по телевизёру, когда онé, она вышл'а, дак на берёгү онé обхватилися. Вот нонце уж по телевизёру где-то видел'а вот эту сказку».

8. «Парнецёк-голубоцик»

Ягибашна-мачеха съедает пасынка. Сестра собирает косточки, относит на голубенку. Залётный голубчик выпаривает голубочка из костей мальчика. Голубчик-брат дарит сестре сундук с подарками, а дочь Ягибашны убивает, сбрасывая жёрнов.

Близко к сюжету СУС 720 «Мать меня убила, отец меня съел».

8.1. Записано Балугевской (Каневой) С. В., Кулёвым А. В., Федорчук О. Я., Морозовым Д. Н., Панковой Н. Н., 06.07.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-22. Расшифровано Коньковой Е. А., Балугевской С. В.

По просьбе собирателей А. П. Дербина исполнила фрагмент песенки из сказки, при этом отметила, что напев «не подходит» (см. Пример 1 на стр. 61):

«Быў у тятеньки,
Быў у маменьки.
Родная маменька
Умёрл'а,
Меня оставил'а.
Ишшо тятенька
Взяў Егібашну...»

8.2. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 074-30. Расшифровано Коньковой Е. А., Балугевской С. В. Комм.: «Да пїсьня она! Как-то: “Спой-ко пїсёнку, гол'убоцик”. Он и запёў про себя-то туто, дак вот я забыл'а. <...>

“Егібашна меня съел'а, (как-то)
Мои костоцьки валил'а,
Моя сестрица собирав'а,
На гол'убёнку возил'а...” – дак оно всё с пїсьней был'о».

9. «Как Егібашна молодых догоняла» (фрагмент)

СУС 313 «Чудесное бегство».

Записано Парадовской Г. П., Каневой С. В., Федорчук О. Я., 17.01.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ 1111-14. Расшифровано Балугевской С. В.

10. «Как парнецёк родителей искал» (фрагмент)

Родители паренька попадают в плен. Он воспитывается дедушкой, а повзрослев, отправляется на поиски родителей. Яга хитростью пытается его убить, но погибает сама (попадает в котел с кипятком). Паренек убивает орла, спасая лебедь, которая становится его помощником.

Представлены отдельные фрагменты текста, окончание отсутствует. Прямые соответствия в СУС не зарегистрированы.

Записано Кореньковой Т. В., 20.08.1998. Архив ОНМЦК, № ЭАФ 486-16. Расшифровано Балугевской С. В.

В комментариях упоминается сказка «Гуси-лебеди»: «Батько уехаў да матка, а девоцька с мальчиком остал'ась. Да заиграл'ась матка, у её гуси уташили робёнка-то. Вот она и пошл'а искать этова робёнка, девоцька-то побёжал'а искать».

11. «О кузнеце и золотых дел мастере»

Кузнец и золотых дел мастер спорят, чей чин ценнее. Кузнец куёт орла, мастер – золотую уточку. Орёл оказывается ценнее. Паренёк угоняет орла, устраивается ко царю конюхом, тайком летает к царской дочке, попадает в тюрьму, улетает с места казни вместе с царской дочкой. Царевна рождает сына, вышивает адрес на рубашке, оставляет на воспитание старушке. Сын вырастает, устраивается в лавку торговцем. В него влюбляется дочь начальника города, ходит к нему через подземный ход. Царь хочет наказать торговца, узнает по рубашке своего сына и женит его.

СУС 575 «Деревянный орел» + 873 «Царь и купеческая дочь».

Записано Кореньковой Т. В., 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 503А-08. Расшифровано Балуевской С. В.

НЕБЫЛИЦЫ

12. «Про лёсново царя»

Контаминация сюжетов: СУС 1920*Д «Состязание во лжи или ложь на пари» + *1885 «Человек влезает на небо по дереву» + *1887 «Переправа через море» + 1900*В «Волк вытаскивает человека из болота».

12.1. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-21. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

12.2. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 055-24. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «(В. – А где у Вас усы-то?) Дак я теперь обрй'ла. Были усы-те».

12.3. Записано Кореньковой Т. В. 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 502-08. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «(В. – Вы откуда знаете сказки?) Мама родная сказывал'а!»

12.4. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 074-34. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В. Комм.: «(В. – А почему к царю-то лесному за огнём ходят?) А вот поцёму? На[д]о. Огня-то нет – онé спицёк не принесли. Ты цюл'а: спицёки-те он выбросиў. Говорят... Онé и хотили найти-то так, а пришли, натакались¹³⁵ – царь лёсной сидит тутока у огня-то. И стали просить, а он йим уж не розрешаэт. Я это, робята, так сказвал'а тутока, поди-ко, и тут надёл'ал'ося. На[д]о, будечи, снова переделать, по-хорошому сказать. Я думал'а – так. (В. – А какой он, царь-то лесной?) Какой царь? А такой хорошой, шибко уж бол[ь]шушшой, да и вкруг огня обвиўся, лёжаў. Вот. В лёсу, ты слыхал'а, какие лёсные-ти есть?! Дак вот он тутока и быў. (В. – Он как человек?) Да. Как цёл'овёк, как цёл'овёк. У нас цёл'овёк вот эттака с Княжева шёў, дак и то он царя-то высмотреў эдак. Раньше-то это, раньше-то ведь были эти».

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

13. «Лисиця-мытница»

СУС 37 «Лиса нянька (плачя)» + 154 «Мужик, медведь и лиса».

Записано Кореньковой Т. В., 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 502-10. Расшифровано Теленковой Д. Н., Балуевской С. В.

14. «Лисиця и старик»

СУС 1 «Лиса крадет рыбу с воза» + 2 «Волк у проруби» + 3 «Лиса замазывает голову сметаной» + 4 «Битый небитого везет».

Записано Кореньковой Т. В., 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 502-11. Расшифровано Коньковой Е. А., Балуевской С. В.

¹³⁵ «Натака́ться – натолкнуться на кого–что-нибудь» [13, с. 77].

15. «Как кошка на ложке ездилa в Усольё по́ соль»

СУС 158+20А «Звери пожирают друг друга» («Звери попадают в волчью яму») + 21 «Пожирание собственных внутренностей».

Записано Кореньковой Т. В., 10.08.1995. Архив ОНМЦК, АФ № 502-09. Расшифровано Коньковой Е. А., Балувеской С. В.

16. «Как лисица заеца омману́ла»

СУС 43 «Ледяная и лубяная хатка» + 15 «Лиса-повитуха».

Записано Парадовской Г. П., Каневой С. В., Федорчук О. Я., 17.01.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ № 1111-16. Расшифровано Балувеской С. В. Комм.: «(В. – Эту сказку когда и кто рассказывал?) Поцём знаю, кто. Где я её нашл'а?! Не знаю, где нашл'а, не помлю».

17. «Про волка»

СУС *162 «Пение волка».

17.1. Записано Парадовской Г. П., Комягиной О. Н., Юшковым О. В., Уваровой Н. Е., 25.07.1995. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 055-22. Расшифровано Коньковой Е. А., Балувеской С. В.

17.2. Записано Балувеской (Каневой) С. В., Кулёвым А. В., Федорчук О. Я., Морозовым Д. Н., Панковой Н. Н., 06.07.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-13. Расшифровано Коньковой Е. А., Балувеской С. В.

18. «Медвѣдь – липовая нога» (фрагмент)

СУС *161 «Медведь – липовая нога».

Записано Парадовской Г. П., Каневой С. В., Федорчук О. Я., 17.01.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ № 1111-22. Расшифровано Балувеской С. В.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

19. «Братья, цѣрт и поп»

СУС 1002 «Убытки чѣрту» + 1130 «Шляпа денег» + 1600А «Дурак-убийца».

Записано Балувеской (Каневой) С. В., Кулёвым А. В., Федорчук О. Я., Морозовым Д. Н., Панковой Н. Н., 06.07.1994. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭВФ № 057-20. Расшифровано Коньковой Е. А., Балувеской С. В.

Учебное издание

Балуевская Светлана Владимировна, составление

ФОЛЬКЛОР ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Сказки
Анастасии Петровны Дербиной
Хрестоматия

Редактор – Л.А. Перерукова
Компьютерная верстка – Н.В. Подхомутова

Подписано в печать 22.06.2016. Формат 60 × 84/16
Усл. п. л. 5,9. Тираж 100 экз. Заказ №

РИО ВоГУ. 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6